ВѢСТНИКЪ
ЕВРОПЫ,

издаваемый

Николаемъ Карамзинымъ.

ЧАСТЬ IV.

МОСКВА, 1802.

Въ Университетской Типографіи,

у Любы, Гарія и Попова.

ОДОБРЕНІЕ.

Книгу, подъ заглавіемъ: *Вѣстникъ Европы, издаваемый Николаемъ Карамзинымъ, Часть IV.* разсматривалъ и не нашелъ въ ней противнаго къ напечатанію. Университетской Ценсоръ

Антонъ Прокоповичъ-Антонской.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

№ 13.

ЛИТТЕРАТУРА и СМѢСЬ.

I.

Топографическое описаніе царства Поэзіи.

(Переводъ съ Французскаго.)

Поэзія есть царство весьма обширное и, къ нещастью, слишкомъ многолюдное. Оно граничитъ къ востоку съ Краснорѣчіемъ, къ югу съ Живописью и съ Ваяніемъ, къ западу съ Музыкою, а къ сѣверу съ Океаномъ Учености.

Царство Поэзіи раздѣляется, подобно многимъ другимъ землямъ, на вышнюю и нижнюю часть. Въ первой живутъ люди весьма важные характеромъ, угрюмые лицомъ и гордые осанкою; языкъ ихъ въ сравненіи съ языкомъ другихъ провинцій есть то же, что языкъ Славянской въ сравненіи съ Рускимъ. Они всѣ ремесломъ Герои, и такіе страшные бойцы, что имъ бездѣлица однимъ махомъ разрубить человѣка съ головы до ногъ. Что

принадлежитъ до тамошнихъ женщинъ, то онѣ всѣ совершенныя красавицы, и самую дурную изъ нихъ обидишь, естьли уподобишь ее лучезарному солнцу. Лошади тамъ быстрѣе яростныхъ Аквилоновъ, а дерева, самыя низкія, гордо возвышаютъ вѣтви свои до неба. Столица сей провинціи называлась нѣкогда Эпическою Поэмою. Въ ней жили обыкновенно всѣ Цари: Гомеръ, Виргилій, Тассъ, Мильтонъ и прочіе. Но въ наше время она совсѣмъ запустѣла. Не удивительно: ибо сей городъ былъ построенъ на землѣ песчаной и глинистой, которою весьма не многіе умѣли пользоваться. Говорятъ, что онъ превосходилъ обширностію Лондонъ, Москву и Парижъ; по крайней мѣрѣ то извѣстно, что странники, желавшіе видѣть всѣ его части, уставали не дошедши до конца. Нѣкто Бонапарте, какъ слышно, готовитъ нынѣ матеріалы, чтобы снова выстроить сей городъ. — Жители вышней Поэзіи не славились никогда любовію къ истинѣ, всегда прибавляли чудесное къ своимъ повѣстямъ и разсказывали нелѣпости съ важнымъ видомъ, по большей части складно и даже любопытно. Они любили водить иностранцевъ на кладбище Царей своихъ и говорили: „здѣсь лежитъ Царь Латинскихъ Поэтовъ; тутъ спитъ

вѣчнымъ сномъ божественный Гомеръ; тамъ кости нѣжнаго Тасса. Профаны! благоговѣйте: прахъ безсмертныхъ есть святыня!"

Въ главныхъ городахъ Вышней Поэзіи всего ужаснѣе видѣть безпрестанные поединки, убійства, сраженія. Прежде можно было отдыхать сердцемъ въ ихъ мирныхъ и щасплливыхъ предмѣстіяхъ, называемыхъ *Романами*, гдѣ взоръ открывалъ всегда новые виды и картины, къ удовольствію любопытныхъ. Тамъ пѣли соловьи и малиновки, журчали томные ручейки, пастушки украшались цвѣтами и любовники таяли въ восторгахъ. Теперь въ сихъ предмѣстіяхъ видны одни разрушенные замки, гробы, кости человѣческія, и слышно одно карканье вороновъ, крикъ филиновъ и совъ. Жители тамошніе, образованные Лесажемъ, Фильдингомъ, Прево, были нѣкогда совершенны въ своемъ родѣ; любили путешествовать, обожали красавицъ, веселились, праздновали съ утра до вечера, и всякаго иностранца угощали по крайней мѣрѣ на пяти или шести блестящихъ свадьбахъ. Теперь желчь разливается у нихъ въ сердцѣ; они всѣ гипохондрики, мрачны, задумчивы; выходятъ изъ домовъ только ночью; видятъ вездѣ мертвецовъ, кладбища, знаки

тлѣнія и всякіе ужасы; а когда начнутъ говорить, то недостанетъ терпѣнія слушать ихъ: несутъ сумбуръ, и на яву бредятъ. Всего страннѣе то, что наши любезныя красавицы не боятся сихъ предмѣстій, ѣздятъ туда въ гости, и рады съ утра до вечера гулять тамъ по могиламъ и черепамъ, вмѣстѣ съ привидѣніями и мертвецами.

Не далеко отъ древней столицы возвышается цѣпь крутыхъ горъ, окруженныхъ со всѣхъ сторонъ ужасными пропастями. Онѣ называются *Трагедіею*. На вершинѣ ихъ видны развалины древнихъ храмовъ и городовъ, которыхъ самые остатки великолѣпны. Жители сихъ горъ ходятъ всегда съ кинжалами, въ перчатыхъ каскахъ, въ латахъ, Греческой или Римской одеждѣ; они такъ жестокосерды и кровожадны, что самыя женщины бьютъ въ ладоши, видя, какъ нещастные убиваютъ или отравляютъ себя ядомъ, терзаютъ грудь свою и падаютъ на землю въ страшныхъ судорогахъ. На сихъ же горахъ возвышаются амфитеатромъ огромныя чудесныя палаты, названныя, не извѣстно для чего, *Олерою*, отъ Латинскаго слова, которое означаетъ *творенія*. Не льзя вообразить ничего смѣшнѣе характера людей, живущихъ въ сихъ волшебныхъ

палатахъ; они считаютъ себя полубогами или по крайней мѣрѣ чрезвычайными Героями; при звукѣ трубъ и литавръ, съ барабаннымъ боемъ и пушечною стрѣльбою пьютъ, ѣдятъ, прыгаютъ, смѣются, плачутъ, летаютъ, сходятъ съ неба, вылѣзаютъ изъ партара, поютъ — и умираютъ.

Верстахъ въ трехъ оттуда, на пріятной долинѣ, гдѣ ежеминутно рѣзвятся Игры, Смѣхи и Купидоны, сіяетъ древній и богатый городъ *Комедіи*: искусство подражанія доведено тамъ до рѣдкаго совершенства; жаль только, что оно живыми красками своими изображаетъ не рѣдко опасные предметы, не соблюдая въ картинахъ законовъ Морали и благопристойности. Жители сего веселаго города любятъ посмѣяться надъ ближнимъ; одни дурачатъ другихъ, и всякой въ свою очередь служитъ предметомъ насмѣшекъ. Однакожъ надобно согласиться, что сіи вѣтреные люди иногда шуткою научаютъ болѣе, нежели важные Моралисты своими трактатами. Тамъ въ великолѣпныхъ портикахъ стоятъ лаврами и гирландами украшенные бюсты Аристофана, Плавта, Теренція, Мольера, Ренара, Детуша. Тамъ, у городскихъ воротъ, останавливаютъ всякаго любопытнаго; сказываютъ

ему, что есть достойнаго примѣчанія въ городѣ, и просятъ его вести себя учтиво и благоразумно. Симъ средствомъ жители надѣятся обезоружить дерзкихъ *Критиковъ* и *заговорщиковъ*, людей опасныхъ и жестокихъ, которые не хотятъ жить въ мирѣ съ народомъ *Поэзіи*.

На скатѣ пригорка является взорамъ странника другой, еще новый городъ, называемый *Траги-Комедіею*. Жители его долго ссорились съ гражданами Комедіи и Трагедіи, которые хотѣли прогнать ихъ, доказывая, что они всѣ не законныя дѣти и враги вкуса. Однакожь многіе иностранцы, любящіе плакать и смѣяться въ одно время, пристали къ сему новому народу, который нынѣ утвердился и разбогатѣлъ въ царствѣ Поэзіи.

Верхняя и нижняя Поэзія раздѣлены обширными пустынями *Здраваго Разсудка*, гдѣ нѣтъ ни городовъ, ни селеній, кромѣ уединенныхъ хижинъ, разсѣянныхъ по долинѣ. Тамъ живутъ мирные пустынники, весьма малочисленные, занимаясь земледѣліемъ и скотоводствомъ. Но сіи мѣста прекраснѣе и живописнѣе всѣхъ другихъ въ царствѣ Поэзіи; тамъ есть все нужное и пріятное для жизни; а мало жителей для того, что путь туда весьма труденъ, неудобенъ, и рѣдко

можно найти вѣрнаго путеводителя. Сія провинція окружена областію *Ложнаго Ума*, которой жители легкомысленны, вѣтрены, и всегда гоняются за бездѣлицами; сластолюбіе есть божество ихъ: мудрено ли, что они, упоенные его восторгами, не хотятъ оставить прелестнаго жилища своего и скитаться по окрестнымъ пустынямъ *Здраваго Разсудка*? Главный городъ сей области называется *Пѣснею*; онъ окруженъ лѣсами *грустныхъ воспоминаній*, гдѣ вѣтерокъ вѣетъ любовными вздохами, ручейки текутъ слезами нѣжности, эхо повторяетъ: *люблю! люблю!* и горлица тоскуетъ о дружкѣ своемъ.

Въ царствѣ Поэзіи текутъ двѣ рѣки: *Смыслъ* и *Рифма*. Первая орошаетъ пустыни *Здраваго Разсудка*, и для того берега ея весьма уединенны; а вторая вытекаетъ изъ-подъ горы, называемой *Пустымъ Трудомъ*. Тутъ построенъ блестящій замокъ въ новомъ вкусѣ, и на воротахъ его написано золотыми буквами: *замокъ Пустословія, гдѣ согласіе звуковъ служитъ вмѣсто ума и таланта*. Въ семъ домѣ собирается множество не только молодыхъ, но и старыхъ людей, которые съ утра до вечера сидятъ въ задумчивости, приставивъ палецъ ко лбу, и отъ времени до времени вскрикиваютъ

съ восторгомъ Архимеда: *нашелъ! нашелъ!* *Риѳма* орошаетъ большую провинцїю, называемую *Подражанїемъ*; она безплодна, и бѣдные жители ея ходятъ подбирать колосы въ другихъ мѣстахъ, не изъявляя благодарности хозяину; а въ случаѣ нужды и крадутъ. Достойно примѣчанїя то, что никто не можетъ уберечь отъ нихъ своего имѣнїя. — Не далеко оттуда начинается боръ *Тупоумїя* и *Глупости*, столь густый и темный, что лучи солнечные никогда не могутъ въ него проникнуть.

Царство *Поэзїи* весьма холодно къ сѣверу. Тамъ люди низки ростомъ, щедушны, и питаются однѣми крошками; разговоръ ихъ состоитъ въ игрѣ словъ или въ разныхъ оборотахъ одной мысли. Тамъ находятся маленькїе городки, называемые *Анаграммами*, *Акростихами*, *Загадками*, *Каланбурами* — и другїе, недостойные любопытства. Надобно только замѣтить, что въ сей провинцїи нѣтъ ни одного пожилаго человѣка; всѣ умираютъ въ молодости, и большая часть въ самый первый день своего рожденїя.

Съ сей стороны царство *Поэзїи* граничитъ съ Океаномъ, о которомъ было упомянуто выше. Въ верстѣ отъ берега находится островъ *Сатиры*. Море, окру-

жающее его, наполняетъ воздухъ соляными частицами, которыя, входя черезъ дыханіе во внутренность жителей, раздражаютъ нервы. Вотъ причина ихъ безпрестаннаго негодованія и сердца! Они всегда призываютъ Аполлона, но бранятся не столько за оскорбленіе вкуса и нравовъ, сколько за малое уваженіе ихъ собственныхъ сочиненій или мнимыхъ достоинствъ. На семъ островѣ начальствовалъ нѣкогда Ювеналъ, человѣкъ добродѣтельный, искренно ненавидѣвшій пороки своего времени; но ему не многіе слѣдуютъ въ правилахъ и чувствахъ.

Упомяну еще о полуостровѣ *Эпиграммы*, который вдается въ море *острымъ* мысомъ. Жители крайне любятъ *убивать время и людей*, весьма дружны съ обитателями *Ложнаго Ума*, хотятъ грубою бранью поддѣлаться подъ остроуміе, и всегда мѣтятъ человѣку прямо въ сердце; но *стрѣлы* ихъ, которыя они по скромности называютъ *Аполлоновыми*, едва ли не всегда падаютъ имъ же на голову.

Вотъ краткое описаніе царства Поэзіи! Тѣ, которые вздумаютъ изъ любопытства видѣть его, должны проѣхать мимо острова *Сатиры*, провинціи *Ложнаго Ума*, заразительнаго города *Каланбуровъ*, только взглянуть на темный лѣсъ *Глу-*

лости, слѣдовать за теченїемъ рѣки *Смысла*, и непремѣнно добраться до пустынь *Здраваго Разсудка*; однимъ словомъ, подражать Рускимъ Стихотворцамъ, изъ которыхъ всякой съ честїю и славою тамъ странствовалъ или странствуетъ!

II.

Исторія Лафлёра, Стернова слуги.

Читателямъ уже извѣстно, какимъ образомъ я нашелъ Лафлёра (*). Мнѣ всего болѣе хотѣлось узнать отъ него истинный нравъ Стерновъ, и подлинно ли нѣжность чувства его была такова, какою описывается она въ Йориковомъ путешествїи? Но сїи тонкїя черты превосходили умъ добродушнаго Лафлёра. Онъ искренно признавался, что господинъ его, сынъ мечтательности и непостоянства, такъ раскрасилъ многїе анекдоты своего путешествїя, что они кажутся ему — Богъ знаетъ, чѣмъ!

„Иногда, говорилъ Лафлёръ, любезной господинъ мой погружался въ глубо-

(*) Но намъ не извѣстно. Книжка *Декады*, въ которой эта исторїя начинается, не дошла до насъ. Думаю, что всѣ Читатели знаютъ (слѣдственно и любятъ) Стерна.

кое уныніе и совсѣмъ забывалъ меня, такъ что я, боясь слѣдствій, нарочно старался выводить его изъ задумчивости, входилъ къ нему и предлагалъ, что умѣлъ на тотъ разъ выдумать, для разсѣянія его меланхоліи. Онъ всегда съ улыбкою принималъ такіе знаки моей искренней любви, и показывалъ, что разсѣяніе ему нужно; иногда, какъ будто бы проснувшись, вскакивалъ съ мѣста, развеселялся и начиналъ пѣть: vive la bagatelle!

„Въ *такую четверть часа* Господинъ Стернъ познакомился съ служанкою перчаточнаго магазина (*). Она послѣ была у него въ комнатѣ.“ . . . Вспомнивъ объ этомъ свиданіи, Лафлёръ не сказалъ мнѣ ничего болѣе; но говоря о служанкѣ Госпожи * *, которая также приходила къ Стерну, онъ примолвилъ: „бѣдная казалась очень жалка; она была такая маленькая и такая миленькая!“

Дама, означенная буквою L, есть Маркиза Ламберти. Она выходила Йорику паспортъ, который въ самомъ дѣлѣ начиналъ безпокоить его. Не смотря на Шекспира, Лафлёръ думаетъ, что Графъ

(*) Всякая бездѣлица Йорикова путешествія памятна тому, кто читалъ его.

Б* (Брепёль) не сталъ бы хлопотать объ немъ. Шуазёль былъ тогда Министромъ.

Бѣдная Марія къ нещастью не есть вымышленное существо. — „Когда мы пришли къ ней (говорилъ Лафлёръ), она какъ ребенокъ ползала на дорогѣ и сыпала себѣ на голову пыль; но трудно вообразить женщину любезнѣе Маріи. Въ ту минуту, какъ Стернъ началъ трогательно говорить съ нею и обнялъ ее, она пришла въ себя, успокоилась, разсказала ему печальную свою исторію и оросила его грудь жаркими слезами. Господинъ мой рыдалъ. Она тихонько высвободилась изъ его объятій, и запѣла молитву Богоматери. Добродушной господинъ мой закрылъ себѣ глаза рукою и пошелъ вмѣстѣ съ Маріею къ ея хижинѣ. Тамъ онъ долго разговаривалъ съ матерью.

„Всякой день, пока мы были въ Муленѣ, я носилъ имъ изъ трактира пищь и ѣсть; а когда поѣхали, то господинъ мой далъ матери свое духовное благословеніе и нѣсколько денегъ; а сколько? не знаю. Онъ давалъ всегда болѣе другихъ.“

Стернъ имѣлъ недостатокъ въ наличныхъ деньгахъ. Война мѣшала переводить ихъ изъ Англіи во Францію; а онъ худо вычислялъ издержки, считая одни прогоны, и не предвидя того, что ему вспрѣ-

шяпся нещастные, и что онъ подѣлится съ ними.

„Часто, сказалъ Лафлёръ, когда мы перемѣняли лошадей, господинъ мой оборачивался ко мнѣ со слезами: *бѣдные люди, какъ они жалки! а у меня нѣтъ денегъ!*

Парижъ и безчисленные любопытные предметы его занимали Стерна около четырехъ мѣсяцевъ.

Англичанинъ путешествуетъ не для того, чтобы видѣть Англичанъ, говорилъ онъ, и поступалъ сообразно съ симъ правиломъ; никогда не ходилъ къ землякамъ своимъ, и встрѣчаясь съ ними, старался отдѣлаться обыкновенными учтивостями. Удовольствіемъ его было *смѣшиваться* съ народомъ каждой земли.

Стернъ много писалъ, и по ночамъ. Лафлёръ удивился, слыша отъ меня, что его сочиненій мало въ печати. „Я знаю, сказалъ онъ, что у него былъ цѣлой сундукъ бумагъ.“ — Какого содержанія? спросилъ я. — „Всякаго роду мысли о характерѣ народовъ. Въ Италіи онъ съ великимъ стараніемъ развѣдывалъ о всѣхъ частяхъ Правленія и собиралъ примѣчанія достойныя черты нравовъ; пользовался библіотеками, а еще болѣе самъ наблюдалъ. Страннѣе всего то, что Господинъ Стернъ никакъ не могъ говорить по-Испа-

лїянски; я выучился, а онъ, нѣсколько разъ безполезно принимавшись за Грамматику, наконецъ потерялъ надежду узнать правила. Это удивляло меня тѣмъ болѣе, что Латинской языкъ ему конечно былъ извѣстенъ."

Не льзя сомнѣваться въ истинѣ Лафлёровыхъ словъ — и въ такомъ случаѣ жаль, что наслѣдники Стерновы лишили публику любопытныхъ его записокъ, которыя безъ сомнѣнїя были бы во сто разъ любопытнѣе многихъ ученыхъ томовъ нашего времени.

„Свидѣтельствуюсь Небомъ (сказалъ „нашъ Йорикъ), что ни въ какой землѣ „подъ солнцемъ не найдешь столько пред„метовъ для ума и столько разнообра„зїя въ характерахъ, какъ въ Велико„британнїи." Стернъ хотѣлъ вылечить Англичанъ отъ ихъ излишней страсти къ путешествїямъ; а самъ скакалъ, летѣлъ изъ мѣста въ мѣсто! Когда душа угнетена горестїю, которую покой всегда усиливаетъ, тогда всего благоразуднѣе странствовать. Скорое движенїе нѣкоторымъ образомъ усыпляетъ внутренняго дракона, и кажется, что мы оставляемъ за собою часть горести. Можетъ быть Стернъ чувствовалъ сію потреб-

ность, и для того спѣшилъ въ Италїи изъ одного города въ другой.

Лафлёръ сказалъ мнѣ, что господинъ его былъ нѣсколько дней въ Миланѣ, въ Пармѣ, въ Моденѣ, въ Болоньи; однакожь въ Туринѣ прожилъ шесть недѣль. Флоренцїя плѣнила его множествомъ чудесъ своихъ: онъ остался въ ней — на шесть дней! но пробылъ въ Сїенѣ девять: для чего же? Угадайте, виртуозы, знатоки, любители древностей! Для того единственно, чтобы удивляться красотѣ тамошнихъ женщинъ; чтобы въ оттѣнкахъ милаго лица ихъ видѣть разное выраженїе души, и *читать ея внутренность при свѣтѣ блестящихъ глазъ*: Йориково слово, котораго не забылъ Лафлёръ, ибо оно показалось ему страннымъ!

Въ Римѣ приняли его съ великою честїю. Папа нѣсколько разъ говорилъ съ нимъ въ кабинетѣ, и дозволилъ ему, въ знакъ особенной милости, осмотрѣть *Катакомбы*.

Стернъ прожилъ въ Римѣ четыре мѣсяца, и всякое утро ходилъ въ прелестные сады *Виллы - Медичи*, читать или размышлять на свободѣ и безъ свидѣтелей. Тамъ былъ онъ нѣсколько времени въ крайности, не получая денегъ изъ Англїи — и благодѣтельный путе-

шественникъ сдѣлался даже предметомъ оскорбительной недовѣрчивости. Вексель и рекомендательныя письма вывели его изъ бѣды: письма къ знатнымъ фамилїямъ Конти, Дорїа, Санта-Круца — и Йорикъ выѣхалъ изъ Рима съ прїятными чувствами, ибо имѣлъ деньги, безъ которыхъ худо и чувствительнымъ путешественникамъ!

Тѣмъ, которые нѣкогда будутъ въ Неаполѣ, сказываю, что Стернъ жилъ тамъ въ *Кази-да-Маноэлъ*, противъ самаго моря. У него было письмо къ Князю Кардито Лофредо, который принялъ его съ обыкновенною своею учтивостїю. Черезъ три дни онъ поѣхалъ въ Мессину — оттуда въ Венецїю — въ Германїю, Вѣну, Франкфуртъ — и нигдѣ уже не останавливался, спѣшивъ возвратиться въ отечество. Нѣмецкая земля не можетъ имѣть прелестей для человѣка, который видѣлъ Италїю.

Многое безъ сомнѣнїя не стоило его вниманїя; но удивляюсь, что онъ, будучи въ Лїонѣ, не видалъ Картезїанскаго монастыря. Имѣя пїитическое воображенїе, Стернъ живою своею кистїю прекрасно изобразилъ бы намъ мрачнаго меланхолика, который томится голодомъ среди богатствъ Провидѣнїя, забывая

сладостную должность, возложенную на человѣка Богомъ и Природою — должность трудиться для ближнихъ и радоваться тѣмъ щастїемъ, которымъ они ему обязаны. — На пути изъ Лїона къ Бовуазеньскому мосту Йорикъ былъ не далеко отъ того мѣста, гдѣ Грей сказалъ въ восторгѣ: „бытїе Вѣчнаго всего „болѣе поражаетъ насъ среди горъ вели„чественныхъ, ужасныхъ безднъ, шума „рѣкъ и мрака лѣсовъ!“ Но Стернъ не заѣхалъ туда: онъ спѣшилъ или не вспомнилъ. — —

Лафлёръ не рѣдко слыхалъ отъ него восклицанїе: *увы! бѣдной Йорикъ!* И мудрено ли? Человѣкъ (по словамъ его), *образованный раздѣлять съ другими всѣ ихъ чувства*, могъ ли не жаловаться на свою бѣдность, встрѣчаясь съ бѣдными? Стернъ, какъ мы сказали, не считалъ денегъ; давалъ — и наконецъ, при новой встрѣчѣ, видя пустоту въ кошелькѣ своемъ, говорилъ: *увы! бѣдной Йорикъ!* Философъ на его мѣстѣ сказалъ бы равнодушно: *тотъ не даетъ, кто не имѣетъ*; но Стернъ плакалъ!

Скворецъ, который столь жалко говоритъ читателямъ *Йорикова путешествїя*: „не могу выпити!“ говорилъ только *ушамъ воображенїя*. Стернъ, обязанный ему прїят-

нымъ, живымъ чувствомъ, отдалъ его на руки Лафлёру, который благополучно пріѣхалъ съ нимъ въ Англію. „Но онъ, можетъ быть, забылъ говорить," примолвилъ Лафлёръ: „знаю то одно, что я не слыхалъ отъ него ни слова."

Повѣривъ Доктору Джонсону, многіе утверждали, что Стернъ любилъ слишкомъ вольные разговоры. Лафлёръ клянется, что онъ никогда не замѣчалъ въ немъ и тѣни сего порока, и что Йорикъ имѣлъ отмѣнный даръ разсуждать о важныхъ вещахъ пріятнымъ образомъ, а всего болѣе умѣлъ говорить съ женщинами о любви; онѣ, слушая его, задумывались. „Не хочу божиться, сказалъ мнѣ Лафлёръ, чтобы господинъ мой жилъ Анахоретомъ; но то вѣрно, что онъ ненавидѣлъ распутство, и во время нашего путешествія нога его не бывала въ подозрительномъ домѣ."

Мертвый оселъ не есть выдумка; хозяинъ его былъ въ самомъ дѣлѣ такъ жалокъ и простодушенъ, какъ описалъ Стернъ. Лафлёръ живо помнитъ это обстоятельство.

Я долженъ увѣдомить нашихъ красавицъ, что смѣшной анекдотъ *булавокъ*, который многихъ изъ нихъ заставлялъ смѣяться, а можетъ быть (къ щастью)

и краснѣться, есть совершенная выдумка во всѣхъ своихъ забавныхъ подробностяхъ.

Лафлёръ замѣтилъ, что Стернъ не имѣлъ большой любви къ Италїянскимъ монахамъ. Всякой разъ, когда они приступали къ нему, онъ отвѣчалъ имъ одно: „почтенный отецъ! я занятъ, и такъ же бѣденъ, какъ вы.“ — —

Вотъ что я могъ свѣдать отъ вѣрнаго слуги неподражаемаго Автора. Многїе скажутъ, что все это неважно: спорить не буду. Нѣкоторые поблагодарятъ меня — тѣ, которымъ, вмѣстѣ съ однимъ великимъ человѣкомъ, прїятно знать, что *Мильтонъ завязывалъ ремнемъ башмаки свои!*

III.

Феноменъ Англїйской Литтературы.

Натура производитъ стихотворцевъ: nascuntur poetae. Одинъ Генїй могъ научать первыхъ Поэтовъ, и стихи уже были тогда, когда еще не имѣли идеи о правилахъ.

Робертъ Блумфильдъ, бѣдный Англїйскїй сапожникъ, едва умѣющїй писать, недавно сочинилъ Поэму, въ которой не

только Англїйскїе, но и Французскїе Критики находятъ много прекраснаго. Онъ научился разумѣть рѣчи Борка и Фокса, справляясь съ краткимъ лексикономъ, найденнымъ имъ у хозяина; учился Реторикѣ въ церквахъ, слушая проповѣди; узналъ Поэзїю, бывая иногда въ театрѣ. Случай доставилъ ему въ руки Томсоновы *Времена Года*, Мильтоновъ *Потерянный Рай* и нѣсколько романовъ: онъ читалъ ихъ съ живѣйшимъ удовольствїемъ, и душа его обогатилась новыми идеями. Черезъ нѣсколько времени ему надлежало ѣхать въ деревню: тамъ видъ полей и Томсоновы прекрасныя описанїя воспалили его воображенїе. Блумфильдъ сочинилъ въ головѣ своей цѣлую сельскую Поэму, не написавъ на бумагѣ ни одного стиха.

Онъ назвалъ свое творенїе *Сельскимъ Работникомъ*, и раздѣлилъ его на четыре пѣсни, посвятивъ каждую изъ нихъ особливому времени года. Однакожь родъ Поэмы его отличенъ отъ Томсоновой; она ничто иное, какъ самое простое и скромное буколическое стихотворенїе. Герой Блумфильдовъ есть добродушный и трудолюбивый земледѣлецъ. Поэтъ слѣдуетъ за нимъ въ его сельскихъ упражненїяхъ, описываетъ ихъ, изображаетъ Натуру,

предается чувству и размышленію, видя ея дѣйствія.

Въ картинѣ весны описывается пашня, сѣвъ — прекрасное утро — скотный дворъ — весела крестьянка, доящая коровъ — паръ молока — славный Честерскій сыръ — игры рѣзвыхъ ягнятъ и свирѣпый мясникъ. „Тлѣнная роза, печальный „образъ судьбы ихъ!“ говоритъ Поэтъ: „они, подобно тебѣ, гибнутъ въ своемъ „цвѣтѣ!“

Лѣто представляетъ другое зрѣлище. Колосъ растетъ, желтѣетъ, гнется подъ тяжестію своего богатства. Коса сверкаетъ на браздахъ. Щастливый земледѣлецъ съ гордостію смотритъ на успѣхъ трудовъ своихъ, и вмѣстѣ съ радостною семьею наслаждается ихъ новыми плодами. — Находятъ тучи; блистаетъ молнія, и Блумфильдъ, какъ вторый Вернетъ, беретъ кисть и пишетъ величественные ужасы грозы.

Суровый климатъ Англіи и туманами покрытыя равнины ея не могли представить ему веселой картины собиранія винограда. Трогательная повѣсть, описаніе сельскаго храма, благодарное моленіе земледѣльцевъ, добродушіе Пастора и нѣкоторыя мысли о кладбищѣ, *гдѣ мы попираемъ ногами предковъ нашихъ*,

пріятнымъ образомъ занимаютъ читателя въ изображеніи осени.

Каминъ, зимнія упражненія, стойло, обращеніе къ лошади земледѣльца, изображеніе ея щастливаго состоянія въ сравненіи съ почтовою лошадью, и привидѣніе въ мантіи, которое есть ничто иное, какъ старое дерево, составляютъ предметъ четвертой пѣсни, заключенной гимномъ Вѣчному.

Таково расположеніе картины. По слѣдующимъ мѣстамъ читатель можетъ судить о кисти живописца:

„Уже никто не смотритъ на ранн„юю маргаритку; и ты, блѣдная фіялка, „не одна цвѣтешь въ полѣ. Весна въ свс„емъ *плодотворномъ* шествіи сыплетъ „цвѣты всякихъ красокъ и ароматы слад„чайшіе. Вездѣ, гдѣ она ступитъ, „любовь улыбается; рѣзвое и легкое удо„вольствіе играетъ ея прозрачною одеж„дою. Милая царица прикасается скип„тромъ своимъ къ Натурѣ, и все ожи„ваетъ; листочки развертываются, и „новыя вѣтви быстро спѣшатъ одна за „другою.“

Говоря о Лондонѣ, Поэтъ восклицаетъ: „Огромная столица, но живущая „однимъ благодѣяніемъ селъ! опасная „волшебница, манящая людей и запира-

„ющая ихъ въ душныхъ своихъ темни-
„цахъ! Эссекскія равнины для тебя един-
„ственно питаютъ тельцовъ своихъ; ма-
„сло съ береговъ Сіпора течетъ рѣкою въ
„нѣдра твои. Подобно могилѣ, ты из-
„сушаешь всѣ окрестности, и подобно
„гробу сокрываешь богатства земледѣлія!"

Сію Поэму можно назвать гирландою сельскихъ простыхъ цвѣтовъ, милыхъ свѣжестію и смиренною красотою. Другое ея достоинство есть кроткая, человѣколюбивая, убѣдительная Мораль, которая безъ всякаго украшенія непосредственно изливается изъ сердца.

Авторъ прославился въ Англіи. Многіе знатные люди, Герцогъ Йоркской, Графтонъ и другіе, спѣшили изъявить ему знаки уваженія. Нѣкоторые Лондонскіе Журналисты называютъ его творенiе единственнымъ и превосходнымъ; но многое, что хорошо на Англійскомъ языкѣ, показалось бы страннымъ въ переводѣ: на примѣръ мысли о нещастной судьбѣ почтовыхъ лошадей, описаніе свиньи, и проч.

IV.

Письмо молодаго Француза изъ Неаполя.

Путешественникъ съ удивленіемъ встрѣчаетъ въ Неаполѣ множество праздныхъ людей, которые на всѣхъ улицахъ представляютъ разительное зрѣлище наготы и бѣдности. Ни въ какомъ другомъ Европейскомъ городѣ не видалъ я такого многолюдства и такой ужасной нищеты. Вообразите кучу муравьевъ: вотъ единственное подобіе, дающее о томъ идею! Неаполь вдвое менѣе Парижа, но жителей въ немъ почти столько же. Не льзя безъ горестнаго чувства видѣть полунагихъ людей среди предметовъ роскоши и великолѣпія, подъ яснѣйшимъ небомъ Европы и на землѣ обогащенной всякими плодами. Здѣсь-то человѣчество является на послѣдней степени возможнаго униженія! Первое чувство всякаго добраго сердца есть сожалѣть о сихъ нещастныхъ; но когда вообразишь, что причиною того неизъяснимая ихъ лѣность, небреженіе, мотовство и другіе пороки; что они нѣкоторымъ образомъ хвалятся своею праздностію и не хотятъ слышать о работѣ, которая могла бы вывести ихъ изъ нищеты; что они всегда были гну-

сными орудїями страстей, и никогда не отказываются служить злобѣ кинжалами своими за нѣсколько червонцевъ; что они при Шампїоне хотѣли быть Якобинцами, а по возвращенїи Короля Роялистами, единственно для того, чтобы грабить, убивать, пить кровь человѣческую: тогда разсудокъ противится сердцу, осуждая его сожалѣнїе о людяхъ, которые бѣдны не отъ злощастїя, но отъ пороковъ. Безчисленныя злодѣйства ихъ кажутся невѣроятными. Убїйство есть для нихъ величайшее удовольствїе. Дворяне, священники, монахи, купцы, Французскїе Эмигранты, были ихъ жертвами, когда Шампїоне шелъ къ Неаполю и когда Кардиналъ Руффо вступилъ въ сей городъ. Самые миролюбивые граждане, не бравшїе никакого участїя въ дѣлахъ, должны были, видя ихъ неистовство, соединиться съ Революцїонистами и желать, чтобы Французы скорѣе заняли Неаполь. Самый Принцъ Молитерно, избранный ими въ начальники, ужаснулся ихъ свирѣпости и передался къ Французамъ. Они кричали, что Макъ и Пиньятели измѣнники; хотѣли умертвить ихъ, сражались за Короля, и въ тоже самое время разграбили дворецъ.

Всякая постоянная работа кажется Лацароніямъ несносною; они бываютъ только гребцами и нанимаются носить факелы, письма, плоды, разныя легкія вещи; и на то употребляютъ единственно малую часть дня. Довольствуясь обыкновенно немногимъ, Лацарони дѣлаются неумѣренными, когда по случаю имѣютъ въ кошелькѣ нѣсколько талеровъ, и пока есть деньги, ни въ чемъ себѣ не отказываютъ; а издержавъ все, опять терпятъ голодъ и питаются однимъ супомъ, который варится въ здѣшнихъ монастыряхъ для тунеядцевъ. Когда воровство или смертоубійство доставляетъ имъ нѣкотораго роду изобиліе, тогда они цѣлой день лежатъ на одномъ мѣстѣ, смотрятъ на людей, ѣдятъ мороженое или скачутъ по городу въ наемномъ экипажѣ: вообразите себѣ нищаго, гордо сидящаго въ прекрасной раззолоченной коляскѣ; вообразите его черное, Арабское лицо и (вмѣсто платья) лоскутья, развѣваемыя вѣтромъ! Лацарони по большой части не имѣютъ никакого пристанища, бродятъ по городу и спятъ, гдѣ случится: на улицѣ, на дворѣ, подъ колоннадами. Во время зимы, то есть въ теченіе нѣсколькихъ дождливыхъ дней, они укрываются въ пещерахъ Капо-ди-

Монте и тѣснятся какъ овцы въ хлѣвѣ. Праздность есть для нихъ такое наслажденіе, что они не возьмутъ за нее никакого богатства. Климатъ, плодородіе земли, множество зелени, рыбы, и дешевизна съѣстныхъ припасовъ дѣлаютъ жизнь такого роду возможною. Здѣсь умѣренный человѣкъ можетъ быть сытъ на 8 или на 10 копѣекъ въ день.

Монтескьё замѣчаетъ, что сіи бѣдные люди, терпящіе во всемъ недостатокъ, дрожатъ отъ страха при малѣйшемъ извержеміи Везувія. Въ самомъ дѣлѣ они тогда какъ сумасшедшіе бѣгаютъ по улицамъ, надѣваютъ себѣ петлю на шею, осыпаютъ голову пепломъ, и разными набожными процессіями стараются отвратить бѣдствіе, которымъ угрожаетъ имъ Вулканъ. Сіи молитвы въ настоящей опасности даютъ идею о ихъ Религіи, состоящей въ однихъ обрядахъ. Они украли, убили человѣка, и бѣгутъ къ обѣднѣ успокоить совѣсть свою. Извѣстно, какую вѣру имѣли нѣкогда Лацарони къ Святому Януарію; но теперь церковь его пуста, и Святый Антоній, какъ щастливый совмѣстникъ, заступилъ мѣсто нещастнаго Януарія. Желаете ли знать причину? Весь Неаполь вамъ скажетъ ее. Вы знаете, что всякой годъ

застылая кровь Св. Януарія чудеснымъ образомъ обращалась въ жидкость. Лаццарони надѣялись, что онъ изъ ненависти къ Французамъ не сдѣлаетъ сего чуда во все то время, пока они будутъ въ Неаполѣ. Но Шампіоне велѣлъ — и кровь потекла ручьемъ. Сверьхъ того Януарій дозволилъ Французамъ нарядить себя въ Республиканскій шарфъ. Лаццарони, оскорбленные Якобинствомъ его, требовали суда — Король велѣлъ изслѣдовать дѣло — открылась истина — Януарія разжаловали, и санъ его торжественно отдали Антонію. — Но сей суевѣрный и легкомысленный народъ всегда противился введенію Инквизиціи: пусть другіе изъясняютъ такой феноменъ!

Не знаю, какъ можетъ Политика Двора терпѣть явныхъ злодѣевъ. Мазаніеллова исторія доказала, сколь опасенъ можетъ быть для Правленія многочисленный родъ людей безумныхъ и дерзкихъ! Сей пьяный рыбакъ царствовалъ въ Неаполѣ, имѣя въ своихъ повелѣніяхъ 150,000 людей, которые соорудили ему тронъ на городской площади; съ трона онъ спѣшилъ въ кабакъ, а оттуда на каѳедру, говорить безумныя рѣчи народу! Злоба и мстительность таятся нынѣ въ сердцѣ Неаполитанцевъ: что естьли они взду-

маютъ употребить въ орудіе свирѣпыхъ Лаццарони?

Несправедливо будетъ по сему роду людей судить о Неаполитанцахъ; однакожь можно сказать, что они вообще погружены* въ варварское невѣжество. Есть провинціи, въ которыхъ весьма немногіе умѣютъ читать и писать. Неаполь можетъ хвалиться только музыкантами, живописцами и ваятелями, но не имѣетъ ни одного человѣка славнаго знаніями въ Политикѣ, государственной экономіи и наукѣ правленія. Естьли исключить Маркиза Галло, который теперь Посломъ во Франціи, и Кавалера Мишру, который трактовалъ о мирѣ во Флоренціи, то здѣсь трудно найти человѣка способнаго къ важнымъ дѣламъ государственнымъ и воинскимъ должностямъ. Лучшіе Генералы Неаполитанской арміи были всегда иностранцы: на примѣръ Салисъ, Буркардъ, Дамасъ. Король, желая имѣть флотъ, призвалъ изъ Тосканы Актона, извѣстнаго тогда по нѣкоторымъ смѣлымъ дѣламъ, а нынѣ славнаго талантами, коварствомъ и почти безпредѣльною властію въ государствѣ, котораго выгодами онъ жертвовалъ всегда выгодамъ Англіи. Руские Офицеры выучили Неаполитанскихъ командовать, строить фрунтъ, колонны,

и проч; но они никогда не выучатъ ихъ побѣждать непріятеля, какъ побѣждаютъ Рускіе.

Правительство имѣетъ здѣсь множество шпіоновъ, а Полиція никуда не годится; въ Неаполѣ гораздо опаснѣе сказать что нибудь дурное объ Акшонѣ, нежели быть воромъ и даже убійцею Вся Европа знаетъ, что въ здѣшней гошпиталли есть особенная зала, всегда наполненная ранеными и называемая *залою кинжаловъ*; но не всѣ знаютъ то, что по самому вѣрному исчисленію въ обѣихъ Сициліяхъ бываетъ ежегодно около 4000 убитыхъ или раненыхъ. И нынѣ говорятъ еще о разбойникѣ, который славился въ Неаполѣ за нѣсколько лѣтъ передъ симъ. Онъ назывался Анджелино дель Дука, и характеромъ своимъ походилъ на Карпуша и атамана разбойниковъ, представленнаго Шиллеромъ въ Драмѣ; подобно первому, никого не лишалъ жизни; подобно второму, судилъ людей беззаконно, но справедливо; искалъ спасносшей, былъ любимъ своими товарищами, не трогалъ земледѣльцевъ, и всегда грабилъ шолько знатныхъ, Бароновъ и Епископовъ, не рѣдко посылая къ нимъ требованія. Онъ осмѣлился даже объявить Королю, что ему хочется быть главнымъ Полицеймейсшеромъ Его Вели-

чества. Наконецъ грозный Анджелино былъ пойманъ и казненъ. —

Я не видалъ здѣсь ни одной прекрасной женщины, видѣвъ ихъ множество въ церквахъ, спектакляхъ и на гульбищахъ. Мнѣ даже и голосъ ихъ не нравится: онъ не имѣетъ въ себѣ ничего страстнаго, любезнаго и трогательнаго; коротко сказать, похожъ для меня на голосъ здѣшнихъ Кастратовъ; бездушенъ, выражаетъ иногда чувство удовольствія, но умираетъ, не входя въ сердце. Можетъ быть виною тому климатъ; благопріятный единственно для органовъ музыканта и художника. Когда и мущины имѣютъ здѣсь огонь въ воображеніи, а не въ душѣ; когда нервы ихъ, разслабляемыя жаромъ, не способны къ сильнымъ впечатлѣніямъ сѣверныхъ народовъ; когда они знаютъ только одну страсть малыхъ душъ: злобу и ненависть — то могутъ ли женщины любить сильно и нѣжно? Нѣтъ, мой другъ! здѣсь пылки чувства, а сердца холодны; любовь есть только забава праздности, и все моральное не извѣстно. Не мудрено, что и нравы теряютъ цѣну свою; не мудрено, что родственные союзы не служатъ здѣсь преградою семейственной жизни. Нѣтъ ни родственниковъ, ни друзей. Покровитель или при-

служникъ — вотъ главное раздѣленіе общества, главное основаніе мнѣній, плановъ и дѣйствій! Источникъ и цѣль всего есть суетность, которая изсушила сердца. Всѣ люди стали равны — и въ Неаполѣ совсѣмъ не имѣютъ понятія о той *особенности* нравовъ, которую столь часто видимъ въ Англіи и въ Нѣмецкой землѣ. —

Вчера, когда я гулялъ въ прекрасной алеѣ Кіая, наемный лакей сказалъ мнѣ: „Посмотрите: вотъ братъ Короля Сардинскаго, который съ фамиліею и свитою своею живетъ въ этомъ трактирѣ!“ Въ самую ту минуту я внутренно укорялъ судьбу за многія непріятности моей жизни, и вдругъ одумался. Король, имѣвъ нѣкогда 50 милліоновъ доходу, живетъ теперь въ бѣдномъ трактирѣ! Супруга его, примѣръ всѣхъ добродѣтелей, томится въ чужой землѣ, воспоминая брата и невѣстку, умершихъ на эшафотѣ! . . А мнѣ жаловаться на судьбу? — Какія причины ни свергнули бы Монарха съ наслѣдственнаго трона, онъ жалокъ всякому доброму сердцу. Великая душа Виктора Амадея и таланты Принца Евгенія не могли предохранить Савойскаго Дому отъ бѣдствій случая! Судьба разительная! тамъ Акшонъ, недавно бѣдный

Офицеръ, повелѣваетъ Королевствомъ; а здѣсь супруга Короля, добродѣтельная сестра Лудовика XVI, наслѣдница горестей Бурбонской Фамиліи, страдаетъ въ униженіи! Вообразите, что сія великодушная Королева, ежедневно проливая слезы предъ святыми олтарями, не чувствуетъ собственныхъ бѣдствій, оплакиваетъ только нещастіе друзей своихъ и считаетъ себя его виновницею! Никто не смѣлъ порицать ея небесной души; самые развратные Якобинцы, которые боятся добродѣтели какъ бѣшеные воды, отдаютъ ей справедливость и должны согласиться, что набожность по крайней мѣрѣ не всегда бываетъ суевѣріемъ (*).

V.

Рыцарь нашего времени.

Вступленіе.

Съ нѣкотораго времени вошли въ моду *Историческіе романы.* Неутомонный родъ людей, который называется *Авторами*, тревожитъ священный прахъ Нумъ, Авре-

---

(*) Она, какъ извѣстно, не давно скончалась въ Неаполѣ.

лїевъ, Альфредовъ, Карломановъ, и пользуясь изстари присвоеннымъ себѣ правомъ (едва ли *правымъ*) вызываетъ древнихъ Героевъ изъ ихъ *тѣснаго домика* (какъ говоритъ Оссїанъ), чтобы они, вышедши на сцену, забавляли насъ своими разсказами. Прекрасная кукольная комедїя! Одинъ встаетъ изъ гроба въ длинной Римской *Тогѣ*, съ сѣдою головою; другой въ коротенькой Гишпанской епанчѣ, съ черными усами — и каждой, проширая себѣ глаза, начинаетъ свою повѣсть съ яицъ Леды. Только привыкнувъ къ глубокому могильному сну, они часто зѣваютъ; а съ ними вмѣстѣ . . . и читатели сихъ историческихъ небылицъ. Я никогда не былъ ревностнымъ послѣдователемъ модъ въ нарядахъ; не хочу слѣдовать и модамъ въ авторствѣ; не хочу будить усопшихъ великановъ человѣчества; не люблю, чтобъ мои читатели зѣвали — и для того, вмѣсто *Историческаго романа*, думаю разсказать *романическую исторїю* одного моего прїятеля. Впрочемъ *не любо не слушай*, *а* говорить *не мѣшай*: вотъ мое невинное правило!

Глава I.

Рожденіе моего Героя.

Естьли спросите вы, кто онъ? то я... не скажу вамъ. Имя не человѣкъ, говорили Рускіе въ старину. Но такъ живо, такъ живо опишу вамъ всѣ свойства, всѣ качества моего пріятеля — черты лица, ростъ, походку его — что вы засмѣетесь и укажете на него пальцомъ. . . „Слѣдственно онъ живъ?“ Безъ сомнѣнія; и въ случаѣ нужды можетъ доказать, что я не лжецъ и не выдумалъ на него ни *слова*, ни *дѣла* — ни печальнаго, ни смѣшнаго. Однакожь . . . надобно какъ нибудь назвать его; частыя мѣстоименія въ Рускомъ языкѣ непріятны: назовемъ его — Леономъ.

На луговой сторонѣ Волги, тамъ, гдѣ впадаетъ въ нее прозрачная рѣка Свіяга, и гдѣ, какъ извѣстно по Исторіи — Натальи, Боярской дочери — жилъ и умеръ изгнанникомъ невинный Бояринъ Любославскій — тамъ въ маленькой деревенькѣ родился прадѣдъ, дѣдъ, отецъ Леоновъ; тамъ родился и самъ Леонъ, въ то время, когда Природа, подобно любезной кокеткѣ, сидящей за туалетомъ, убиралась, наряжалась въ лучшее свое весеннее платье; бѣлилась, румянилась . . . весенними цвѣтами; смотрѣлась съ улыб-

кою въ зеркало . . . водъ прозрачныхъ, и завивала себѣ кудри . . . на вершинахъ древесныхъ — то есть, въ Маѣ мѣсяцѣ; и въ самую ту минуту, какъ первый лучь земнаго свѣта коснулся до его глазной перепонки, въ орѣховыхъ кусточкахъ запѣли вдругъ соловей и малиновка, а въ березовой рощѣ закричали вдругъ филинъ и кукушка: хорошее и дурное предзнаменованіе! по которому осьмидесятилѣтняя повивальная бабка, принявшая Леона на руки, съ веселою усмѣшкою и съ печальнымъ вздохомъ предсказала ему щастье и нещастье въ жизни, ведро и ненастье, богатство и нищету, друзей и непріятелей, успѣхъ въ любви и рога при случаѣ. Читатель увидитъ, что мудрая бабка имѣла въ самомъ дѣлѣ даръ пророчества. . . . Но мы не хотимъ заранѣе открывать будущаго.

Отецъ Леоновъ былъ Руской коренной дворянинъ, израненной отставной Капитанъ, человѣкъ лѣтъ въ пятидесятъ, ни богатой ни убогой, и — что всего важнѣе — самой добрый человѣкъ; однакожь ни мало не сходный характеромъ съ извѣстнымъ *дядею* Тристрама Шанди — добрый по-своему, и на Руской стать. Послѣ Турецкихъ и Шведскихъ кампаній

возвратившись на свою родину, онъ вздумалъ жениться — то есть, не совсѣмъ во-время — и женился на двадцатилѣтней красавицѣ, дочери самаго ближняго сосѣда, которая, не смотря на молодыя лѣта свои, имѣла удивительную склонность къ меланхолїи, такъ что цѣлые дни могла просиживать въ глубокой задумчивости; а когда говорила, то говорила умно, складно и даже съ разительнымъ краснорѣчїемъ; а когда взглядывала на человѣка, то всякому хотѣлось остановить на себѣ глаза ея: такъ они были привѣтливы и милы! .... Красавицы нашего времени! будьте покойны: я не хочу сравнивать ее съ вами — но долженъ, въ изъясненїе душевной ея любезности, открыть за тайну, что она знала *жестокую*; *жестокая* положила на нее печать свою — и мать Героя нашего никогда не была бы супругою отца его, естьли бы *жестокой* въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ сорвалъ первую фїялку на берегу Свїяги!... Читатель уже догадался; а естьли нѣтъ, то можетъ — подождать. Время снимаетъ завѣсу со всѣхъ темныхъ случаевъ. Скажемъ только, что сельская наша красавица вышла за мужъ *непорочная душею и тѣломъ*, и что она искренно любила супруга, вопервыхъ за его добродушїе, а во-

вторыхъ и по тому, что сердце ея никѣмъ другимъ не было . . . . *уже* занято.

Глава II.

Каковъ онъ родился?

Юныя супруги, съ милымъ нетерпѣніемъ ожидающія плода отъ брачнаго, нѣжнаго союза вашего! естьли вы хотите имѣть сына, то какимъ его воображаете? Прекраснымъ? . . . таковъ былъ Леонъ. Бѣленькимъ, полненькимъ, съ розовыми губками, съ Греческимъ носикомъ, съ черными глазками, съ кофейными волосками на кругленькой головкѣ: не правда ли? . . . таковъ былъ Леонъ. Теперь вы имѣете объ немъ идею: поцѣлуйте же его въ мысляхъ, и ласковою улыбкою ободрите младенца жить на свѣтѣ, а меня быть его Историкомъ!

Глава III.

Его первое младенчество.

Но что говорить о младенчествѣ? оно слишкомъ просто, слишкомъ невинно, а по тому и совсѣмъ нелюбопытно для насъ, испорченныхъ людей. Не спорю, что въ нѣкоторомъ смыслѣ можно назвать его щастливымъ временемъ, истинною Аркадіею жизни; но потому-то и нечего

писать объ немъ. Страсти, страсти! какъ вы ни жестоки, какъ ни пагубны для нашего спокойствія, но безъ васъ нѣтъ въ свѣтѣ ничего прелестнаго; безъ васъ жизнь наша есть прѣсная вода, а человѣкъ кукла; безъ васъ нѣтъ ни трогательной исторіи, ни занимательнаго романа. Назовемъ младенчество прекраснымъ лужкомъ, на которой хорошо взглянуть, которой хорошо похвалить двумя, тремя словами, но котораго описывать подробно не совѣтую никакому стихотворцу. Страшныя дикія скалы, шумныя рѣки, черные лѣса, Африканскія пустыни, дѣйствуютъ на воображеніе сильнѣе долинъ Темпейскихъ. Какъ? для чего? не знаю; но знаю то, что самой нѣжной другъ дѣтей, хваля и хваля ихъ невинность, ихъ щастье, скоро будетъ зѣвать и задремлетъ, естьли глазамъ или мыслямъ его не представится что нибудь совсѣмъ противное сей невинности, сему щастію.

Однакожь читатель обидитъ меня, естьли подумаетъ, что я такимъ отзывомъ хочу закрыть песчаную безплодность моего воображенія и скорѣе поставить точку. Нѣтъ, нѣтъ! клянусь Аполлономъ, что я могъ бы набрать довольно цвѣтовъ для украшенія этой главы; могъ бы, не отходя отъ исторической истины, опи-

сать живыми красками нѣжность Леоновой родительницы; могъ бы, не нарушая ни Аристотелевыхъ ни Горацїевыхъ правилъ, десять разъ перемѣнить слогъ, быстро паря вверхъ и плавно опускаясь внизъ, — то рисуя карандашемъ, то расписывая кистью — мѣшая важныя мысли для ума съ трогательными чертами для сердца; могъ бы, на примѣръ, сказать:

„Тогда не было еще Эмиля, въ ко„торомъ Жанъ Жакъ Руссо такъ красно„рѣчиво, такъ убѣдительно говоритъ о „священномъ долгѣ матерей, и читая „котораго прекрасная Эмилїя, милая „Лидїя, отказываются нынѣ отъ бле„стящихъ собранїй, и нѣжную грудь свою „открываютъ не съ намѣренїемъ прель„щать глаза молодыхъ сластолюбцевъ, а „для того, чтобы питать ею своего „младенца; тогда не говорилъ еще Руссо, „но говорила уже Природа, и мать Героя „нашего сама была его кормилицею. И „такъ не удивительно, что Леонъ на „зарѣ жизни своей плакалъ, кричалъ и „немогъ рѣже другихъ младенцевъ: молоко „нѣжныхъ родительницъ есть для дѣтей „и лучшая пища и лучшее лекарство. „Отъ колыбели до маленькой кроватки, „отъ жестяной гремушки до маленькаго „раскрашеннаго конька, отъ первыхъ не-

„стройныхъ звуковъ голоса до внятнаго „произношенія словъ, Леонъ не зналъ „неволи, принужденія, горя и сердца. „Любовь питала, согрѣвала, тѣшила, „веселила его; была первымъ впечатлѣ„ніемъ его души, первою краскою, первою „чертою на *бѣломъ листѣ ея чувствитель„ности* (*). Уже внѣшніе предметы начали „возбуждать его вниманіе; уже и взоромъ, „и движеніемъ руки, и словами часто „спрашивалъ онъ у матери: *что вижу? „что слышу?* уже научился онъ ходить и „бѣгать — но ничто не занимало его такъ, „какъ ласки родительницы; никакова „вопроса не повторялъ онъ столь часто, „какъ *маменька! что тебѣ надобно?* никуда „не хотѣлъ итти отъ нее, и только ходя „за нею ходить научился."

Не правда ли, что это могло бы иному полюбиться? Тутъ есть и живопись и антитезы и пріятная игра словъ. Но я могъ бы итти еще далѣе, могъ бы прибавить:

„Вотъ основаніе характера его! Пер„вое воспитаніе едва ли не всегда рѣшитъ „и судьбу и главныя свойства человѣка.

(*) Локкъ говоритъ, кажется, что душа рожденнаго младенца есть бѣлый листъ бумаги.

„Душа Леонова образовалась любовью и „для любви. Теперь обманывайте, тер- „зайте его, жестокіе люди! онъ будетъ „вздыхать и плакать; но никогда — или „по крайней мѣрѣ долго, долго сердце его „не отвыкнетъ отъ милой склонности „наслаждаться собою въ другомъ сердцѣ, „не отстанетъ отъ нѣжной привычки „жить для кого нибудь, не смотря на „всѣ горести, на всѣ свирѣпыя бури, „которыя волнуютъ жизнь чувствитель- „ныхъ. Такъ вѣрный подсолнечникъ не „перестаетъ никогда обращаться къ солн- „цу; обращается къ нему и тогда, какъ „грозныя облака затмѣваютъ свѣтило „дня — и поутру и ввечеру — и тогда, „какъ самъ онъ начинаетъ уже вянуть „и сохнуть; все, все къ нему обращает- „ся, до послѣдней минуты растишель- „наго бытія своего!“

Надѣюсь, что одинъ Зоилъ не похвалилъ бы сей тирады, особливожь новаго, разительнаго сравненія чувствительныхъ сердецъ, которыя всегда стремятся къ любви, съ цвѣткомъ подсолнечникомъ, всегда клонящимся къ солнцу. Надѣюсь, что нѣкоторыя милыя мои читательницы вздохнули бы изъ глубины сердца и велѣли бы вырѣзать сей цвѣтокъ на своихъ печатяхъ.

„Конецъ главѣ!“ скажетъ читатель. Нѣтъ, я могъ бы еще многое придумать и раскрасить; могъ бы наполнить десять, двадцать страницъ описаніемъ Леонова дѣтства; на примѣръ, какъ мать была единственнымъ его лексикономъ; то есть, какъ она учила его говорить, и какъ онъ, забывая слова другихъ, замѣчалъ и помнилъ каждое ея слово; какъ онъ, зная уже имена всѣхъ птичекъ, которыя порхали въ ихъ саду и въ рощѣ, и всѣхъ цвѣтовъ, которые росли на лугахъ и въ полѣ, не зналъ еще, какимъ именемъ называютъ въ свѣтѣ дурныхъ людей и дѣла ихъ; какъ развивались первыя способности души его; какъ быстро она вбирала въ себя дѣйствія внѣшнихъ предметовъ, подобно весеннему лужку, жадно впивающему первый весенній дождь; какъ мысли и чувства раждались въ ней подобно свѣжей Апрѣльской зелени; сколько разъ въ день, въ минуту, нѣжная родительница цѣловала его, плакала и благодарила Небо; сколько разъ и онъ маленькими своими рученками обнималъ ее, прижимаясь къ ея груди; какъ голосъ его тверже и тверже произносилъ: *люблю тебя, маменька!* и какъ сердце его время отъ времени чувствовало это живѣе!

Слова мои текли бы рѣкою, естьли бы я только хотѣлъ войти въ подробности; но не хочу, не хочу! Мнѣ еще многое надобно описывать; берегу бумагу, вниманіе читателя и . . . конецъ главѣ!

Глава IV,

Которая написана только для пятой.

Государи мои! вы читаете не романъ, а быль: слѣдственно Авторъ не обязанъ вамъ давать отчета въ произшествіяхъ. *Такъ было точно!* . . . и болѣе не скажу ни слова. Кстати ли? у мѣста ли? не мое дѣло. Я иду только съ перомъ въ слѣдъ за судьбою, и описываю, что творитъ она по своему всемогуществу — для чего? спросите у нее; но скажу вамъ напередъ, что отвѣта не получите. Семь тысячь лѣтъ (естьли вѣрить Хронографамъ) чудеситъ она въ мірѣ, и никому еще не изъяснила чудесъ своихъ. Заглянемъ ли въ Исторію, или посмотримъ, что вокругъ насъ дѣлается: вездѣ Сфинксовы загадки, которыхъ и самъ Эдипъ не отгадаетъ. — Роза вянетъ, терніе остается; столѣтній дубъ, благодѣтель странниковъ, падетъ на землю отъ громоваго удара: ядовитое дерево стоитъ невредимо на своемъ корнѣ. ПЕТРЪ Вели-

кій, среди благодѣтельныхъ плановъ для отечества, хладѣетъ въ объятіяхъ смерти: ничтожный человѣкъ не рѣдко два раза изъ вѣка въ вѣкъ переходитъ. Юный щастливецъ, котораго жизнь можно назвать улыбкою Судьбы и Природы, угасаетъ въ минуту какъ метеоръ: малолѣтные сироты тоскуютъ на могилѣ отца: злополучный, не нужный для свѣта, тягостный для самого себя, живетъ, и не можетъ дождаться конца своего. . . . Чтожь намъ дѣлать? Плакать, у кого есть слезы, и хотя изрѣдка утѣшаться мыслію, что здѣшній свѣтъ есть только Прологъ Драмы!

Глава V.

Первый ударъ Рока.

Дунулъ сѣверный вѣтеръ на нѣжную грудь нѣжной родительницы, и Геній жизни ея погасилъ свой факелъ! . . . . Да, любезный читатель, она простудилась, и въ девятый день съ мягкой постели переложили ее на жесткую: въ гробъ — а тамъ и въ землю — и засыпали, какъ водится — и забыли въ свѣтѣ, какъ водится. . . . Нѣтъ, поговоримъ еще о послѣднихъ ея минутахъ.

Герой нашъ былъ тогда семи лѣтъ. Во всю болѣзнь матери онъ не хотѣлъ итти прочь отъ ея постели; сидѣлъ, стоялъ подлѣ нее; глядѣлъ безпрестанно ей въ глаза; спрашивалъ: „лучше ли тебѣ, милая?“ *Лучше, лучше*, говорила она, пока говорить могла — смотрѣла на него: глаза ея наполнялись слезами — смотрѣла на небо — хотѣла ласкать любимца души своей, и боялась, чтобы ея болѣзнь не пристала къ нему — то говорила съ улыбкою: *сядь подлѣ меня!* то говорила со вздохомъ: *поди отъ меня!* . . . Ахъ! онъ слушался только перваго; другому приказанію не хотѣлъ повиноваться.

Надобно было силою отпащить его отъ умирающей. *Постойте, постойте!* кричалъ онъ со слезами: *маменька хочетъ мнѣ что-то сказать; я не отойду, не отойду!* . . . Но маменька отошла между тѣмъ отъ здѣшняго свѣта.

Его вынесли, хотѣли утѣшать: напрасно!.. онъ твердилъ одно: *къ милой!* вырвался наконецъ изъ рукъ няни, прибѣжалъ, увидѣлъ мертвую на столѣ, схватилъ ея руку: она была какъ дерево — прижался къ ея лицу: оно было какъ ледъ.... *Ахъ, маменька!* закричалъ онъ, и упалъ на землю. Его опять вынесли, больнова, въ сильномъ жару.

Отецъ рвался, плакалъ: онъ любилъ супругу, какъ только могъ любить. Сердцу его извѣстны были горести въ жизни; но сей ударъ Судьбы казался ему первымъ нещастіемъ ....

Съ блѣднымъ лицомъ, съ распущенными сѣдыми волосами стоялъ онъ подлѣ гроба, когда отпѣвали усопшую; рыдая прощался съ нею; съ жаромъ цѣловалъ ея лицо и руки; самъ опускалъ въ могилу; бросилъ на гробъ первую горсть земли; сталъ на колѣни; поднялъ вверхъ глаза и руки; сказалъ: *на небесахъ душа твоя! мнѣ не долго жить остается!* и тихими шагами пошелъ домой. Сынъ его лежалъ взабыти; онъ сѣлъ подлѣ кровати и думалъ: *не уже ли и ты пойдешь въ слѣдъ за матерью? не уже ли вы меня одного оставите? . . . Да будетъ воля Всевышняго!* — Леонъ открылъ глаза, всталъ и протянулъ къ отцу руки, говоря: *гдѣ она? гдѣ она?* — „Съ Ангелами, другъ мой!“ — И не будетъ къ намъ назадъ? — „Мы къ ней будемъ.“ — Скоро ли? — „Скоро, другъ мой; время летитъ и для печальныхъ.“ — — Они обнялися, заплакали: старецъ лилъ слезы вмѣстѣ съ младенцемъ!.. имъ стало легче.

И ты, о благотворное время! спѣши излить цѣлебный свой бальзамъ на рану

ихъ сердца! И ты, подобно Морфею, разсыпаешь маковые цвѣты забвенія: брось нѣсколько цвѣточковъ на юнаго моего Героя: ахъ! онъ еще не созрѣлъ для глубокой, безпрестанной горести; и много, много еще будетъ ему случаевъ тосковать въ жизни! Пощади его младенчество! Не забудь утѣшить и старца: онъ былъ всегда добрымъ человѣкомъ; рука его, вооруженная лютымъ долгомъ воина, убивала гордыхъ непріятелей, но сердце его никогда не участвовало въ убійствѣ; никогда нога его, въ самомъ пылу сраженія, не ступала безчеловѣчно на трупы нещастныхъ жертвъ; онъ любилъ погребать ихъ и молиться о спасеніи душъ. Благотворное время! успокой старца; дай ему еще нѣсколько мирныхъ лѣтъ, хотя для того, чтобы онъ могъ посвятить ихъ на воспитаніе сына. Пусть иногда воспоминаютъ они о любезной, но безъ тоски и страданія; пусть ударъ горести изрѣдка отдается въ ихъ сердцѣ, но тише и тише, подобно эху, которое повторяется слабѣе, слабѣе, и наконецъ... замолкаетъ.

Читатель! я хочу, чтобы мысль о покойной осталась въ душѣ твоей: пусть она притаится во глубинѣ ея, но не исчезнетъ! Когда нибудь мы дадимъ тебѣ

въ руки маленькую тетрадку — и мысль сія оживится — и въ глазахъ твоихъ сверкнутъ слезы — или я... не Авторъ

Б. Ф.

(*Продолженіе впредь.*)

VI.

Къ Л, на смерть подруги его.*

(Подражаніе Горацію.)

Какъ не скорбѣть о томъ, что сердцу было мило?
Скончалась! нѣтъ ее!... какъ горькихъ слезъ не лить?
Вы были созданы другъ друга вѣкъ любить;
И небо горизонтъ твой свѣтлый помрачило!

*

Съ душей прелестною она умомъ плѣняла;
И въ кротости, любви, что былъ подобенъ ей?
Ты ю жилъ одной, она тобой дышала:
Кто можетъ болѣе воспоминать о ней?

*

Но тщетно слезы льешь, но тщетно вопрошаешь,
Гдѣ милая твоя? Съ тобою милой нѣтъ!
Лишь хладну тѣнь ея въ мечтаньи обнимаешь,
Увы! Судьба на часъ намъ радости даетъ!

*

Хотя бы ты имѣлъ Орфеевъ даръ, искусство,
И все одушевлялъ ты лирою своей,
Но милой возвратить не могъ бы жизнь и чувство:
Смерть алчная сильна — все здѣсь покорно ей!

*

Кто утѣшаетъ насъ? Одно терпѣнье, время;
Душею съ нею ты соединенъ навѣкъ.
Пить чашу горести, сносить нещастій бремя: —
Таковъ твой въ мірѣ путь, о бѣдный человѣкъ!

В. Пушкинъ.

VII.

ЭЛЕГІЯ (*).

Ainſi s'eteint tout ce qui brille un moment ſur la terre! . . . .
J. J. Rouſſeau.

У грюмой Осени мертвящая рука
Уныніе и мракъ повсюду разливаетъ;
Холодной, бурной вѣтръ поля опустошаетъ,
И грозно пѣнится ревущая рѣка.

(*) Это сочиненіе молодаго человѣка съ удовольствіемъ помѣщаю въ Вѣстникѣ. Онъ имѣетъ вкусъ, и знаетъ, что такое пїитическїй *слогъ* Нѣкоторые стихи прекрасны, какъ то увидятъ Читатели. Со временемъ любезный Сочинитель будетъ конечно оригинальнѣе въ мысляхъ и въ оборотахъ; со временемъ о самыхъ обыкновенныхъ предметахъ онъ найдетъ способъ говорить *по-своему*. Это бываетъ

Гдѣ тѣни мирныя доселѣ простирались,
Безпечной радости гдѣ пѣсни раздавались,
Поблекшіе лѣса въ безмолвіи стоятъ;
Туманы стелются надъ доломъ, надъ холмами.

Гдѣ сосны древнія задумчиво шумятъ
Усопшихъ поселянъ надъ мирными гробами;
Гдѣ все вокругъ меня глубокой сонъ тягчитъ,
Лишь колоколъ нощной одинъ вдали звучитъ,
И медленныхъ часовъ при томномъ *ударенѣ*
Въ пустыхъ развалинахъ я слышу стонъ глухой —
На камнѣ гробовомъ печальный, тихій *Геній*
Сидитъ въ молчаніи, съ поникшею главой;
Его прискорбная улыбка мнѣ вѣщаетъ:

„Смотри, какъ сохнетъ все хладѣетъ, истлѣваетъ;
Смотри, какъ грозная, безжалостная *смерть*
Всѣ ваши радости на вѣки поглощаетъ!
Все жило, все цвѣло, чтобъ послѣ *умереть*!“

О ты, кого еще надежда обольщаетъ —
Бѣги, бѣги сихъ мѣстъ, щастливый человѣкъ!
Но вы, нещастные, гонимые Судьбою —
Вы, кои въ мірѣ семъ простилися навѣкъ
Блаженства съ милою, прелестною мечтою,
Въ чьихъ горестныхъ сердцахъ умолкъ веселья гласъ!

дѣйствіемъ таланта, возрастающаго съ лѣтами. Замѣчу еще, что многія риѳмы слишкомъ *легки*, а другія не совсѣмъ правильны. И въ безлѣпицахъ надобно исполнять *условія*, хотя для того, чтобы нещастные Стихотворцы не привязывались къ щастливымъ, то есть, рожденнымъ съ истиннымъ талантомъ.

Придите: здѣсь еще блаженство есть для васъ!
Съ любезною навѣкъ, иль съ другомъ *разлученный*!

Приди сюда о нихъ въ свободѣ размышлять.
И въ самыхъ горестяхъ насъ можетъ утѣшать
Воспоминаніе, минувшихъ дней *блаженныхъ*!

Ахъ! только имъ однимъ страдалецъ и живетъ!

Пускай щастливца міръ къ веселію зоветъ:
Но ты, во цвѣтѣ лѣтъ сраженная Судьбою,
Приди, приди сюда бесѣдовать съ тоскою!

Ни юность, для другихъ заря прекрасныхъ дней,
Ни прелести ума, ни рай души твоей,
Которой все вокругъ тебя щастливо было,
Ничто, ничто Судьбы жестокой не смягчило!
Какъ будто въ сладкомъ снѣ узнала щастье ты,
Проснулась — и ужь нѣтъ плѣнительной мечты!
Напрасно въ слѣдъ за ней душа твоя стремится,
Напрасно хочешь ты опять заснуть, мечтать:
Ахъ! тотъ, когобъ еще хотѣла ты прижать
Къ изсохшей груди — плачь! — ужь онъ не возвратится
Вовѣкъ..... Здѣсь будешь ты оплакивать его,
Всѣхъ въ жизни радостей на вѣки съ нимъ лишена;

Здѣсь бурной осенью Природа обнажена
Раздѣлитъ съ нѣжностью грусть сердца твоего;
Печальный мракъ ея съ душой твоей сходнѣе.
Тебѣ ли радости въ мірскомъ шуму *найти*?
Одинъ увядшій листъ нещастному милѣе,
Чѣмъ всѣ блестящіе весенніе *цвѣты*.

И горесть сноснѣе въ объятіяхъ свободы!
Здѣсь съ нимъ тебя ничто, ничто *не раздѣлитъ*:
Здѣсь все тебѣ о немъ лишь будетъ *говорить*.
Съ улыбкой томною отцвѣтшія Природы
Его послѣднюю улыбку вспомнишь ты;
А тамъ, узрѣвъ цвѣтовъ печальные *слѣды*,
Ты скажешь: гдѣ они? здѣсь только прахъ ихъ тлѣетъ,
И скоро бурный вихрь и самый прахъ развѣетъ!
И время быстрое блаженства твоего,
И тѣнь священная, и образъ вѣчно милой,
Воскреснутъ, оживутъ въ душѣ твоей унылой.
Ты вспомнишь, какъ сама цвѣла въ глазахъ его!
Какъ нѣжная рука тебя образовала,
И прелестью добра тебя къ добру влекла;
Какъ ты всѣ радости въ его любви вмѣщала,
И радостей иныхъ постигнуть не могла;
Какъ раемъ для тебя казалась вся вселенна...
Но жизнь обманъ; а ты, минутой обольщенна,
Хотѣла вѣчно жить для щастья, для него;
Хотѣла — громъ гремитъ — ты видишь... гробъ его!...

Что щастье? Быстрый лучь сквозь мрачныхъ тучь *осенних*:
Блеснетъ — и только лишь нещастный въ *восхищеньи*
Къ нему объятія и взоры устремитъ:
Уже сокрылось все, чѣмъ бѣдный веселился;
Отрадный лучь изчезъ, и мракъ надъ нимъ сгустился,
И онъ обманутый, растерзанный стонитъ,
И Небо горестной слезою укоряетъ!

Такъ! щастья въ мірѣ нѣтъ; и кто живетъ, страдаетъ!
Напрасно хочешь ты, о добрый другъ людей!
Найти спокойствіе внутри души твоей;
Напрасно будешь ты сей мыслью веселиться,
Что съ мирной совѣстью твой духъ не возмутится!
Пусть съ доброю душей для щастья ты рожденъ;
Но бывъ нещастными отвсюду окруженъ,
Но бѣдствій ближняго со всѣхъ сторонъ свидѣтель —
Не будетъ для тебя блаженствомъ добродѣтель!
Какъ часто доброму отрада лишь въ слезахъ,
Спокойствіе въ землѣ, а щастье въ небесахъ! — —

Не вѣчно и тебѣ, не вѣчно здѣсь томиться!
Утѣшься; и туда твой взоръ да устремится,
Гдѣ твой смущенный духъ найдетъ себѣ покой,
И позабудетъ все, чѣмъ онъ терзался прежде;
Гдѣ вѣра не нужна, гдѣ мѣста нѣтъ надеждѣ;
Гдѣ царство вѣчное одной любви святой!

— *вх.*

ПОЛИТИКА.

I.

Жизнь Туссеня Лувертюра.

Сен-Домингскіе Африканцы покорились Французамъ. Славный Туссень сдался; однакожь на условіяхъ: Генералъ Леклеръ именемъ Республики далъ ему слово забыть все прошедшее и оставить его въ покоѣ. Слѣдующія вѣрныя извѣстія о жизни сего человѣка (котораго одни называютъ Спартакомъ, другіе разбойникомъ) кажутся намъ достойными примѣчанія.

Туссень Лувертюръ родился въ 1743 году въ сѣверной части Сен-Домингской Колоніи, недалеко отъ Капа. Осужденный со всѣми Неграми на вѣчное рабство, онъ долженъ былъ въ молодыхъ лѣтахъ своихъ пасти стадо. Имѣя довольно свободнаго времени и дѣятельный отъ природы умъ, Туссень вздумалъ учиться грамотѣ, и съ книгою въ рукѣ сиживалъ на берегу рѣки, въ лѣсу и на лугахъ. Другіе Негры, видя успѣхи его, гордились имъ, и радовались, что хотя одинъ изъ нихъ можетъ равняться въ знаніяхъ съ Бѣлыми.

Господинъ Баю, Бредскій Прокураторъ, взялъ его къ себѣ въ кучера; и хотя вообще со всѣми Неграми обходился жестоко, однакожь полюбилъ Туссеня, и скоро сдѣлалъ его надзирателемъ надъ другими невольниками.

Тогда началась Революція. Туссень долго не бралъ никакого участія въ бунтѣ Негровъ, и не обагрилъ рукъ своихъ въ крови Бѣлыхъ, варварски умерщвленныхъ въ 1791 году. Дружеская связь, которую онъ имѣлъ съ главными бунтовщиками: Букманомъ, Біассу и Жаномъ Франсуа, не заставила его быть неблагодарнымъ противъ господина; онъ даже явно осуждалъ ихъ за варварство, и называлъ злодѣями. И такъ не мудрено, что господинъ, который въ нещастномъ состояніи Колоніи могъ самъ быть жертвою свирѣпыхъ Негровъ, сердечно привязался къ Туссеню, и зная, что они съ радостію выбрали бы его въ начальники, естьли бы онъ захотѣлъ соединиться съ ними, удивлялся добродѣтели своего невольника.

Но вдругъ открылось, что сія добродѣтель была только хитрымъ лицемѣріемъ и происходила отъ боязни, что Негры не успѣютъ въ своемъ предпріятіи. Видя ихъ удачу, и полагая, что время дѣй-

ствовать для него настало, Туссень оставилъ господина и пришелъ въ лагерь къ Біассу, который ему обрадовался какъ надежному другу, и сдѣлалъ его Секретаремъ своимъ.

Тогда открылись воинскія способности и природная свирѣпость Туссеневы. Біассу употреблялъ его во всѣхъ опасныхъ случаяхъ, и въ награду за храбрость назвалъ Капитаномъ своей арміи. Въ это время произошло несогласіе между главными бунтовщиками: Туссень рѣшился имъ воспользоваться, и желая быть первымъ, соединился съ Жаномъ Франсуа, врагомъ Негра Біассу, чтобы погубить своего благодѣтеля и заступить его мѣсто.

Однажды, когда Біассу отдыхалъ въ своей палаткѣ, пришли сказать ему, что Жанъ Франсуа окружилъ его лагерь съ 8000 Негровъ и хочетъ взять его въ плѣнъ. Біассу схватилъ свое оружіе, выбѣжалъ изъ палатки, велѣлъ ударить сборъ, и приказалъ своему Капитану поставить войско въ ружье. Туссень исполнилъ приказаніе; но вмѣсто того, чтобы отразить Жана Франсуа, схватилъ Генерала своего и выдалъ его непріятелю. Біассу былъ разжалованъ и отведенъ плѣнникомъ во внутренность острова, а Туссень сдѣлался начальникомъ дивизіи, и

слѣдовалъ во всемъ примѣру жестокосердаго Біассу, пока другія обстоятельства не заставили его играть другой роли.

Война, которая началась въ Европѣ между Французскою Республикою и Монархами, скоро запылала и въ Колоніяхъ Американскихъ. Вѣрные Французы въ Сен-Доминго, сражаясь съ Неграми, приставшими къ Эмигрантамъ и Роялистамъ, еще должны были воевать съ Англичанами, которые безпокоили ихъ берега, и съ Гишпанскими селеніями, которыя торжественно объявили имъ войну.

Когда Гишпанцы въ 1795 году старались умножить силы свои всѣми врагами Французской Республики, тогда они призвали къ себѣ въ Сен-Доминго Жана Франсуа и Туссеня, назвавъ перваго Генералъ-Порутчикомъ Гишпанскихъ войскъ, а втораго Фельдмаршаломъ; и такимъ образомъ сіи два Негра явились въ лентахъ, съ звѣздами и со всѣми знаками благороднаго Рыцарства. Гордясь такимъ лестнымъ преимуществомъ, они ревностно старались заслужить милость Гишпанскаго Правленія, и вели съ Республиканцами свирѣпую войну, достойную Африканскихъ варваровъ. Всякой Французъ, которой попадался имъ въ руки, былъ мученикомъ. Окруженные Эмигрантами

и священниками, сіи Негры считали себя законными мстителями Королей и Религіи; яростный фанатизмъ ихъ требовалъ крови и жертвъ. Едва ли въ самомъ Вандейскомъ междоусобіи можно найти примѣры той лютости, которая была характеромъ Сен-Домингской, почти двулѣтней войны. Напрасно Французскіе Коммиссары, Польверель и Сантонаксъ, хотѣли усовѣстить безчеловѣчныхъ, и предлагали имъ миръ, свободу и защиту. Туссенъ отвѣчалъ Коммиссарамъ слѣдующимъ, примѣчанія достойнымъ письмомъ отъ 28 Августа 1795: „Мы не „можемъ признать Республики, и съ начала „міра повиновались только Царямъ. У „насъ отняли Короля Французскаго; но „Король Гишпанскій любитъ насъ, на„граждаетъ за вѣрность и помогаетъ „намъ. Мы не признаемъ и васъ, Ком„миссаровъ; а естьли хотите дружбы „нашей, то возстановите тронъ во Фран„ціи.“ — Это письмо было сочинено Гишпанскимъ священникомъ, который назывался Туссеневымъ духовникомъ. Сей Африканскій Генералъ написалъ еще другое письмо къ брату своему въ Капѣ такого же содержанія.

Между тѣмъ начались щастливые успѣхи Французовъ, и Гишпанцы поте-

ряли довѣренность къ геройству Негровъ Туссень Лувертюръ, предвидя конецъ службы своей, и боясь даже быть жертвою мира, рѣшился пристать къ другой сторонѣ. Обстоятельства новой измѣны были столь же ужасны, какъ и первой. Руки его дымились кровїю Французовъ, когда онъ передался къ Гишпанцамъ; вздумавъ опять возвратиться подъ знамена Республики, онъ обагрилъ свой гнусный лавръ кровїю Гишпанцевъ.

Губернаторъ Гишпанскихъ владѣнїй въ Сен-Доминго, Донъ Іоахимъ Гарсїа, велѣлъ Туссеню, стоявшему въ Мармеладѣ, быть подъ командою Маркиза Гермоны, искуснаго и храбраго Офицера. Тамъ, 25 Іюня 1794, послѣ обѣдни, причастїя и всѣхъ наружныхъ знаковъ великой набожности, Туссень вышелъ изъ церкви, сѣлъ на лошадь, окружилъ своими войсками Гишпанскїй лагерь, и хладнокровно велѣлъ рѣзать всѣхъ, не только солдатъ, но и женщинъ, младенцевъ, стариковъ. Негры его разграбили домы частныхъ людей, казну Государственную и церкви во всѣхъ селенїяхъ, которыя были тогда заняты Гишпанскими войсками. За три часа передъ тѣмъ Туссень снова далъ клятву, въ присутствїи Дона Гарсіи и Маркиза Гермоны, служить вѣрно Гишпанскому

Королю. Опустошивъ большую часть Колоніи, онъ спѣшилъ въ Поръ-де-Пе къ Генералу Лаво, тогдашнему Французскому начальнику, и присягнулъ Республикѣ.

Сему Генералу, знавшему всѣ дѣла Туссеневы, трудно было повѣрить такому человѣку. У него отняли начальство, со всѣхъ сторонъ примѣчали за нимъ, и казалось, что сей Негръ уже сошелъ съ политическаго театра; но бѣдственный случай опять вывелъ его на сцену, открывъ ему новый путь честолюбія.

Въ Вантозѣ мѣсяцѣ четвертаго Республиканскаго лѣта жители Капа взбунтовались противъ Генерала Лаво и взяли его подъ стражу. Туссень воспользовался симъ мятежемъ, собралъ 10,000 войска и со всѣхъ сторонъ окружилъ Капъ. Жители, страшась осады, отворили ему ворота. Побѣдитель Туссень немедленно освободилъ Генерала, и возвратилъ ему прежнюю законную власть. Лаво, въ первомъ жару благодарности, объявилъ его торжественно мстителемъ законовъ и спасителемъ Французовъ; онъ называлъ его „Спартакомъ, котораго предвозвѣстилъ Реналь, и который долженъ отмстить за всѣ „бѣдствія Негровъ.“ Лаво сдѣлалъ его Дивизіоннымъ Генераломъ и Поручикомъ Сен-Доминскаго Правленія, давъ слово требо-

вать во всемъ его совѣтовъ. Такимъ образомъ сей Африканецъ сдѣлался важнымъ человѣкомъ въ Колоніи, и могъ пріуготовить будущую ролю свою, еще важнѣйшую. Онъ распускалъ слухи о совершенной независимости острова, и друзьямъ своимъ доказывалъ возможность ея. Въ сіе время пріѣхали новые Коммиссары Директоріи, чтобы обнародовать Конституцію третьяго лѣта, и еще болѣе возвысили Туссеня, изъявивъ ему именемъ Республики благодарность за освобожденіе Генерала Лаво и за усмиреніе острова. Въ то же время они предложили ему употребить всѣ силы для изгнанія изъ Колоніи Англичанъ, которые завоевали разныя мѣста въ Сен-Доминго. Ободренный довѣренностію Коммиссаровъ и пользуясь совѣтомъ благоразумнѣйшихъ людей Колоніи, Туссень отнялъ у Англичанъ Мирбале, Гранъ-Буа и другія большія селенія, доказавъ въ разныхъ случаяхъ ревность свою, большіе воинскіе таланты и чрезвычайную храбрость. Въ теченіе всей войны онъ поступалъ вообще какъ должно усердному Французу, и сія эпоха была бы конечно лучшимъ временемъ его жизни, если бы она не соединялась уже съ тайными видами его властолюбія. Еще не пришло то время, въ которое Туссень

могъ подружиться съ Англичанами; ему хотѣлось заслужить прежде довѣренность Французскаго Правленія. Чего ждалъ, то и случилось. Коммиссары, въ Жерминалѣ пятаго лѣта, сдѣлали его главнокомандующимъ на островѣ. Это еще не все: слава Туссенева отдалась на берегахъ Сены; вездѣ, особливо на каѳедрѣ въ Совѣтѣ Старѣйшинъ, превозносили дѣла Африканскаго Героя; называли его спасителемъ Колоніи, жаркимъ Республиканцемъ; забыли его прежнія злодѣйства, и вѣрили лицемѣрной добродѣтели, которою онъ хвалился тогда во всѣхъ рѣчахъ своихъ и прокламаціяхъ.

Въ то самое время, когда по видимому все утверждало согласіе Французскихъ Коммиссаровъ съ Туссенемъ, и жители острова начинали отдыхать послѣ ужасныхъ смятеній, сей Негръ пріѣхалъ вдругъ съ эскадрономъ конницы въ Капъ, и явился въ домѣ Сантонакса. Не зная его намѣренія, Сантонаксъ обошелся съ нимъ ласково, искренно и почтительно, какъ съ главнымъ Чиновникомъ острова. Прошелъ цѣлый день въ дружескихъ разговорахъ. Въ слѣдующее утро Туссенъ велѣлъ ударить сборъ, осмотрѣлъ войско, бывшее въ Капѣ, пригласилъ къ себѣ на обѣдъ всѣхъ воинскихъ и гражданскихъ

чиновниковъ, и вдругъ, безъ всякихъ околичностей, предложилъ имъ выслать изъ Колоніи Сантонакса. Это случилось въ самое то время, когда Вобланъ и другіе Депутаты, изключенные 18 Фрюктидора изъ Совѣта, на каѳедрѣ обвиняли сего Коммиссара злоупотребленіемъ власти. Время и обстоятельства доказали, что не Сантонаксъ, а Туссенъ былъ врагомъ Республики.

Этьенъ Манторъ, тогдашній Генералъ-Адъютантъ, не хотѣлъ согласиться на предложеніе Туссенево, собралъ подчиненныхъ ему Офицеровъ и заставилъ ихъ клясться, что они умрутъ вѣрными Французами, и застрѣлятъ того, кто вздумаетъ въ Сен-Доминго отложиться отъ Республики. Туссенъ, узнавъ о томъ, озлобился какъ тигръ, и далъ повелѣніе Криспофу (самому тому извергу, который нынѣ выжегъ городъ Капъ) взять Мантора подъ стражу; опять собралъ Офицеровъ, которые были для него подозрительны, и спросилъ у нихъ съ грознымъ видомъ, хотятъ ли они ему повиноваться? „Готовы (отвѣчали Генералъ Ларсель, Батальйонной Начальникъ Клуаръ и Полковникъ Гассонвиль), готовы во всемъ, что ты велишь намъ сдѣлать для блага Республики; но никогда

не согласимся на изгнанїе Коммиссара.“ Сїи вѣрные Республиканцы хотѣли даже взять подъ стражу Тусеня, который, видя ихъ рѣшительность, и въ тоже время узнавъ, что городское Начальство несогласно съ его мнѣнїемъ, ушелъ изъ дому и собралъ войско, чтобы открыть новыя сцены кровопролитїя. Сантонаксъ, не желая быть причиною междоусобной войны, рѣшился выѣхать изъ Колонїи, — и сѣлъ на корабль 7 Фрюктидора пятаго лѣта.

Товарищи его уѣхали еще прежде. Остался одинъ Мулатъ Ремонъ, преданный Туссеню, который, чтобы нѣкоторымъ образомъ закрыть свое беззаконное самовластїе, поручилъ ему гражданское начальство въ Колонїи. Однакожь, предвидя, что насильственный его поступокъ можетъ открыть глаза Директорамъ, Туссень немедленно отправилъ Коммиссаровъ въ Парижъ, увѣдомляя Директорїю, будто Сантонаксъ хотѣлъ сдѣлать Колонїю независимою и быть ея главою.

Извѣстно, съ какимъ легковѣрїемъ приняли сей доносъ. Туссень побѣдилъ; его снова начали хвалить и величать спасителемъ острова. Директорїя, желая изъявить свою благодарность, послала ему богатый шитый мундиръ, драгоцѣн-

ную саблю и пистолеты Версальской фабрики.

Между тѣмъ Африканскій Генералъ разжаловалъ Коммиссара Ремона. Сей Агентъ вздумалъ играть ролю независимаго, и потребовалъ у него отчета въ суммахъ, оставленныхъ Сантонаксомъ въ казнѣ. Туссенъ велѣлъ солдатамъ приступить къ Ремону и съ угрозами требовать жалованья, котораго они долго не получали. Испуганный Ремонъ бросился къ нему съ прозьбою, чтобы онъ избавилъ его отъ власти, несоразмѣрной съ его способностями. Туссенъ былъ тѣмъ доволенъ, и желая изъявить свою милость бѣдному Ремону, отправилъ его въ Парижъ, съ титуломъ Депутата Колоніи, для засѣданія въ Законодательномъ Совѣтѣ шестаго лѣта.

(Окончаніе впредь.)

II.

О нынѣшнихъ Министрахъ Англіи.

Господинъ Аддингтонъ, первый нынѣшній Министръ и преемникъ славнаго Питта, есть сынъ Лондонскаго Доктора, обязаннаго своею фортуною Лорду Чаналу.

Аддингтонъ однихъ лѣтъ съ Питтомъ. Они вмѣстѣ учились въ Этонской Коллегіи и въ Кембрическомъ Университетѣ. Сія школьная связь обратилась въ дружбу, а дружба въ согласіе политическихъ мыслей. Питтъ ввелъ его въ Парламентъ. Аддингтонъ вмѣстѣ съ нимъ былъ противникомъ тогдашняго Министерства. Питтъ, сдѣлавшись Министромъ, употребилъ друзей своихъ въ главныя орудія Королевской стороны, и доставилъ Аддингтону важное мѣсто Оратора Нижняго Парламента, съ ежегоднымъ доходомъ шестидесяти тысячь рублей, кромѣ 20000, которыя даются Оратору при всякомъ возобновленіи Парламента.

Аддингтонъ исполнялъ должность свою 12 лѣтъ съ великимъ отличіемъ, и всегдашнимъ безпристрастіемъ своимъ заслужилъ довѣренность всѣхъ партій, не рѣдко съ величайшею строгостію останавливая самого Питта, когда онъ въ рѣчахъ своихъ дозволялъ себѣ оскорбительныя личности; за то всякой разъ единодушно выбирали его въ Ораторы. Никто лучше Аддингтона не знаетъ твердой и слабой стороны Парламента, древнихъ его обрядовъ и теченія дѣлъ. Сверхъ того онъ имѣетъ много свѣдѣ-

нїй, основательный умъ, проницательность, тонкой вкусъ, правила строгой честности и семейственныя добродѣтели; говоритъ ясно, прїятно и методически; въ обхожденїи кротокъ, тихъ и любезенъ; а характеромъ своимъ похожъ болѣе на Лорда Чатама, нежели на его сына (Питта). Не смотря на сїи блестящїя свойства, знающїе люди думаютъ, что Аддингтонъ не можетъ съ такою славою исполнять должность Министра, съ какою онъ исполнялъ должность Оратора. —

Лордъ Эльдонъ, теперешнїй Великїй Канцлеръ, былъ главнымъ гражданскимъ Судьею, и заступилъ мѣсто Лорда Лобору, который также отправлялъ нѣкогда сїю должность. Рѣдко бываетъ, чтобы два главные Судьи сряду выходили въ Канцлеры. Лордъ Эльдонъ есть искусный Юрисконсультъ, и весьма свѣдущъ какъ въ гражданскихъ, такъ и въ политическихъ или государственныхъ законахъ своего отечества. Сїи знанїя открыли ему путь къ первымъ достоинствамъ. Онъ не скоро согласился принять мѣсто Великаго Канцлера; ибо оно дается не на всю жизнь, такъ какъ мѣсто главнаго Судьи. Чтобы успокоить Лорда Эльдона, Король обѣщалъ ему пенсїю

въ случаѣ отставки его. Теперь уже два отставные Канцлера пользуются сею милостію. Лордъ Торло, который вышелъ изъ Министерства за ссору съ Питтомъ, получаетъ 60000 рублей пенсіи, а Лобору 50000 рублей.

Имя Лорда Гакесбури, Министра иностранныхъ дѣлъ, извѣстно въ Англійской Исторіи послѣдняго тридцатилѣтія. Онъ сынъ Карла Дженкинсона, Бютова ученика, Министра военныхъ дѣлъ во время Американской войны, названнаго послѣ Графомъ Ливерпулемъ. Въ придворныхъ вѣдомостяхъ именуютъ его обыкновенно Господиномъ Робертомъ Дженкинсономъ, а изъ учтивости называютъ Лордомъ Гакесбури. Милость Короля къ отцу его рано открыла ему путь честолюбія. Онъ учился въ Оксфордѣ, слѣдуя въ разсужденіи методы особенному предписанію отца, и наконецъ путешествіями образовалъ умъ свой. Случай привелъ его во Францію къ самому началу Революціи. Гакесбури, живучи въ Парижѣ, сообщалъ Питту описаніе всѣхъ главныхъ политическихъ актеровъ Франціи, и свои особенныя наблюденія. Сдѣлавшись такимъ образомъ извѣстенъ Правленію съ хорошей стороны, онъ еще болѣе отличилъ себя въ Парламентѣ, когда по возвращеніи въ Ан-

глїю былъ избранъ въ его Члены; бралъ всегда сторону Министровъ, и служилъ имъ своими талантами и краснорѣчїемъ; за что они изъявили ему свою благодарность, сдѣлавъ его Коммиссаромъ Ост-Индскихъ дѣлъ, а послѣ Инспекторомъ Монетнаго Двора, Членомъ Совѣта и Коллегїи торговыхъ дѣлъ. Онъ оказалъ важныя услуги Питту и Дондасу во время разныхъ нападенїй Оппозицїи, или противниковъ Министерства, и прославился дарованїемъ Оратора. Ему 31 годъ отъ роду; онъ женатъ на дочери славнаго Графа Бристоля, Деррїйскаго Епископа.

Лордъ Робертъ Гобардъ, второй Государственный Секретарь, заступилъ мѣсто Дондаса. До сего времени онъ былъ совсѣмъ неизвѣстенъ публикѣ. Журналисты шутили на счетъ его и говорили, что онъ пошелъ въ Министры отъ бѣдности, и что Лади Гобардъ содержитъ трактиръ для игроковъ. Нынѣ извѣстно, что это было только злословїе. — Господинъ Йоркъ, Секретарь военныхъ дѣлъ, давно уже показывалъ себя жаркимъ другомъ прежнихъ Министровъ.

Никто вообще не любимъ столько, какъ Лордъ Винсентъ, первый Лордъ Адмиралтейства. Заслуживъ своимъ достоинствомъ и дѣлами чинъ Адмирала,

онъ былъ избранъ въ Министры голосомъ общества на мѣсто Графа Спенсера; но не хотѣлъ принять сей должности, пока не узналъ мыслей друга своего, Маркиза Лансдауна, славнаго противника Министровъ. Онъ вошелъ въ правленїе съ тѣмъ, чтобы истребить всѣ злоупотребленїя, которыя вкрались въ морскую Англїйскую службу.

III.

Извѣстія и замѣчанія.

Лондонъ.

Теперь вся Англїя занимается выборами новыхъ Парламентскихъ Членовъ: „единственная эпоха, по словамъ Жанъ-Жака Руссо, въ которую Англїйскїй народъ пользуется истинною свободою!“ Но сїи выборы можно назвать только обрядомъ: Министры невидимо управляютъ ими, соглашаясь однакожь съ лучшими людми въ каждой округѣ. Члены Парламента раздѣляются обыкновенно на три части: на спокойныхъ и добродушныхъ флегматиковъ, которые всегда согласны съ Министрами, но всегда молчатъ, и для которыхъ служитъ правиломъ Французская пословица: qui ne dit mot, consent; на людей съ талантомъ, которые разсужденїемъ убѣждаютъ другихъ соглашаться съ системою

Правленія, и которые черезъ то открываютъ себѣ путь или къ Министерству или къ другимъ важнымъ мѣстамъ государственнымъ; и на людей съ талантомъ, которые входятъ въ Парламентъ съ тѣмъ, чтобы во всемъ противорѣчить Министрамъ, не будучи ни мало врагами ихъ, но единственно для торжества Англійской свободы, столь любезной народу, и для славы дарованій своихъ: они-то составляютъ обыкновенно такъ называемую *Оппозицію* или *сторону противниковъ*, необходимыхъ въ Англіи. Естьли бы никто добровольно не захотѣлъ въ Парламентѣ бранить Министровъ, то они платили бы за брань деньги. Таковъ духъ сего удивительнаго народа! Кажется, что имъ играютъ; но онъ доволенъ, и въ самомъ дѣлѣ имѣетъ причину быть довольнымъ: ибо его польза бываетъ святымъ закономъ для Министровъ, всегда умныхъ, всегда патріотовъ, всегда окруженныхъ строгими и просвѣщенными судьями. Какъ скоро Министръ вздумаетъ сдѣлать что нибудь несогласное съ выгодами народными, то голосъ общества загремитъ противъ него, и самое большинство голосовъ въ Парламентѣ не будетъ ему вѣрною эгидою. На примѣръ, когда Питтъ вздумалъ стращать Россію войною, то Парламентъ, не смотря на красноречіе

Фокса, соглашался съ Министромъ; но Англійскій народъ не хотѣлъ воевать съ ЕКАТЕРИНОЮ, и Питтъ долженъ былъ уступить. — — Выборы представляютъ въ Англіи весьма любопытное зрѣлище для иностранцевъ. Таверны отворены; богатые люди, собирающіе голоса для себя или для друзей своихъ, угощаютъ народъ, и Лордъ дружески обнимается съ сапожникомъ. Иногда и знатныя дамы играютъ при семъ случаѣ роли, и дѣйствіемъ своей любезности служатъ Кандидатамъ. — Но не чудно ли покажется, что какое нибудь маленькое мѣстечко въ Англіи имѣетъ иногда, въ разсужденіи выборовъ, болѣе правъ, нежели большой городъ? Питтъ, будучи нѣкогда противникомъ Министерства, требовалъ новаго, справедливѣйшаго учрежденія въ дѣлѣ столь важномъ для свободы народной; но послѣ, сдѣлавшись Министромъ, онъ нашелъ выгоды въ старинномъ положеніи: ибо гораздо легче склонить на свою сторону жителей небольшаго мѣстечка, нежели гражданъ многолюднаго города. Въ старину какой нибудь сильной человѣкъ выходилъ право избранія своему помѣстью, чтобы располагать имъ; а теперь оно принадлежитъ этому селенію для того, что нѣкогда было дано ему! На примѣръ, недавно про-

дали въ Англїи десятину земли съ двумя ветхими хижинами за 420,000 рублей: ибо хозяинъ ихъ имѣетъ право назначать Депутата для Парламента. Сїя земля принадлежала Лорду Камельфорду, который въ 1800 году выбралъ въ Члены Парламента извѣстнаго Англїйскаго Якобинца, Горна Тука. —

Военный Секретарь Йоркъ предложилъ свои счеты Нижнему Парламенту. Въ 1801 году Англїйская армїя состояла изъ 161,564 человѣкъ, и на ея содержанїе выходило 50,432,000 рублей: теперь останется только 95,795 человѣка, для которыхъ надобно ежегодно 30,104,000 рублей. Г. Банксъ напомнилъ Членамъ, что прежде въ мирное время Англїя содержала только 17,000 войска. „Начто же теперь имѣть столько полковъ (сказалъ онъ)? начто такїя издержки? Что подумаютъ въ другихъ земляхъ? Не усомнятся ли въ нашемъ миролюбїи? Мы живемъ на островѣ, любимъ свою Конституцїю и наслаждаемся рѣдкими политическими выгодами: вотъ твердое основанїе нашей безопасности!“ Министръ Аддингтонъ въ отвѣтѣ своемъ сказалъ между прочимъ слѣдующее: „Я „не менѣе другихъ люблю экономию; но „знаю, что главнымъ закономъ должно

„быть для насъ состоянїе Англїи. Вмѣ-„стѣ съ долгами нашими возрасли и на-„ши богатства. Коммерцїя и мануфак-„туры Англїйскїя никогда не были въ „такомъ цвѣтущемъ состоянїи, какъ „нынѣ. Не говорю о будущемъ; но дол-„жность моя есть предохранять отече-„ство отъ всѣхъ опасностей.“ Господинъ Робсонъ спорилъ по своему обыкновенїю, но безъ успѣха, и Парламентъ согласился съ Министрами. Сей Робсонъ дѣлается съ нѣкотораго времени смѣлѣйшимъ рыцаремъ Оппозицїи и, кажется, имѣетъ таланты; но Журналисты немилосердымъ образомъ смѣются надъ нимъ, доказывая всего болѣе, что онъ не умѣетъ говорить природнымъ языкомъ своимъ. Одинъ изъ нихъ пишетъ, что Г. Робсонъ ѣдетъ въ Парижъ и намѣренъ тамъ въ какомъ нибудь пансїонѣ учиться по-Англїйски. — Аддингтонъ, 12 Іюня, требовалъ еще новыхъ суммъ для расходовъ, и сказалъ между прочимъ, что проценты народныхъ долговъ составятъ въ нынѣшнїй годъ 255 миллїоновъ рублей. —

Для сооруженїя статуи Питту собрано, какъ извѣстно, 500,000 рублей, а для Бедфорцова монумента 400,000; но вѣроятно, что для послѣдняго соберутъ

гораздо болѣе. Удивительно, что Принцъ Валлисскій, другъ Бедфортовъ, далъ только 1000 рублей.

Парижъ.

Туссенъ, объявленный разбойникомъ, котораго всякому убить дозволяется, нашелъ способъ заключить естьли не славный, то по крайней мѣрѣ честный для себя миръ съ Республикою. Монитёръ не говоритъ объ условіяхъ; но Журналисты, имѣющіе связь съ Членами Правленія, уже хвалятъ Туссена. Въ Нантскихъ Вѣдомостяхъ напечатано письмо Леклера къ сему славному Негру, въ которомъ онъ даетъ слово сравнять его Генераловъ съ Французскими и войско его принять въ службу Республики. „Что касается „лично до васъ (говоритъ онъ), то вы желаете покоя, и будете имъ наслаждаться. Даю вамъ свободу выбрать мѣсто.“ Сверхъ того Леклеръ требуетъ его совѣтовъ, какъ лучше способствовать успѣхамъ земледѣлія и торговли въ С. Доминго. Видно, что Туссенъ могъ еще проститься Французамъ, когда они такъ дружелюбно съ нимъ раздѣлались. Въ другомъ письмѣ изъ Колоніи, напечатанномъ въ Журналахъ, сказано: „Я видѣлъ Туссена у Генерала Леклера, и

„и долженъ былъ удивляться его уму, „твердости и мужественному духу.“ Естьли Туссенъ въ самомъ дѣлѣ уменъ, то въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ онъ будетъ мирнымъ гражданиномъ Колоніи; но можетъ ли Франція на него положиться? Негры привыкли вѣрить и служить ему усердно; а онъ привыкъ властвовать. Бѣлыхъ осталось въ С. Доминго весьма не много: почти всѣ земли теперь въ рукахъ у прежнихъ невольниковъ. Извѣстно, сколь тамошній климатъ нездоровъ для Европейцовъ: Республикѣ трудно будетъ держать въ Колоніи много Французскаго войска; а полки, составленные изъ Негровъ, весьма ненадежны въ случаѣ какого нибудь новаго возмущенія. Состояніе прочихъ Французскихъ Колоній имѣетъ также свои опасности: Негры, которые тамъ остаются невольниками, не позавидуютъ ли участи Сен-Домингскихъ, которые свободны? Предпріимчивость, звѣрство и храбрость сихъ людей доказаны нещастнымъ опытомъ.

Монитёръ все еще наполненъ письмами Чиновниковъ, увѣдомляющихъ Бонапарте о выборѣ его на всю жизнь въ Консулы. Одинакое содержаніе и разныя красивыя выраженія сихъ писемъ напоминаютъ

всякому, кто учился въ школахъ, задачи реторическаго класса, гдѣ всѣ ученики обработываютъ иногда одинъ предметъ, украшая его особенными цвѣтами. Какое неистощимое богатство фразъ! Нѣкоторые Чиновники примѣтнымъ образомъ стараются подражать Бонапартіеву отрывистому слогу; и что строка, то параграфъ. Такъ во время Александра Великаго всѣ гнули голову на лѣвую сторону. . . . О Республиканцы! — Скоро должно быть обнародовано слѣдствіе собираемыхъ голосовъ. Вѣроятно, что Сенатъ будетъ еще на сценѣ въ семъ дѣлѣ; все *чрезвычайное* идетъ черезъ его руки.

Гражданинъ Лессепсъ, Французскій Коммисаръ торговыхъ дѣлъ въ Санктпетербургѣ, есть самый тотъ, который путешествовалъ съ ла-Перузомъ и былъ имъ посланъ изъ Камчатки въ Парижъ. Онъ долго жилъ въ Россіи, гдѣ отецъ его отправлялъ должность Французскаго Консула.

Медицинская Школа въ Парижѣ представила Полиціи, что дѣтскія игрушки, раскрашенныя мѣднымъ и свинцовымъ составомъ, должны быть запрещены. Дѣти обыкновенно берутъ въ ротъ все, что у нихъ въ рукахъ, и могутъ легко почувствова-

вать вредное дѣйствіе металлическихъ красокъ: ибо ихъ нѣжные органы весьма чувствительны ко всему ядовитому.

Славная Рафаелева *Мадонна Делли Седіа* украшаетъ теперь кабинетъ Госпожи Бонапарте. Сія картина извѣстна всѣмъ путешественникамъ, которые были во Флоренціи и въ палатахъ Питти.

Смѣсь.

Визирь не можетъ управиться съ Египетскими Беями, не смотря на строгія Султановы повелѣнія какъ можно скорѣе усмирить бунтовщиковъ. Англичане, которыхъ еще 5000 въ Александріи, ни во что не вступаются, и только объявили Визирю, что они не будутъ помогать Беямъ и Мамелюкамъ.

Въ доказательство, сколь Гишпанское Правленіе строго и *нелюдимо* въ Колоніяхъ, служитъ слѣдующее извѣстіе изъ Новаго Йорка: „Американскіе корабли, вошедшіе въ пристань Гаванны, „были въ тотъ же день изъ нее высланы; но буря заставила ихъ возвратиться въ сію гавань. Губернаторъ, „узнавъ о томъ, велѣлъ всѣхъ Капитановъ „посадить въ тюрму, и черезъ нѣсколько

„дней выпустилъ ихъ единственно съ „тѣмъ условіемъ, чтобы они никогда не „дерзали заходить въ Гишпанскіе порты. Въ самое то время жители Гаванны терпѣли крайній недостатокъ въ „хлѣбѣ, которымъ нагружены были Американскіе корабли. Купцы и народъ просили, чтобы Губернаторъ дозволилъ „имъ купить сей хлѣбъ; но онъ никакъ „не согласился.“ — Гаванна, какъ извѣстно, есть главный городъ Кубы, самаго большаго изъ Антильскихъ острововъ. Она славна своею рѣдкою пристанью, въ которой можетъ помѣститься болѣе тысячи кораблей; славна еще отмѣнными богатствомъ церквей своихъ, сіяющихъ серебромъ и золотомъ.

Давно ли всѣ завидовали отмѣннымъ успѣхамъ и богатству Американской торговли? Нынѣ въ Новомъ Йоркѣ безпрестанно открываются новыя банкрутства — отъ того, какъ пишутъ, что Англичане во время войны брали множество Американскихъ кораблей. Такой же феноменъ видѣли мы, лѣтъ за пять передъ симъ, въ Гамбургѣ, который былъ тогда средоточіемъ всемірной торговли, одинъ пользовался всѣми ея выгодами, и вдругъ удивилъ Европу многочисленными банкрутствами.

Разбои бываютъ всегда эхомъ долговременной войны. Два злодѣя - Муссо въ Италіи, Шиндерганс въ Германіи - ужасали путешественниковъ и жителей. Первый хотѣлъ трактовать съ Генуэзскимъ Начальствомъ и предлагалъ ему заплатить за каждаго изъ своихъ товарищей 3000 ливровъ, а за себя 6000, съ тѣмъ, чтобы его простили, и чтобы онъ могъ жить въ свѣтѣ честнымъ человѣкомъ (galant'uomo). Ему не отвѣчали. Онъ скрылся послѣ того въ самыя дикія и неприступныя мѣста Апеннина. Нѣмецкій разбойникъ Шиндерганс наконецъ пойманъ и судимъ теперь въ Маинцѣ. Народъ бѣжалъ видѣть его какъ чудо.

Говорятъ, что Этрурійскій Король намѣренъ возстановить Инквизицію въ Тосканѣ. Благоразумные люди считаютъ сей слухъ ядовитымъ злословіемъ, и заключаютъ, что Его Этрурійское Величество имѣетъ многихъ непріятелей, которые хотятъ вредить ему такими баснями. — Единственно то вѣрно, что Король, отдавая справедливость рѣдкимъ достоинствамъ супруги своей, ввелъ ее въ Государственный Совѣтъ, и желаетъ, чтобы она имѣла голосъ во всѣхъ дѣлахъ Министерства, экономіи и законодательства.

Маркизъ де Ница, бывшій Португальскій Министръ при Россійскомъ Императорскомъ Дворѣ, издержалъ (какъ увѣряютъ) въ нѣсколько мѣсяцевъ около 500,000 рублей.

Скоро на Рускомъ языкѣ выдетъ подробное описаніе дѣлъ Героя Суворова въ Италіи. Авторъ былъ самъ очевиднымъ ихъ свидѣтелемъ.

П. П. Король Сардинскій торжественно отказался отъ трона, уступивъ его брату своему, Герцогу Аостскому.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

ІЮЛЬ 1802.

№ 14.

ЛИТТЕРАТУРА и СМѢСЬ.

I.

Предубѣжденія женщины.

Анекдотъ (*).

Графъ де-Люзи, молодой, прекрасной, сдѣлался ужасомъ свекровей (**) и всѣхъ женщинъ, привязанныхъ къ доброму своему имени. Въ 26 лѣтъ онъ прожилъ все имѣніе, и погубилъ (какъ говорили) двухъ женщинъ, изъ которыхъ одна развелась съ мужемъ, а другая, по Королевскому повелѣнію, заключена была въ монастырѣ. И такъ не мудрено, что Графъ славился, ужасалъ въ свѣтѣ, и что осторожные люди

(*) Совершенно справедливой, говоритъ Авторъ, Госпожа Жанлисъ.

(**) Слѣдственно свекрови во Франціи заботились о добромъ имени молодыхъ женщинъ болѣе, нежели мужи и мужья!

убѣгали его. Онъ былъ вѣтренъ, но добръ и чувствителенъ; разорился отъ безразсудной щедрости; и тѣ, которые знали его коротко, находили въ немъ милыя свойства съ пріятнымъ умомъ. Такъ Президентъ П** любилъ его сердечно — богатой человѣкъ, проводившій большую часть года въ Водрёлѣ, Нормандскомъ замкѣ, славномъ прекрасными садами своими, веселымъ обществомъ и блестящими праздниками, которые любилъ давать хозяинъ. Президентъ былъ уже человѣкъ не молодой, умной, доброй, веселой и роскошной; кто имѣлъ пріятности и таланты для общества, могъ надѣяться на его дружбу. Графъ Люзи провелъ у него два лѣта. Онъ любезностію своею обезоруживалъ злословіе и предубѣжденіе; всякой радъ былъ съ нимъ встрѣтиться. Графъ выдумывалъ Водрёльскіе праздники, сочинялъ куплеты, самъ пѣлъ ихъ, игралъ Комедіи, и хозяинъ любилъ его какъ душу.

У Президента была родственница, вдова, славная красотою, умомъ и добродѣтелями, которая своею трогательною нѣжностію усладила послѣдніе годы стараго ея мужа, умершаго въ Лангедокѣ. Госпожа Нельфоръ провела годъ траура въ уединеніи, и возвратилась въ Парижъ

наслаждаться всѣми пріятностями богатства, независимости и совершенно непорочнаго имени. Она была уже не въ первомъ цвѣтѣ молодости: ей минуло 32 года; но разсудокъ и добродѣтельная жизнь удивительнымъ образомъ сохраняютъ свѣжесть красоты. Госпожа Нельфоръ еще сіяла прелестями. Съ основательнымъ характеромъ она соединяла основательный умъ, тонкую проницательность и нѣжное чувство, пріобрѣтаемыя въ свѣтѣ. Хвалы, которыми осыпали ея поведеніе, обратили въ ней честолюбіе на одинъ предметъ достойный его, однакожь не оправдывающій надменности; а Госпожа Нельфоръ гордилась своимъ достоинствомъ гораздо болѣе, нежели прелестями, которыми она была только *довольна!* на примѣръ такъ, какъ гордая кокетка довольна хорошимъ уборомъ, который, по ея мнѣнію, *не увеличиваетъ*, но только *показываетъ красоту ея.* Госпожа Нельфоръ уважала прелести для того, что онѣ даютъ еще болѣе цѣны добродѣтели и могутъ украшаться ею.

Объ ней думали то же, что говорятъ о всѣхъ добродѣтельныхъ женщинахъ; думали, что она имѣла холодной умъ и мало воображенія. Такое заключеніе всегда несправедливо: *воображеніе развратное* не есть

живое воображенїе. Не надобно большой пылкости въ мысляхъ для того, чтобы представить себѣ удовольствїя кокетства и вѣтреной любви: такїя картины всегда передъ глазами. Женщина, которая плѣняется ими, видитъ только настоящее; другая презираетъ ихъ для того, что видитъ будущее, видитъ слѣдствїя; не первая, а вторая *имѣетъ нужду въ воображенїи.* Всегда можно сорвать плодъ слабости, но плодъ добродѣтели не скоро зрѣетъ; одна даетъ наслажденїе, другая только обѣщаетъ; порокъ держитъ въ рукѣ плату, а награда добродѣтели въ будущемъ. Надобно имѣть сильное воображенїе, чтобы живо представить себѣ отдаленное и полюбить благо, хотя истинное и вѣчное, но отвлеченное и невидимое — полюбить, говорю, болѣе всѣхъ приманокъ страсти.

Госпожа Нельфоръ была чувствительна и пылкаго ума; но спокойствїе и гордость души давали ей видъ какой-то холодной строгости, хотя и непритворной, но въ самомъ дѣлѣ несогласной съ ея характеромъ. Никто бы въ обществѣ не былъ прїятнѣе Госпожи Нельфоръ, естьли бы отличное уваженїе всѣхъ людей не испортило ее; ибо всякая хвала, и ложная и справедливая, портитъ человѣка,

естьли онъ ею гордится. Любезная вдова была излишно строга и суха въ обхожденіи съ людми, извѣстными по дурнымъ слухамъ; она не думала, что гораздо цѣлсмудреннѣе и пристойнѣе имѣть кроткую снисходительность, которая не хочетъ знать соблазнительныхъ анекдотовъ или по крайней мѣрѣ вѣрить имъ; напротивъ того грубое презрѣніе напоминаетъ ихъ, и бываетъ нескромною жестокостію.

Госпожа Нельфоръ пріѣхала изъ Лангедока въ Парижъ весною. Президентъ былъ въ Водрёлѣ. Она увѣдомила его черезъ письмо, что скоро будетъ къ нему на цѣлой мѣсяцъ. Онъ сердечно уважалъ и любилъ свою племянницу; сверхъ того, давно не видавъ ее, могъ на случай ея пріѣзда давать праздники. Президентъ увѣдомилъ о томъ Графа Люзи, которой чрезмѣрно обрадовался. — И такъ вы знаете мою племянницу? спросилъ хозяинъ. „Видѣлъ два раза, отвѣчалъ Графъ, и сердечно удивлялся красотѣ ея.“ — Любезной другъ! берегись влюбиться! — „Для чего? мы оба свободны.“ — Тебѣ 26 лѣтъ, а характеру твоему пятнадцать; ей 32 года, и разумъ ея никогда не былъ молодъ. Вообрази себѣ совершенство благоразумія и хладнокровія! Она мила, но (между нами будь сказано) страшна какъ

уголовной судья. Къ тому же я увѣренъ, что ей насказали о тебѣ ужасы. — „Дай Богъ!“ – Какъ? — „Она болѣе замѣтитъ меня.“ — А предубѣжденіе? — „Нѣтъ нужды; главное дѣло быть замѣченнымъ.“ — Любезной другъ! это единственная женщина! — „Къ такой именно должно мнѣ навсегда привязаться. Скажите, весела ли она?“ — Иногда; только горда до крайности и презираетъ молодыхъ людей, которые считаются вѣтреными; не терпитъ похвалы и ни малѣйшаго вида лести . . . . „Разумѣю. Увѣренная въ способахъ нравиться, она хочетъ вселять боязливое почтеніе; это хорошо знать. Ахъ! естьли бы мнѣ удалось заслужить отъ нее какую нибудь важную грубость!“ . . . Странное желаніе! не думаю, что эта надежда легко можетъ исполниться. — „Право? вы думаете, что она можетъ оказать человѣку явное презрѣніе?“ — Безъ всякаго сомнѣнія. — „Прекрасно! Умная женщина можетъ зайти очень далеко, когда сердце ея свободно, и когда ей надобно загладить грубую несправедливость; и естьли мущина не глупецъ, то ему всего выгоднѣе начинать трогательнымъ видомъ *жертвы*.“ Президентъ согласился на истину сего замѣчанія, и открылъ ему намѣреніе веселить гостью

праздниками и спектаклями. Графъ въ одну минуту выдумалъ планъ ихъ.

У Президента была сестра, Баронесса Л*, которая жила у него въ домѣ, и которую онъ любилъ какъ друга. Она никогда не бывала красавицею, и въ 44 года, безъ всякаго самолюбія и требованія, тѣмъ болѣе нравилась въ короткомъ обхожденіи. Подобно своему брату, Баронесса любила свѣтъ и его удовольствія, была добродушна, чувствительна, всегда одинакова, смѣшлива и совершенно снисходительна, особливо въ разсужденіи тѣхъ, кого любила. У нее былъ одинъ сынъ, девяти лѣтъ, котораго она обожала. Графъ, любя дѣтей, часто игралъ съ маленькимъ Алексисомъ, и тѣмъ понравился нѣжной матери. Сверхъ того онъ имѣлъ къ ней во всемъ почтительное вниманіе, занималъ, веселилъ ее своимъ разговоромъ, и Баронесса любила его безъ памяти. Графъ, будучи съ нею искрененъ, разсказалъ ей всѣ свои любовныя исторіи. Признаваясь во многихъ слабостяхъ, онъ доказалъ свою невинность въ разныхъ случаяхъ, которыми злословіе укоряло его. Чувствительная Баронесса, тронутая такою милою довѣренностію, искренно извиняла проступки, уменьшен-

ные раскаяніемъ и описанные съ любезною живостію.

Наконецъ Госпожа Нельфоръ, ожидаемая съ великимъ нетерпѣніемъ, пріѣхала ввечеру; въ самую ту минуту, какъ хозяинъ и гости возвратились изъ саду. Президентъ, Баронесса и маленькой Алексисъ, которому она была крестная мать, бросились къ ней на встрѣчу, и нѣсколько разъ обняли ее на крыльцѣ. Наконецъ она вошла въ залу, гдѣ сидѣлъ одинъ Графъ; всѣ другіе разошлись по своимъ комнатамъ. Баронесса подозвала его и представила Госпожѣ Нельфоръ; а между тѣмъ Алексисъ, цѣлуя руку своей крестной матери, сказалъ, что онъ *первой другъ его.* Она сдѣлала презрительную ужимку, не взглянула на Графа, оборотилась къ нему спиною и тихонько сказала Президенту, что желаетъ съ нимъ поговорить наединѣ. Графъ вышелъ. Алексисъ побѣжалъ за нимъ. Тутъ Госпожа Нельфоръ безъ всякаго предисловія изъявила свое удивленіе, что она въ Водрёлѣ находитъ *такого человѣка, какъ Графъ де-Люзи.* Президентъ, устрашенный ея строгостію, думалъ отвѣчать; но Баронесса не дала ему говорить, и съ великимъ жаромъ вступилась за Графа. Племянница не хотѣла слушать и сказала, что она не

понимаетъ, какъ можно любить *изверга*, ославленнаго дурными дѣлами. Баронесса разсердилась, отвѣчала такимъ же тономъ, и произнесла имя *жеманства*. Госпожа Нельфоръ покраснѣла съ досады и прямо объявила, что она никакъ не согласится пробыть ни двухъ дней въ такомъ домѣ, гдѣ живетъ презрительной человѣкъ. Что же мнѣ дѣлать? сказалъ наконецъ Президентъ . . . . „Выбирайте, кого вамъ надобно: или Графа или меня завтра здѣсь не будетъ.“ — Да какъ же мнѣ сказать ему? — „Ни мало не затруднительно: скажите, что отъ меня слышали. Онъ на васъ не разсердится, а будетъ только бранить мое *жеманство*“... И вы не думаете о слѣдствіяхъ?... „Это будетъ хорошимъ примѣромъ. Естьли бы всѣ разсудительныя женщины уговорились такъ обходиться съ гнусными прелестниками, то число ихъ жертвъ конечно бы убавилось.“ — Смѣю думать, сказала Баронесса, что я не безразсудна; однакожь никогда не войду въ такой заговоръ противъ человѣка любезнаго... *Любезнаго!* повторила Госпожа Нельфоръ съ видомъ насмѣшки.... „Такъ, сударыня, любезнаго, добраго, искренняго, чувствительнаго; однимъ словомъ, я не знаю другова человѣка, ему подобнаго въ любезности...

Госпожа Нельфоръ пожала плечами, и не отвѣчая Баронессѣ, сказала Президенту: „послушайте; я не хочу досадить вамъ; дѣло можетъ обойтись безъ всякаго шума. Долго ли пробудешъ у васъ Графъ?“ — Три недѣли. — „И такъ не говорите ему ни слова. Я завтра уѣду и возвращусь къ вамъ черезъ мѣсяцъ; а за ужиномъ скажу нынѣ, что мнѣ надобно ѣхать въ Руанъ за важнымъ дѣломъ; и въ самомъ дѣлѣ поѣду туда.“ — Естьли хотите, то я скажу Графу. — „Нѣтъ; теперь нахожу, что эта выдумка лучше.“ — Но она чрезмѣрно огорчаетъ меня. Увидѣться на минуту послѣ долгой разлуки! Будьте великодушны, сударыня, и останьтесь съ нами!... „Нѣтъ, нѣтъ! я непремѣнно завтра поѣду, но даю слово провести у васъ все лѣто“... Отвѣтъ ея былъ такъ рѣшителенъ, что Президентъ не сказалъ уже ни слова. Баронесса, внутренно обрадованная такимъ намѣреніемъ, мало по малу смягчилась. Наконецъ онѣ искренно обнялись и помирились. Ужину надлежало быть черезъ часъ. Госпожа Нельфоръ хотѣла приказать людямъ своимъ быть готовыми къ отъѣзду, и пошла въ назначенныя для нее комнаты. Тамъ служанка ея, имѣвъ уже время переговорить съ домашними, начала разсказывать ей о праз-

дникахъ, которые для нее готовятся, и которые *выдуманы Графомъ де-Люзи.* Это слово произвело въ сердцѣ Госпожи Нельфоръ какое-то движенїе, похожее на раскаянїе; но оно въ минуту исчезло. „Праздники имъ выдуманные! онъ вѣрно сталъ бы тѣмъ хвалиться; нѣтъ, всего лучше уѣхать!“ думала она, и между тѣмъ, безъ всякихъ мыслей разспрашивая свою служанку, узнала, что Графа всѣ любятъ въ домѣ, и что послѣ ужина будетъ играна маленькая Комедїя. Разговоръ еще продолжался, когда вошелъ къ ней Президентъ и съ печальнымъ видомъ сказалъ: „теперь ничто не мѣшаетъ вамъ остаться съ нами, любезная племянница. Графъ послалъ за лошадьми, и хочетъ ѣхать.“ — И такъ вы, противъ нашего условія, сказали ему?... „Я сказалъ только, что вы завтра ѣдете въ Руанъ.“.. А онъ?... „Вышелъ изъ комнаты, черезъ десять минутъ возвратился, и объявилъ, что получилъ важное письмо, которое заставляетъ его спѣшить въ Парижъ. Это безъ сомнѣнїя выдумка. Онъ угадалъ истину по тому, какъ вы обошлись съ нимъ.“ — Обошлась съ нимъ, говорите вы? мнѣ кажется, что я не сдѣлала никакой неучтивости. — „Но видъ вашъ, видъ!“... Жаль, естьли я неумышленно показалась

грубою. Онъ вѣрно жалуется на меня? — „Не говоритъ ни слова. Я не былъ съ нимъ наединѣ, и оставилъ его въ залѣ, гдѣ собрались всѣ гости.“ — И такъ Графъ въ самомъ дѣлѣ послалъ за лошадьми? — „Онѣ вѣрно уже здѣсь; почта въ двухъ шагахъ отсюда.“ — Я увѣрена, что онъ проклинаетъ меня. — „*Проклинаетъ?* какими ложными красками вамъ описали его! Нѣтъ на свѣтѣ человѣка добродушнѣе Графа де Люзи!“ — И такъ . . . онъ не сказалъ вамъ ни слова? — „Ни одного слова; только, прощаясь со мною при другихъ людяхъ, онъ сильно пожалъ мою руку и взглянулъ на меня съ такимъ горестнымъ видомъ, что мнѣ стало грустно. Но дѣло сдѣлано; перестанемъ думать о томъ.“ — — Тутъ Госпожа Нельфоръ быстрыми глазами взглянула на Президента. Она знала его искренность и прямодушіе; однакожь подозрѣвала, что онъ хочетъ хитрымъ образомъ удержать ее вмѣстѣ съ Графомъ; и желая выйти изъ сомнѣнія, сказала: „Естьли бы я это предвидѣла, то поступила бы иначе. Ради Бога скажите, что мнѣ теперь дѣлать?“ — Ничего. Графъ угадалъ вашу ненависть и причину отъѣзда; но въ самомъ дѣлѣ вы не сказали ему никакой грубости, и слѣдственно

онъ не имѣетъ права жаловаться ни на васъ, ни на меня. Теперь всякое ласковое слово будетъ съ вашей стороны признанїемъ, что онъ не ошибся; мысль загладить такимъ образомъ обиду можетъ ему показаться еще обиднѣе. И такъ отпустимъ его, не давая знать, что угадываемъ причину. Вы у насъ остаетесь; а это главное. — — Сей отвѣтъ, истребивъ сомнѣнїя Госпожи Нельфоръ, умножилъ ея тайное раскаянїе. — Надѣюсь, сказала она, что тетушка удержитъ его. — „О! нѣтъ; онъ твердо рѣшился: будьте въ томъ увѣрены.“ . . . Въ самую сїю минуту постильйоны хлопнули бичами и въѣхали на дворъ. . . . Госпожа Нельфоръ съ великимъ безпокойствомъ вскочила. . . „Боже мой! не уже ли это его лошади?“ сказала она, позвонила въ колокольчикъ и сдѣлала такой же вопросъ вошедшему слугѣ, которой отвѣчалъ, что Графъ де Люзи приказалъ уже закладывать свою карету. Мнѣ надобно еще обнять его, сказалъ Президентъ: пойду къ нему. . . „Я сама себя не извиняю, наговоривъ столько непрїятностей. Баронесса вѣрно сердита; эта мысль безпокоитъ меня. Пойдемъ-те къ ней вмѣстѣ; я хочу изъясниться съ нею.“ — Она теперь въ залѣ, съ гостями. — „Мы пройдемъ

къ ней въ комнату и пошлемъ за нею.“ — А естьли она въ своей горницѣ, то можемъ найти тамъ Графа. . . . (Госпожа Нельфоръ того и желала внутренно) . . . „Нужды нѣтъ! отвѣчала она, взявъ Президента за руку: я должна сдѣлать все для Баронессы, которую люблю душевно.“ Госпожа Нельфоръ не шла, а бѣжала по длинному коридору, такъ что бѣдной Президентъ запыхался и усталъ до смерти. Баронесса сидѣла на канапе, вся въ слезахъ, подлѣ Графа, который держалъ ея руку съ выраженіемъ дружеской чувствительности . . . Увидѣвъ Госпожу Нельфоръ, онъ вскочилъ, низко поклонился, и цѣлуя руку Баронессы, томно сказалъ: *простите!* Графъ хотѣлъ уже выйти . . . Тутъ Госпожа Нельфоръ, сердечно тронутая (первый разъ въ жизнь свою), забыла все; бросилась за нимъ къ дверямъ, и схвативъ его за руку, сказала съ живостію: „нѣтъ, нѣтъ! вы не поѣдете!“ . . . Она вдругъ опомнилась, замѣшалась, покраснѣла и стояла неподвижно. Графъ смотрѣлъ на нее съ величайшимъ удивленіемъ. Президентъ и Баронесса также стояли и въ молчаніи глядѣли на нихъ обоихъ. . . Наконецъ Графъ тихимъ голосомъ и съ видомъ глубокаго почтенія спросилъ у Го-

спожи Нельфоръ: „не угодно ли вамъ, милостивая государыня, чего нибудь приказать мнѣ?“ Сей голосъ и видъ снова тронули ея сердце. Я хочу просить васъ, отвѣчала она: но имѣю нужду въ подкрѣпленіи. . . . „Милой Ангелъ!“ воскликнула Баронесса, обнявъ ее съ нѣжностію: говори съ любезною своею искренностію; а вы, Графъ, подите слушать насъ!“ Она взяла ихъ за руки и посадила на канапе съ собою. Президентъ сѣлъ подлѣ своей племянницы и съ жаромъ цѣловалъ ея руку. У всѣхъ были на глазахъ слезы . . . Въ сію минуту слуга вошелъ сказать, что Графская карета готова. Вели же скорѣе отложить лошадей! сказала Баронесса. Согласны ли вы на то? спросила Госпожа Нельфоръ, взглянувъ на Графа съ прелестною улыбкою. Онъ далъ знакъ слугѣ, чтобы онъ вышелъ и ожидалъ его приказанія; потомъ, оборотясь къ Госпожѣ Нельфоръ, отвѣчалъ: „чувствую, милостивая государыня, всю цѣну вашей милости; одно слово награждаетъ меня за все. Но я долженъ ѣхать въ нынѣшній вечеръ, зная, что вы уѣдете завтра, и зная причину, которая“ . . . . Она не поѣдетъ, сказала Баронесса: видя ея расположеніе, развѣ вы не угадываете, что она сама

остается? . . . Госпожа Нельфоръ хотѣла ѣхать, отвѣчалъ Графъ . . . Такъ, государь мой! сказала она съ живостїю: хотѣла, и теперь раскаиваюсь, виноюсь, и (что еще болѣе) сама чувствую вину свою, сама укоряю себя, и надѣюсь, что вы меня простите. — „Исполнить первую волю вашу есть для меня единственный способъ доказать, сколь живо чувствую вашу трогательную милость! Ахъ! вы только жертвуете своимъ предубѣжденїемъ; но конечно не могли въ такое короткое время увѣриться въ его несправедливости!“ . . . Нѣтъ, я безразсудно повѣрила тѣмъ людямъ, которые васъ не знаютъ, и чувствую, что мнѣ должно болѣе вѣрить вашимъ и моимъ друзьямъ. . . . За такой милой отвѣтъ Баронесса еще обняла Госпожу Нельфоръ. Президентъ былъ внѣ себя отъ радости. Графъ изъявлялъ чувствительность, но съ умѣренностїю. Призвали слугу и велѣли отложить лошадей. Черезъ минуту поставили кушанье. Боже мой! сказала Госпожа Нельфоръ: что отвѣчать намъ на вопросы любопытныхъ? . . . То, что Графъ передумалъ, сказала Баронесса: всѣ будутъ искренно рады; а двумъ или тремъ объявимъ тихонько нашу тайну, которую завтра узнаютъ и другїе. Намъ нѣтъ нужды таиться: потому

что обиженный умѣлъ быть кроткимъ, а любезная обидчица умѣла загладить свою несправедливость искренно и пріятно.

Сдѣлавъ условіе, хозяинъ повелъ свою племянницу; а торжествующая Баронесса взяла руку Графа. Онъ не сѣлъ за столъ, и послѣ ужина не сталъ играть Комедіи — „отъ того (сказала Баронесса Госпожѣ Нельфоръ), что у него сердце еще не на мѣстѣ. „Графъ во весь вечеръ былъ молчаливъ, и рано ушелъ въ свою комнату. Госпожа Нельфоръ долго сидѣла одна съ Баронессою, говорила объ немъ, — соглашалась, что онъ любезенъ, и жалѣла о его дурномъ имени въ свѣтѣ. Баронесса оправдала своего друга въ томъ, что казалось всего непростительнѣе Госпожѣ Нельфоръ. Сія послѣдняя, возвратясь въ свою горницу, думала единственно о человѣкѣ, котораго ненавидѣла за нѣсколько часовъ передъ тѣмъ, и раздѣваясь, говорила еще объ немъ съ своею служанкою.

На другой день Госпожа Нельфоръ въ 10 часовъ пошла къ Баронессѣ, у которой всѣ собирались завтракать. Она услышала еще за дверью превеликой шумъ, и вошедши въ комнату, увидѣла Графа и маленькаго Алексиса, которые оба валялись по землѣ и во весь голосъ кричали. Графъ тотчасъ всталъ изъ угаже-

нія къ ней . . . Коварный прелестникъ! онъ уже зналъ ее совершенно, и непримѣтнымъ образомъ льстилъ ей такъ, какъ единственно можно было угодить сей гордой женщинѣ. Она улыбнулась, и нѣсколько разъ начинала съ нимъ говорить. Графъ отвѣчалъ съ пріятностію, но коротко, и самъ оставался въ *почтительномъ отдаленіи*. Госпожа Нельфоръ ласкала Алексиса, взяла его на колѣни, и между прочимъ спросила, хорошо ли онъ учится. „Не льзя лучше, отвѣчалъ Алексисъ: я въ нынѣшнее утро вытвердилъ уже пѣсню, которую другъ мой (такъ онъ называлъ Графа) сочинилъ для васъ, и почти знаю наизусть.“ . . . Алексиса побранили за нескромность; но тайна вышла наружу, и Баронесса сказала, что эта пѣсня въ самомъ дѣлѣ написана и выпвержена наизусть въ три часа. Алексисъ приговорилъ, что онъ будетъ пѣть ее ввечеру. Госпожѣ Нельфоръ чрезмѣрно хотѣлось видѣть стихи и знать, какъ Графъ хвалитъ ее: женщины судятъ по тому о чувствахъ, ими вселяемыхъ, и рѣдко обманываются.

Послѣ обѣда сказали ей, что Алексисъ намѣренъ дать крестной матери своей маленькой праздникъ въ его собственномъ новомъ садикѣ. Въ 9 часовъ

повели ее въ Паркъ: тамъ пріятной лугъ былъ обсаженъ розовыми кустами, освѣщенъ ярко со всѣхъ сторонъ, и на сельскомъ храмикѣ, въ срединѣ его, изображалась огненная надпись: *Пристанище бѣглаго Кулидона.* Вдругъ раздалась нѣжная симфонія . . . Алексисъ явился въ видѣ Амура, съ факеломъ въ рукѣ, но безъ крыльевъ, безъ стрѣлъ и повязки. Смотря на Госпожу Нельфоръ, онъ запѣлъ слѣдующую пѣсню:

Всегда смиренный, молчаливый,
Гонимый злобною судьбой,
Дерзну ль явиться предъ тобой?
Сей видъ покорный, боязливый,
Еще ль ужасенъ для тебя?
Кто можетъ страшенъ быть любя?

Я былъ злословія предметомъ,
И ты, къ нещастью моему,
Легко повѣрила ему.
Какимъ нарушеннымъ обѣтомъ
Амура можешь укорять?
Хотѣла ль ты его узнать?

Невинный сердцемъ и душою,
Я прежде слѣпо обожалъ;
Но съ глазъ теперь завѣсу снялъ:
Плѣнясь твоею красотою,
Уже престалъ слѣпымъ я быть;
Смотрю, чтобъ болѣе любить.

Увы! я былъ крылатымъ прежде,
Но чтобъ за вѣрностью летать,
И въ сердцѣ красоту сыскать.
Теперь я крылья сжегъ, въ надеждѣ,
Что ты мнѣ скажешь: *будь со мной!*
Клянусь молчать, но жить тобой!

Я сталъ навѣки безоруженъ,
Отдавъ *Минервѣ* въ плѣнъ себя.
Чьи стрѣлы не язвятъ тебя,
Тому колчанъ и лукъ не нуженъ.
Теперь меня забудетъ свѣтъ:
Уже я не хочу побѣдъ!

Но пламенникъ, тобою зримый,
Мной будетъ вѣчно сохраненъ;
Къ тебѣ любовью освященъ
Его огонь неугасимый;
Онъ долженъ предъ тобой пылать,
И сердца огнь изображать.

Алексисъ пѣлъ очень мило, и Госпожа Нельфоръ нашла пѣсню остроумною; она сто разъ поцѣловала своего крестника, и глазами искала Графа; но онъ стоялъ въ пятидесяти шагахъ отъ нее, спрятавшись за дерево. Между тѣмъ видѣлъ всѣ движенія своей *Минервы*. Позвали *Автора*: онъ явился, и съ улыбкою скромности благодарилъ за обыкновенныя привѣтствія.

Госпожа Нельфоръ желала имѣть списокъ куплетовъ, спрятала его, и во весь вечеръ была въ разсѣянiи. Графъ также казался задумчивымъ и не подходилъ къ ней. — Въ первомъ часу она ушла въ свою комнату, вынула изъ кармана пѣсню и развернула съ особливымъ движенiемъ. Графъ списалъ ее своею рукою, и даже подписалъ имя. Въ письмѣ и въ имени человѣка, который занимаетъ наше сердце, есть какая-то неизъяснимая прелесть.... Госпожа Нельфоръ не читая смотрѣла на си опасныя черты, особливо на имя *Люзи*... Черезъ нѣсколько минутъ стала читать и думать надъ всякимъ куплетомъ. Она замѣтила, что все сказанное Амуромъ въ свое оправданiе можетъ относиться къ Графу, естьли онъ въ самомъ дѣлѣ влюбленъ въ нее: предположенiе, котораго женщина не боится! Но всего болѣе Госпожѣ Нельфоръ нравилась тонкость похвалы, въ которой ни слова не было сказано о ея наружныхъ прелестяхъ. Вотъ самые лестные куплеты, думала она: рѣдко молодые люди умѣютъ такъ мило хвалить женщинъ. Я сохраню эту пѣсню.

Въ слѣдующiе дни Графъ также не старался быть подлѣ Госпожи Нельфоръ. Между тѣмъ, какъ она играла въ Вистъ съ тремя важными кавалерами, Графъ

въ другомъ углу комнаты игралъ въ Реверси съ Баронессою, или разсказывалъ забавныя исторіи, которыя всѣхъ смѣшили. Госпожа Нельфоръ часто оборачивалась къ нимъ, забывала козырей, приводила товарища своего въ отчаяніе, и кончивъ партію, садилась подлѣ Баронессы, которая сдѣлалась ей милѣе прежняго.

Однажды послѣ обѣда, когда всѣ ушли гулять, Госпожа Нельфоръ, желая дошить жилетъ для своего брата, осталась работать въ залѣ и говорить съ Баронессою. Вошелъ Графъ, и видя, что она развиваетъ шелкъ, выпросилъ у нее дозволеніе держать его. Между тѣмъ Баронессу вызвали. Госпожа Нельфоръ въ первый разъ осталась съ нимъ наединѣ. Графъ, держа въ рукѣ мотокъ, сталъ передъ нею на колѣни, будто для того, чтобы ей легче было мотать. Сядьте, сказала она ему закраснѣвшись. — Нѣтъ, отвѣчалъ онъ: мнѣ такъ лучше. — Госпожа Нельфоръ не смѣла принуждать его, торопилась навивать шелкъ, путала его и молчала. Можно ли спросить, сказалъ наконецъ Графъ, кому готовится этотъ прекрасной жилетъ? (Онъ зналъ, но ему надобно было начать разговоръ.) Госпожа Нельфоръ улыбнулась. Вы теперь въ первой разъ удостоили меня вопроса, отвѣ-

чала она: а прежде не хотѣли даже и говорить со мною. Признайтесь, что вы еще не много сердиты на меня? — Графъ вздохнулъ и посмотрѣлъ на Госпожу Нельфоръ, которая опустила глаза въ землю и въ замѣшательствѣ своемъ перервала шелкъ . . . Я сегодни не умѣю ничего дѣлать, сказала она: но оставимъ эту работу; вы вѣрно устали . . . . „Ахъ нѣтъ! ради Бога продолжайте; мнѣ очень хорошо!“ — Госпожа Нельфоръ дрожащею рукою взяла опять шелкъ; а Графъ тихимъ голосомъ сказалъ: „вы однѣ не знаете, какую смѣлость надобно имѣть для того, чтобы подойти къ вамъ и требовать вашего вниманія!“ . . . Да, я забыла отвѣчать вамъ, перервала Госпожа Нельфоръ: вы желали знать, для кого шью этотъ жилетъ?... Для того, кто мнѣ любезнѣе всѣхъ на свѣтѣ. — „Какая несправедливость!“ — По чему же? — „Можетъ ли какой нибудь даръ умножить щастіе этова блаженнаго человѣка? Тотъ, кто *любитъ васъ всего болѣе*, тотъ достоинъ сожалѣнія. Онъ не можетъ питать себя надеждою, и великодушіе требовало бы утѣшить его. Правда, что вы его не знаете, и что онъ никогда не откроется.“ — Вы дѣлаете странное предположеніе; могу увѣрить васъ, что никто

въ свѣтѣ не имѣетъ ко мнѣ того чувства, о которомъ говорите. Это было бы дурачество! „О! я не сомнѣваюсь, и сказалъ вамъ то же Но вы можете думать, что въ числѣ тѣхъ людей, которые васъ знаютъ, есть хотя одинъ, одинъ, любящій васъ страстно.“ — Не льзя любить безъ надежды. — „Ахъ! по чему вамъ знать? Будьте увѣрены, что это нещастье — возможно!“ Онъ произнесъ сіи слова такъ нѣжно и трогательно, что клубокъ выпалъ изъ рукъ Госпожи Нельфоръ и покатился въ другой уголъ комнаты. Графъ долженъ былъ встать, чтобы поднять его: въ эту минуту вошла Баронесса. Онъ предложилъ итти гулять въ поле: согласились съ видомъ великаго удовольствія, и забыли жилетъ, который такъ *слѣшили* дошить! Не далеко отъ Вод ёльскаго замка возвышается гора *двухъ любовниковъ*, славная романическимъ преданіемъ и живописными видами съ ея вершины. Графъ уговорилъ Баронессу и Госпожу Нельфоръ взойти туда. Имъ должно было лѣзть съ великимъ трудомъ на крутизны, и маленькая собачка Госпожи Нельфоръ вдругъ упала въ глубокую разсѣлину. Госпожа Нельфоръ закричала безъ памяти, а Графъ бросился на край пропасти и съ радостію увидѣлъ Розину,

пропасти и съ радостїю увидѣлъ Розету, стоящую на камнѣ. Она жива! воскликнулъ Графъ — не хромаетъ, а только не можетъ выйти; я пойду за нею!... Сказавъ, онъ сѣлъ на край разсѣлины и покатился внизъ. Госпожа Нельфоръ, внѣ себя отъ ужаса, кричала ему, чтобы онъ остановился; но Графъ былъ уже на землѣ, и хотя не убился, однакожь не могъ скоро подняться. Госпожа Нельфоръ, блѣдная и дрожащая, вмѣстѣ съ Баронессою подошла къ пропасти, и заливаясь слезами, кликала его. Наконецъ Графъ всталъ, и кричалъ оттуда, что онъ ни мало не ушибся. Госпожа Нельфоръ оперлась на плечо Баронессы; глаза ея закрылись; ей сдѣлалась дурнота. Баронесса посадила ее подъ деревомъ. Черезъ минуту она опомнилась, спѣшила опять къ пропасти и съ трогательнымъ чувствомъ увидѣла Графа, ласкающаго Розету. Онъ закричалъ имъ, что ему невозможно выйти безъ веревки. Баронесса и Госпожа Нельфоръ пошли къ монастырю, построенному на сей горѣ, и крикомъ своимъ вызвали оттуда монаховъ, которые сыскали веревку и вытащили Графа съ Розетою. Онѣ обѣ съ нѣжностїю подали ему руку. „Ахъ! обнимемъ нашего рыцаря!“ сказала Баронесса. *Съ радостїю!* отвѣчала Госпожа Нель-

форъ, и бросилась въ его объятія. Она сдѣлала это безъ всякаго замѣшательства и даже безъ всякаго особеннаго чувства, думая единственно о той опасности, которой онъ для нее подвергался. Любовь сохранила воспоминаніе сего нѣжнаго поцѣлуя, но одна благодарность дала его. „Боже мой! на васъ кровь!“ воскликнула Госпожа Нельфоръ. Графъ отвѣчалъ, что онъ только оцарапилъ себѣ руку и лицо шиповникомъ. Будучи въ нѣсколькихъ шагахъ отъ монастыря, рѣшились тамъ отдохнуть. Графъ, желая предохранить Розету отъ новой бѣды, несъ ее на рукахъ, ласкалъ и, казалось, изъявлялъ ей благодарность. Въ самомъ дѣлѣ онъ былъ многимъ обязанъ собачкѣ. Сѣли на террассѣ, окружающей церковь. Добродушные монахи принесли сливокъ и земляники. Одинъ изъ нихъ разсказалъ, что монастырскій служка, упавъ въ ту пропасть, изъ которой вытащили Графа, изломилъ себѣ ногу. Госпожа Нельфоръ взглянула со слезами на Графа, который поцѣловалъ Розету: это служило яснымъ отвѣтомъ. Говорили о *двухъ любовникахъ* монастырской горы (*),

(*) Этотъ старинной анекдотъ, можетъ быть, извѣстенъ читателямъ. Одинъ жестокой Баронъ согласился отдать дочь свою за ея любовника единственно съ тѣмъ условіемъ, чтобы

чтобы говорить о любви; судили, растрогались, замѣшались — а Графъ нѣсколько разъ съ восторгомъ цѣловалъ Розету. — Возвратились домой въ великой усталости. Госпожа Нельфоръ съ чувствительностїю разсказала свою исторїю, между тѣмъ, какъ Графъ переодѣвался въ своей комнатѣ. Онъ возвратился еще веселѣе, еще любезнѣе обыкновеннаго; игралъ Комедїю, пѣлъ, и такъ плѣнилъ все общество, что всякой хвалилъ его съ жаромъ. Госпожа Нельфоръ слушала сїи похвалы съ такимъ удовольствїемъ, что женщины угадали ея тайну и сдѣлали заговоръ всячески помогать Графу, хотя онъ и никому не открывался въ своихъ намѣренїяхъ. Никто не думалъ (кромѣ Баронессы), чтобы гордая и холодная Госпожа Нельфоръ могла выйти за-мужъ за двадцатишестилѣтняго человѣка, вѣтренаго мота; но всѣмъ казалось забавно, что она, проживъ столько лѣтъ безпорочно, наконецъ входитъ въ связь съ такимъ человѣкомъ! Давно уже добрая слава Госпожи Нельфоръ безпокоила многихъ женщинъ. Что принадлежитъ до нее, то она никакъ не угадывала сего заговора и находила одною

онъ не отдыхая взнесъ ее на гору. Любовникъ исполнилъ условїе, но упалъ мертвый на вершинѣ горы.

справедливостїю все то, что ей говорили о Графѣ. Однакожь собственныя ея чувства начинали безпокоить ее. „Онъ любилъ меня, думала Госпожа Нельфоръ: не льзя въ этомъ сомнѣваться. Кто для спасенїя моей Розеты жертвовалъ жизнїю, тотъ тысячу разъ умеръ бы для меня. Бѣдной молодой человѣкъ! какъ онъ жалокъ! Нужно ли мнѣ вооружаться противъ него жестокостїю, когда онъ не имѣетъ никакой надежды, почитая меня и даже боясь моей добродѣтели? Ахъ! естьли бы ему было лѣтъ десять поболѣе! Но двадцать шесть лѣтъ, и такое дурное имя въ свѣтѣ!... Правда, что его винятъ несправедливо... Какъ люди жестоки!“ — Сей молодой человѣкъ, столь боязливый и скромный, сѣлъ наконецъ за столомъ подлѣ Госпожи Нельфоръ, и за ужиномъ нашелъ способъ всячески увѣрять ее въ страстной любви своей.

На другой день одинъ изъ гостей предложилъ ѣхать въ Дьепъ, чтобы видѣть море. Госпожа Нельфоръ согласилась на то, чтобы *сдѣлать удовольствїе Баронессѣ*. Графъ также не хотѣлъ отговариваться. Ничто такъ не утверждаетъ короткости между людми, какъ маленькое путешествїе въ хорошее время года. Всѣ вмѣстѣ — всѣ какъ-то расположены

къ искренности; обѣды въ трактирахъ веселы, безъ чиновъ; всякое принужденіе забыто — а любовь умѣетъ пользоваться такимъ щастливымъ расположеніемъ!.. И наконецъ, послѣ всего, быть на берегу моря, удивляться сему великолѣпному зрѣлищу подлѣ милаго человѣка, сѣсть вмѣстѣ на корабль, вмѣстѣ плыть, выйти съ нимъ на берегъ, гулять, разговаривать, задумываться.... какая опасность для женщины, естьли она свободна, молода, чувствительна и слишкомъ надежна на себя! естьли твердитъ себѣ безпрестанно: „я ничего не боюсь, и конечно увѣрена въ себѣ; но онъ... какъ жалокъ! что съ нимъ будетъ!"

Графъ, бывъ во все время путешествія очень веселъ, вдругъ сдѣлался грустенъ и задумчивъ, приближаясь къ Водрёлю. Баронесса, сидя съ нимъ и съ Госпожею Нельфоръ въ одной комнатѣ трактира, стала говорить о его меланхоліи. Я жалѣю о Дьепѣ, отвѣчалъ онъ, смотря на Госпожу Нельфоръ: вы были такъ милы! а въ Водрёлѣ, среди множества людей, опять возьмете на себя видъ строгой важности! — *Строгой важности!* повторила Баронесса засмѣявшись: это на меня похоже! — Я исчезну въ толпѣ, продолжалъ Графъ: буду видѣть только

васъ, а вы на меня и не взглянете! Даже и теперь глаза ваши убѣгаютъ моихъ!... „Вотъ прекрасно! сказала Баронесса: я смотрю на тебя, а ты самъ отворачиваешь голову! Нѣтъ, не бойся, жалкой другъ мой: я обѣщаюсь всякой вечеръ играть съ тобою въ Реверси!" — Въ продолженіе сего разговора Госпожа Нельфоръ смотрѣла въ землю. Она не удивилась, что Графъ при Баронессѣ говорилъ такъ ясно, ибо знала его дружбу съ нею; но сердце ея было въ волненіи; она едва переводила духъ, слушая съ великимъ вниманіемъ, и не говоря ни слова. Графъ вздохнулъ и сказалъ Баронессѣ: „Какъ можете вы шутить надо мною, зная, что черезъ пять дней".... Онъ не договорилъ, закрылъ глаза рукою, всталъ и вышелъ. Что это значитъ? спросила Госпожа Нельфоръ. Графъ открылся мнѣ, отвѣчала Баронесса, что онъ хочетъ ѣхать изъ Франціи. — „Ѣхать?" — Да, года на два, въ Англію и въ Италію. — „На два года?" — Это намѣреніе огорчаетъ меня; я люблю его какъ сына; но самое участіе, которое беру въ судьбѣ его, заставляетъ меня желать, чтобы онъ уѣхалъ. — „Для чего же?" — *Для чего!* ты сама знаешь. Будемъ искренны: Графъ любитъ тебя пламенно: что жь дѣлать

ему въ такой безразсудной страсти? — „Когда онъ ѣдетъ?“ — На другой день имянинъ твоихъ. — „Черезъ пять дней!.. бѣдной молодой человѣкъ!“ — Въ самомъ ли дѣлѣ ты объ немъ жалѣешь? — „Можете ли сомнѣваться? очень, очень жалѣю.“ — И такъ не хвалю тебя. Когда жалѣешь о любезномъ человѣкѣ, и когда сердце не занято . . . . „Что же?“ — Тогда надобно утѣшить его. — „Какъ же поступили бы вы на моемъ мѣстѣ?“ — Я вышла бы за него за-мужъ. — „Боже мой! какой поспѣшной совѣтъ! Вытти за-мужъ!“ — Чтожь мѣшаетъ? — „А его лѣта?“ — Самыя лучшія для мужа. — „А мои?“ — По лицу тебѣ двадцать лѣтъ. — „А его имя въ свѣтѣ, вѣтреность, непостоянство?“ — Ты не вѣришь тому. — „Что же скажутъ люди?“ — Развѣ ты теряешь ихъ почтеніе? Развѣ второе замужство есть преступленіе? — „Но въ этомъ случаѣ не есть ли оно безразсудность?“ — По крайней мѣрѣ любезная. — — Тутъ разговоръ перервался. Госпожа Нельфоръ вздохнула, и во весь тотъ вечеръ была задумчива.

Пріѣхавъ въ Водрёль, Графъ началъ обходиться съ Госпожею Нельфоръ по прежнему, то есть, скромно, и былъ всегда

грустенъ и молчаливъ. Однакожъ грусть не мѣшала ему заниматься праздникомъ, который готовился для имянинъ ея. Госпожа Нельфоръ ожидала ихъ съ горестію: Баронесса нѣсколько разъ повторила ей, что Графъ хочетъ непремѣнно уѣхать на другой день. Праздникъ начался только въ семь часовъ вечера. Президентъ вошелъ въ залу и сказалъ Госпожѣ Нельфоръ, что морскіе разбойники, которые видѣли ее на Океанѣ, ходятъ вокругъ замка и намѣрены быть ея похитителями; что онъ совѣтуетъ ей взять мѣры и скрыться въ *храмъ Весты* (самое лучшее зданіе въ саду его). Госпожа Нельфоръ встала и пошла съ нимъ въ храмъ, гдѣ она увидѣла всѣхъ дамъ Водрёльскаго общества, одѣтыхъ Весталками. Между ими явился Амуръ, и запѣлъ ей слѣдующій куплетъ:

Тебѣ ль укрыться отъ любви
Съ такой прелестною душою?
Въ какой пустынѣ ни живи,
Амуръ всегда, вездѣ съ тобою!

Въ сію минуту заиграла Турецкая музыка. Весталки испугались — и скоро ужасъ сдѣлался всеобщимъ, когда *варвары* окружили храмъ, ворвались въ его внутренность, и схвативъ бѣдныхъ Весста-

локъ, унесли ихъ. Начальникъ Музульмановъ, прекрасной молодой человѣкъ, въ богатой одеждѣ, бросился прямо къ Госпожѣ Нельфоръ, сталъ на колѣни, со всѣми возможными знаками уваженія взялъ ее на руки и донесъ черезъ длинную алею, не взирая на ея сопротивленіе. Въ концѣ сей алеи она увидѣла всѣхъ Весталокъ сидящихъ на прекрасныхъ носилкахъ: ее сажаютъ тихонько на кресла, и несутъ, при звукахъ музыки, на другой конецъ парка, ярко освѣщеннаго. Госпожа Нельфоръ съ улыбкою смотрѣла на своего похитителя, который шелъ подлѣ нее. „Скажите, вы ли изобрѣтатель этова праздника?“ спросила она. — Безъ сомнѣнія, отвѣчалъ онъ: вамъ не трудно угадать, что и роли мною же распредѣлены. Не отнимайте у меня этой любезной мечты: завтра поутру она исчезнетъ; останется только воспоминаніе минутнаго сновидѣнія. — „Правда ли, что вы завтра ѣдете?“ — Совѣтуете ли мнѣ остаться? — „Не знаю, для чего.“ — Не требую отъ васъ надежды; а только скажите, что я умѣю быть безкорыстнымъ и покорнымъ. — „Я не вижу покорности въ этомъ отъѣздѣ; напротивъ... мнѣ васъ жаль.“ — Имѣйте смѣлость остановить меня! —

„И такъ это можетъ быть дерзостїю? Вы меня пугаете.“ — Что бы вы сказали мнѣ, естьли бы не захотѣли моего отъѣзда? — „Одно слово: *останьтесь!*“ — Довольно; это слово отъ васъ и въ моемъ положенїи обѣщало бы все. — „Я хотѣла сказать его, не предвидя такихъ слѣдствїй.“ — А теперь уже не скажете? — „По крайней мѣрѣ надобно подумать.“ — Всѣ ваши первыя движенїя несогласны съ моимъ желанїемъ; отъ размышленїя также не ожидаю для себя ничего радостнаго. И такъ завтра, на разсвѣтѣ, буду на пути въ Англїю. Я нанялъ тотъ корабль, на которомъ мы вмѣстѣ плавали; хочу еще быть на немъ. — — Тутъ разговоръ ихъ пресѣкся. Всѣ носилки остановились на берегу большаго канала, окруженнаго акацїями и покрытаго лодками, на которыхъ пылали разноцвѣтные огни и сидѣли съ веслами Турки. Графъ, начальникъ сей флотилїи, выступилъ впередъ и обратясь ко всѣмъ плѣнницамъ, прїятнымъ голосомъ пѣлъ слѣдующее:

Простите дерзости нещастныхъ!
Любовь оправдываетъ насъ.
Для милыхъ нѣтъ враговъ опасныхъ:
Мы были дерзкими на часъ!

Ахъ! смѣло пользуйтесь правами,
Которыхъ васъ не льзя лишить!
Вамъ сродно властвовать надъ нами,
Мы созданы рабами быть.

Когда изгнать вы насъ хотите,
Мы должны плыть куда нибудь;
Но, милыя, вообразите,
Сколь безъ надежды грустенъ путь!

Всѣ дамы, кромѣ Госпожи Нельфоръ, закричали, что онѣ сами хотятъ плыть, и съ любезною веселостїю бросились въ лодки. Графъ подошелъ къ Госпожѣ Нельфоръ и сказалъ ей: вы однѣ молчите; знаю причину: мнѣ должно ѣхать безъ надежды!... „Нѣтъ! *останьтесь!*" съ живостїю отвѣчала Госпожа Нельфоръ. — Боже мой! какое слово произнесли вы! Ахъ! естьли все это обманъ и мечта, то могу ли жить на свѣтѣ? — *Останьтесь*, повторила она тихо, но ясно.... Графъ, внѣ себя отъ радости, схватилъ руку ея, и воскликнулъ: *ты моя навѣки!* . . . Онъ ввелъ ее въ лодку, и наконецъ предался восторгу сердца своего. Дали слово, произнесли клятву, назначили день. Госпожа Нельфоръ сказала: какъ Баронесса и Президентъ удивятся! а ввечеру, когда она объявила имъ свою

тайну, они съ улыбкою отвѣчали: *мы это предвидѣли*!

Черезъ нѣсколько дней была свадьба. Госпожу Нельфоръ осуждали, бранили, осмѣивали въ пѣсняхъ, а черезъ нѣсколько времени оправдали. Она имѣла славу исправить мужа своего и привязать его къ себѣ навѣки. Ея безразсудность забыли — ибо щастливая супруга всегда уважаема въ свѣтѣ.

II.

Отъ чего въ Россіи мало Авторскихъ талантовъ?

Естьли мы предложимъ сей вопросъ иностранцу, особливо Французу, то онъ не задумавшись будетъ отвѣчать: „отъ холоднаго климата.“ Со временъ Монтескьё и Гельвецїя всѣ феномены умственнаго, политическаго и моральнаго мїра изъясняются климатомъ. Ah, mon cher Monsieur, n'avez-vous pas le nez gelé (*)? сказалъ Дидеротъ въ Петербургѣ одному земляку своему, который жаловался, что въ Россїи

(*) „Любезной прїятель! кажется вы ознобили носъ!“ Дидеротъ хотѣлъ сказать, что въ холодной землѣ и чувство холодно.

не чувствуютъ великаго ума его, и который въ самомъ дѣлѣ за нѣсколько дней передъ тѣмъ ознобилъ себѣ носъ.

Но Москва не Камчатка, не Лапландія; здѣсь солнце такъ же лучезарно, какъ и въ другихъ земляхъ; также есть весна и лѣто, цвѣты и зелень. Правда, что у насъ холодъ продолжительнѣе; но можетъ ли дѣйствіе его на человѣка, столь умѣренное въ Россіи придуманными способами защиты, вредить дарованіямъ? И вопросъ кажется смѣшнымъ! Скорѣе жаръ, разслабляя нервы (сей непосредственный органъ души) уменьшитъ ту силу мыслей и воображенія, которая составляетъ талантъ. Давно извѣстно Медикамъ-наблюдателямъ, что жители сѣвера долговѣчнѣе жителей юга: климатъ, благопріятный для физическаго сложенія, безъ сомнѣнія не гибеленъ и для дѣйствій души, которая въ здѣшнемъ мірѣ столь тѣсно соединена съ тѣломъ. — Естьли бы жаркой климатъ производилъ таланты ума, то въ Архипелагѣ всегда бы курился чистый ѳиміамъ Музамъ, а въ Италіи пѣли Виргиліи и Тассы; но въ Архипелагѣ курятъ . . . табакъ, а въ Италіи поютъ . . . Кастраты.

У насъ конечно менѣе Авторскихъ талантовъ, нежели у другихъ Европей-

скихъ народовъ; но мы имѣли, имѣемъ ихъ, и слѣдственно Природа не осудила насъ удивляться имъ только въ чужихъ земляхъ. Не въ климатѣ, но въ обстоятельствахъ гражданской жизни Россіянъ надобно искать отвѣта на вопросъ: „для чего у насъ рѣдки хорошіе Писатели?“

Хотя талантъ есть вдохновеніе Природы, однакожь ему должно развиться ученьемъ и созрѣть въ постоянныхъ упражненіяхъ. Автору надобно имѣть не только собственно такъ называемое дарованіе — то есть, какую-то особенную дѣятельность душевныхъ способностей — но и многія историческія свѣдѣнія, умъ образованный Логикою, тонкой вкусъ и знаніе свѣта. Сколько времени потребно единственно на то, чтобы совершенно овладѣть духомъ языка своего? Вольтеръ сказалъ справедливо, что въ шесть лѣтъ можно выучиться всѣмъ главнымъ языкамъ, но что во всю жизнь надобно учиться своему природному. Намъ Рускимъ еще болѣе труда, нежели другимъ. Французъ, прочитавъ Монтаня, Паскаля, 5 или 6 Авторовъ вѣка Лудовика XIV, Вольтера, Руссо, Томаса, Мармонтеля (*), можетъ совершенно узнать

(*) Какъ сочинителя единственныхъ сказокъ.

языкъ свой во всѣхъ формахъ; но мы, прочитавъ множество церковныхъ и свѣтскихъ книгъ, соберемъ только матеріальное или словесное богатство языка, которое ожидаетъ души и красокъ отъ художника. Истинныхъ Писателей было у насъ еще такъ мало, что они не успѣли дать намъ образцовъ во многихъ родахъ; не успѣли обогатить словъ тонкими идеями; не показали, какъ надобно выражать пріятно нѣкоторыя, даже обыкновенныя мысли. Руской *Кандидатъ Авторства*, недовольный книгами, долженъ закрыть ихъ и слушать вокругъ себя разговоры, чтобы совершеннѣе узнать языкъ. Тутъ новая бѣда: въ лучшихъ домахъ говорятъ у насъ болѣе по-Французски! Милыя Дамы, которыхъ надлежало бы только подслушать, чтобы украсить романъ или комедію любезными, щастливыми выраженіями, плѣняютъ насъ не-Рускими фразами. Чтожь остается дѣлать Автору? выдумывать, сочинять выраженія; угадывать лучшій выборъ словъ; давать старымъ нѣкоторый новый смыслъ, предлагать ихъ въ новой связи, но столь искусно, чтобы обмануть читателей и скрыть отъ нихъ необыкновенность выраженія! Мудрено ли, что сочинители нѣкоторыхъ Рускихъ комедій и романовъ

не побѣдили сей великой трудности, и что свѣтскія Дамы не имѣютъ терпѣнія слушать или читать ихъ, находя, что такъ не говорятъ люди со вкусомъ? Естьли спросите у нихъ: какъ же говорить должно? то всякая изъ нихъ отвѣчаетъ: „не знаю; но это грубо, несносно!“ — Однимъ словомъ, Французскій языкъ весь въ книгахъ (со всѣми красками и тѣнями, какъ въ живописныхъ картинахъ), а Руской только отчасти; Французы пишутъ какъ говорятъ, а Рускіе обо многихъ предметахъ должны еще говорить такъ, какъ напишетъ человѣкъ съ талантомъ.

Бюффонъ страннымъ образомъ изъясняетъ свойство великаго таланта или Генія, говоря, что онъ есть *терпѣніе въ превосходной степени.* Но естьли хорошенько подумаемъ, то едва ли не согласимся съ нимъ; по крайней мѣрѣ безъ рѣдкаго терпѣнія Геній не можетъ возсіять во всей своей лучезарности. *Работа есть условіе искусства*; охота и возможность преодолѣвать трудности есть характеръ таланта. Бюффонъ и Ж. Ж. Руссо плѣняютъ насъ сильнымъ и живописнымъ слогомъ: мы знаемъ отъ нихъ самихъ, чего имъ стоила пальма краснорѣчія!

Теперь спрашиваю: кому у насъ сражаться съ великою трудностїю быть хорошимъ Авторомъ, естьли и самое щастливѣйшее дарованїе имѣетъ на себѣ жесткую кору, стираемую единственно постоянною работою? Кому у насъ десять, двадцать лѣтъ рыться въ книгахъ, быть наблюдателемъ, всегдашнимъ ученикомъ, писать и бросать въ огонь написанное, чтобы изъ пепла родилось что нибудь лучшее? Въ Россїи болѣе другихъ учатся дворяне; но долго ли? до пятнадцати лѣтъ: тутъ время итти въ службу, время искать чиновъ, сего вѣрнѣйшаго способа быть предметомъ уваженїя. Мы начинаемъ только любить чтенїе; имя хорошаго Автора еще не имѣетъ у насъ такой цѣны, какъ въ другихъ земляхъ; и рдобно при случаѣ объявить другое право на улыбку вѣжливости и ласки. Къ тому же исканїе чиновъ не мѣшаетъ баламъ, ужинамъ, праздникамъ; а жизнь Авторская любитъ частое уединенїе. — Молодые люди средняго состоянїя, которые учатся, также *слѣшатъ* выйти изъ школы или Университета, чтобы въ гражданской или военной службѣ получить награду за ихъ успѣхи въ наукахъ; а тѣ немногїе, которые остаются въ ученомъ состоянїи,

рѣдко имѣютъ случай узнать свѣтъ — безъ чего трудно Писателю образовать вкусъ свой, какъ бы онъ ученъ ни былъ. Всѣ Французскіе Писатели, служащіе образцемъ тонкости и пріятности въ слогѣ, *переправляли*, такъ сказать, школьную свою Реторику въ свѣтѣ, наблюдая, что ему нравится, и по чему? Правда, что онъ, будучи школою для Авторовъ, можетъ быть и гробомъ дарованія: даетъ вкусъ, но отнимаетъ трудолюбіе, необходимое для великихъ и надежныхъ успѣховъ. Щастливъ, кто, слушая Сиренъ, перенимаетъ ихъ волшебныя мелодіи, но можетъ удалиться, когда захочетъ! Иначе мы останемся при однихъ куплетахъ и мадригалахъ. Надобно заглядывать въ общество — непремѣнно, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыя лѣта — но жить въ кабинетѣ.

Со временемъ будетъ конечно болѣе хорошихъ Авторовъ въ Россіи — тогда, какъ увидимъ между свѣтскими людми болѣе ученыхъ, или между учеными болѣе свѣтскихъ людей. Теперь талантъ образуется у насъ случайно. Натура и характеръ противятся иногда силѣ обстоятельствъ и ставятъ человѣка на путь, котораго бы не надлежало ему избирать по расчетамъ обыкновенной поль-

зы, или отъ котораго судьба удаляла его: такъ Ломоносовъ родился крестьяниномъ и сдѣлался славнымъ Поэтомъ. Склонность къ Литтературѣ, къ наукамъ, къ искусствамъ, есть безъ сомнѣнія природная, ибо всегда рано открывается, прежде нежели умъ можетъ соединять съ нею виды корысти. Сей младенецъ, который на всѣхъ стѣнахъ чертитъ углемъ головы, еще не думаетъ о томъ, что живописное искусство доставляетъ человѣку выгоды въ жизни. Другой, услышавъ въ первый разъ стихи, бросаетъ игрушку, и хочетъ говорить риѳмами. Какой хорошій Авторъ въ дѣтствѣ своемъ не сочинялъ уже сатиръ, пѣсенъ, романовъ? Но обстоятельства не всегда уступаютъ природѣ; естьли они не благопріятствуютъ ей, то ея дарованія по большой части гаснутъ. Чему быть трудно, то бываетъ рѣдко — однакожь бываетъ — и чувствительное сердце, живость мыслей, дѣятельность воображенія, вопреки другимъ явнѣйшимъ или ближайшимъ выгодамъ, привязываютъ иногда человѣка къ тихому кабинету, и заставляютъ его находить неизъяснимую прелесть въ трудахъ ума, въ развитіи понятій, въ живописи чувствъ, въ украшеніи языка. Онъ

думаетъ — желая дать цѣну своимъ упражненіямъ для самого себя — думаетъ, говорю, что трудъ его не безполезенъ для отечества; что Авторы помогаютъ согражданамъ *лучше мыслить и говорить*; что всѣ великіе народы любили и любятъ таланты; что Греки, Римляне, Французы, Англичане, Нѣмцы, не славились бы умомъ своимъ, естьли бы они не славились талантами; что достоинство народа оскорбляется безсмысліемъ и косноязычіемъ дурныхъ Писателей; что варварскій вкусъ ихъ есть сатира на вкусъ народа; что образцы благороднаго Рускаго краснорѣчія едва ли не полезнѣе самыхъ классовъ Латинской Элоквенціи, гдѣ толкуютъ Цицерона и Виргилія; что оно, избирая для себя патріотическіе и моральные предметы, можетъ благотворить нравамъ и питать любовь къ отечеству. — Другіе могутъ думать иначе о Литтературѣ: мы не хотимъ теперь спорить съ ними.

Ф. Ц.

III.

Гробъ Нарциссы.

(Изъ Парижскаго Журнала.)

Мы обязаны слѣдующимъ анекдотомъ Гражданину Баналю, Надзирателю ботаническихъ Монпельерскихъ садовъ. Кто не читалъ Йонга? Кто вмѣстѣ съ нимъ не плакалъ о милой Нарциссѣ? — —

Я гулялъ въ ботаническомъ саду и пришелъ къ террассѣ, осѣненной кипарисами. Тутъ добродушной садовникъ разсказалъ мнѣ трогательный анекдотъ, который дѣлаетъ сіе мѣсто любезнымъ и священнымъ для нѣжнаго сердца. „Отецъ мой, сказалъ онъ, нанималъ здѣшній садъ и разводилъ въ немъ рѣдкія травы. Этотъ гротъ былъ заваленъ: я вздумалъ очистить его, чтобы въ жаркіе дни наслаждаться тутъ прохладою. У насъ былъ въ услугахъ доброй старикъ, именемъ Мерсье: услышавъ о моемъ намѣреніи, онъ вмѣстѣ со мною принялся за работу. Видя на лицѣ его нѣкоторые знаки чувствительности, я хотѣлъ знать причину. Здѣсь покоится милый прахъ, отвѣчалъ онъ со слезами. Любопытство мое принудило его разсказать мнѣ всѣ обстоятельства горестнаго происшествія.

„Уже лѣтъ двадцать-пять тому, „сказалъ Мерсье, какъ одинъ Англичанинъ „привезъ въ Монпелье больную дочь свою, „чтобы требовать совѣта здѣшнихъ Ме„диковъ. Но ни цѣлебный воздухъ, ни ис„кусство Докторовъ не помогли ей: она „томилась, увядала, и черезъ нѣсколько „мѣсяцевъ умерла. Ее не дозволяли хоро„нить, для того, что она была не Ка„толическаго закона. Неутѣшный отецъ „съ трудомъ могъ выпросить для ея мо„гилы сажень земли въ этомъ саду: над„лежало еще скрываться отъ жестокихъ „людей, чтобы они не видали погребенія. „Мы впустили его сюда ночью. Онъ самъ „выбралъ этотъ гротъ, и я началъ рыть „могилу. Какими словами могу описать „вамъ горесть нещастнаго отца, которой „держалъ на колѣняхъ мертвое тѣло лю„безной дочери, при блѣдномъ свѣтѣ фо„наря разсматривалъ ея желтое лицо, „напрасно хотѣлъ удерживать свое рыда„ніе, обнималъ неодушевленный трупъ, и „съ ужасомъ взглядывалъ на могилу, го„товую навѣки сокрыть драгоцѣнные „остатки милой!.. Онъ стенаналъ и жалоб„нымъ голосомъ требовалъ моего утѣше„нія.... Мѣсяцъ былъ на ущербѣ, и рѣдко „показывался изъ облаковъ. Вся натура, „въ минуты безмолвія и мрака, казалась

„мертвою. Наконецъ я взялъ холодное тѣ-„ло... Нещастный отецъ въ горестномъ „изступленіи своемъ не могъ видѣть, „какъ я засыпалъ могилу!.. Вотъ она!“....

Чувствительной Мерсье указалъ мѣсто, залился слезами и не могъ говорить.

Черезъ нѣсколько времени послѣ того Г. Баленвилье, начальникъ Лангедокскій, пришелъ въ этотъ садъ собирать травы. Я разсказалъ ему любопытный свой анекдотъ. Онъ былъ тронутъ, задумался, ушелъ, черезъ десять минутъ возвратился съ прекраснымъ изданіемъ Йонговыхъ *Ночей* и показалъ мнѣ изображенный на фронтисписѣ гротъ, совершенно сходный съ здѣшнимъ. „Это безъ сомнѣнія могила Нарциссы,“ сказалъ Г. Баленвилье: „она священна для всякаго добраго сердца, которое было растрогано горестнымъ краснорѣчіемъ отца!“

Скоро слухъ о томъ разнесся по всему городу. Милордъ и Милади Камельфортъ захотѣли изъявить свою чувствительность къ судьбѣ нѣжной Нарциссы. Они получили дозволеніе вырыть тѣло: нашелся одинъ скелетъ, который, по мнѣнію Господина Вигаро, искуснаго Медика, могъ быть только оставомъ шестнадцатилѣтней дѣвицы. Это совершенно увѣрило всѣхъ въ истинѣ догадки нашей. Лордъ

Камельфортъ и чувствительная супруга его положили кости въ гробъ и зарыли ихъ въ прежнемъ мѣстѣ.“

Тронутый слышанною повѣстію, и сожалѣя, что могила безъ надписи, я въ ту же минуту написалъ слѣдующую эпитафію:

Нарцисса не могла Филандра пережить!
О вы, которые умѣете любить!
Осыпьте нѣжными цвѣтами гробъ прекрасной,
Гдѣ столько пролилъ слезъ отецъ ея несчастной!

IV.

Благоразумный человѣкъ.

(Изъ Univ. Chronicle.)

Благоразуміе нужнѣе всѣхъ другихъ свойствъ разума, и дѣйствія его необходимы въ ежедневныхъ случаяхъ жизни; а Природа даетъ человѣку безъ великаго труда все необходимое. Благоразуміе не требуетъ отмѣнной прозорливости, великаго глубокомыслія, и само собою раждается въ душѣ тихой, спокойной, незнакомой съ пламенными чувствами, съ восторгами страстей и героическими намѣреніями.

Благоразуміе дѣйствуетъ на жизнь такъ, какъ правила на твореніе Искусства; оно дѣлаетъ человѣка осторожнымъ, но не можетъ возвысить духа; предупреждаетъ вредъ, но не даетъ существенныхъ выгодъ; избѣгаетъ ошибокъ, но не ведетъ человѣка ко славѣ, истребляя смѣлость, которая иногда бываетъ гибельна, но безъ которой не льзя заслужить удивленія и хвалы громкой. Правило сказываетъ, что дурно, но не можетъ сообщить красоты: такъ и благоразуміе дѣлаетъ жизнь только безопасною, а не щастливою. Геній, трудясь для безсмертія, разрываетъ узы правилъ; а Герой славится, забывая осторожность благоразумія.

Мы не знаемъ никого благоразумнѣе сосѣда нашего, Оронта, который прожилъ вѣкъ свой смирно и тихо, единственно отъ того, что слѣдовалъ двумъ не-мудренымъ правиламъ, и всегда дивился, какъ могутъ люди ссориться, браниться, шумѣть и плакать въ свѣтѣ!

Оронтъ твердитъ болѣе всего: *выбирай, что вѣрно!* и хотя любитъ деньги, но думаетъ, что бережливость выгоднѣе всякой промышленности. Напрасно говорятъ ему о способахъ много выиграть и разбогатѣть: онъ не мыслитъ о буду-

щемъ, а занимается только настоящимъ, говоря: „синица въ рукахъ лучше журавля въ небѣ!“ Имѣетъ небольшое поле, обработываетъ его по старому и не хочетъ слышать о новыхъ методахъ земледѣлія, разсуждая, что дѣды наши были не глупѣе насъ, и знали, какъ пахать землю; что для всякаго новаго заведенія надобно издержать деньги, а польза еще впереди; что истинный мудрецъ держится вѣрнаго, и не дастъ ни копѣйки за неизвѣстное.

Другое Оронтово правило есть: *думай только о своихъ дѣлахъ.* Въ Полиникѣ онъ не беретъ ни чьей стороны, и говоритъ объ Англійскомъ Парламентѣ такъ холодно, какъ о соньцѣ Китайскаго Императора. Когда сказываютъ ему о страшномъ злоупотребленіи, о великой несправедливости, онъ утѣшается надеждою, что это выдумка. Когда Якобинцы волнуютъ народъ, или Министры играютъ народомъ, Оронтъ думаетъ, что всякому вольно поступать, какъ ему лучше кажется. Во время выборовъ онъ имѣетъ полную довѣренность къ согражданамъ, и говоритъ, что всѣ Кандидаты хорошіе люди, и что онъ не смѣетъ одного предпочесть другому.

Когда сосѣды ссорятся, Оронтъ остается хладнокровнымъ зрителемъ. Его называютъ честнымъ, за то, что онъ никого не обманываетъ — а мудрымъ за то, что никогда не ошибается. Рѣдкіе не исполнили бы его приговора; онъ могъ бы прекратить множество тяжебныхъ дѣлъ, могъ бы помирить многихъ непріятелей — но Оронтъ никакъ не хочетъ мѣшаться въ чужія дѣла, чтобы, оправдывая одного, не обвинить другова.

Видя, какъ одинъ сосѣдъ хозяйствуетъ, какъ другой мотаетъ, Оронтъ молчитъ; не хвалитъ перваго, не осуждаетъ послѣдняго; не льститъ богатому, ибо онъ можетъ обѣднять; боится оскорбить бѣднаго, ибо онъ можетъ разжиться. Предвидѣніе его въ самомъ дѣлѣ имѣетъ наружность добродѣтели; кому нѣтъ нужды въ немъ, тотъ хвалитъ его вѣжливость и добросердечіе. Но кто требуетъ у него помощи, того увѣряетъ Оронтъ, что онъ роздалъ всѣ свои деньги и крайне жалѣетъ; а когда уйдетъ проситель, Оронтъ говоритъ домашнимъ: „я всегда любилъ его какъ душу, а не даю ему денегъ для того, чтобы послѣ не требовать ихъ назадъ и не побраниться съ добрымъ человѣкомъ.“ — Семейственные безпорядки никогда не бываютъ ему извѣстны.

Слыша, что такая-то дѣвица вышла за мужъ за лакея, онъ въ изумленіи поднимаетъ вверхъ руки и говоритъ, что она всегда казалась ему скромною и благонравною. Когда супруги, бывъ долгое время примѣромъ несогласія и разврата для цѣлаго города или всей провинціи, наконецъ разводились, тогда Оронтъ клялся и божился, что ему и на мысль не приходилъ сей случай, и что онъ всегда считалъ ихъ примѣромъ супружескаго согласія.

Когда сосѣдъ потребуетъ у него совѣта, Оронтъ не дастъ ни худаго, ни добраго; для того, что все подвержено неизвѣстности и что онъ боится ошибки. Оронтъ беретъ его за руку съ ласковымъ видомъ; говоритъ, что радъ душею служить ему какъ самому себѣ, и совѣтуетъ — быть осторожнымъ, не торопиться, все обдумать, но и не медлить излишно; что у мудраго два уха, а одинъ языкъ; что скромность всегда полезна; что онъ могъ бы дать ему разные совѣты, но что всякой въ своемъ дѣлѣ есть лучшій судья. Такимъ складнымъ пустословіемъ многіе бываютъ довольны, идутъ домой ни съ чѣмъ, но удивляются глубокой мудрости сосѣда, который по крайней мѣрѣ не оспориваетъ ихъ мнѣнія.

Благоразумный Оронтъ всегда закусипъ языкъ, когда начнутъ говорить о характерѣ людей; не хвалитъ добродѣтели и не бранитъ пороковъ, замѣтивъ однажды навсегда, что дѣти Адамовы крайне сердятся за брань и рѣдко бываютъ довольны, когда другихъ хвалятъ. Съ самыхъ молодыхъ лѣтъ онъ затвердилъ нѣкоторыя фразы, и при всякомъ случаѣ употребляетъ ихъ безъ дальнѣйшаго разбора. Естьли надобно сказать мнѣнїе о состоянїи человѣка, то Оронтъ полагаетъ, что всѣ, слава Богу! награждены избыткомъ и не знаютъ нужды. Хотя онъ не превозноситъ съ жаромъ ни чьей мудрости, однакожъ по возможности держится всегда умныхъ людей. Всякой мущина есть для него преизрядный человѣкъ, всякая женщина достойна почтенїя.

Такимъ образомъ сосѣдъ нашъ крадется по-тихоньку сквозь шумныя толпы людей въ свѣтѣ, и не ступитъ шага безъ того, чтобы не осмотрѣться вокругъ себя, не зная ни любви, ни вражды, ни услугъ, ни обидъ; не старался никогда разбогатѣть, отъ страха обѣднять; не искалъ никогда друзей, чтобы не нажить послѣ непрїятелей.

V.

Письмо изъ Парижа.

Я люблю видѣть здѣшній парадъ и Консула. Зрителей бываетъ всегда множество, на стѣнѣ за решеткою, на мѣстѣ Карруселя, на кровлѣ Тюлерійскихъ палатъ и на ихъ бельведерѣ, кромѣ тѣхъ, которые имѣютъ входъ во внутреннія комнаты и смотрятъ въ окна (по большей части дамы). Бонапарте живетъ во флигелѣ на лѣвой сторонѣ. Оттуда во всю длину галлерей, по большому крыльцу и до самой внутренности двора стоятъ гранадеры въ двѣ шеренги, но въ такомъ разстояніи другъ отъ друга, чтобы зрители сквозь ихъ могли видѣть. Всякой разъ, когда Офицеръ съ рапортомъ или чиновникъ, имѣющій дѣло до Бонапарте, всходитъ на крыльцо, бьютъ въ барабанъ, чтобы извѣстить Консула.

Наконецъ онъ является съ Генералами и Адъютантами, но такъ просто одѣтый, что его не возможно узнать по платью: иногда въ мундирѣ Національной гвардіи, иногда въ егерьскомъ, и весьма рѣдко въ генеральскомъ. Скорѣе всего узнаешь его по тому, что онъ одинъ не носитъ перьевъ на шляпѣ. Въ это время ожидаютъ его многіе граждане

съ прозьбами: Бонапарте всегда съ ласковымъ видомъ беретъ бумагу и кладетъ ее въ карманъ; читаетъ ихъ послѣ самъ или велитъ предлагать себѣ выписки. — Войска бываетъ на парадѣ отъ шести до осьми тысячь. Консулъ садится на лошадь, приказываетъ дѣлать манёвры, смотритъ на все съ великимъ вниманіемъ и часто самъ поправляетъ канонировъ, бывъ нѣкогда Артиллерійскимъ Офицеромъ и зная совершенно сію часть. Почетное оружіе раздается всегда на парадѣ; чтобы сіе отличіе тѣмъ сильнѣе дѣйствовало на другихъ воиновъ. Въ день парада бываетъ всегда аудіенція для иностранныхъ Министровъ и часто большой обѣдъ, за которымъ однакожъ рѣдкіе имѣютъ время насытиться. Онъ продолжается только три четверти часа, и многіе, нѣсколько разъ обѣдавшіе въ Тюльери, никогда еще не ѣли десерта: Бонапарте, съѣвъ свой бисквитъ, встаетъ; другіе слѣдуютъ его примѣру — и конецъ обѣду. Нѣкоторые берутъ свои мѣры и пріѣзжаютъ въ Тюльери отобѣдавъ дома. Когда Госпожа Бонапарте за столомъ, то другіе два Консула сидятъ подлѣ нее, а рядомъ съ Бонапарте сидитъ Президентъ или Законодательнаго Корпуса или Сената. Можетъ быть ино-

странные Министры тѣмъ не довольны; но Консулъ не хочетъ оказывать никому изъ нихъ предпочтенія, и сверхъ того желаетъ изъявлять уваженіе къ законнымъ Властямъ Франціи.

Хотя главный источникъ любопытныхъ новостей теперь закрылся, и письменный журналъ лжеца Фуилу уже не извѣщаетъ Европы о сокровенныхъ мысляхъ Бонапарте, однакожь я могъ бы собрать еще довольно анекдотовъ; признаюсь только, что не вѣрю имъ. Такъ, на примѣръ, разсказываютъ, что дочь Госпожи Бонапарте не любитъ своего мужа, Лудвига Бонапарте; что другой братъ Консула, Жеромъ, въ одну недѣлю промоталъ 40 тысячь ливровъ, и за то былъ посланъ въ Сен-Доминго; что молодой Богарне долженъ около милліона, и проч. Бонапарте даетъ матери своей ежегодно 24000 ливровъ. Въ первый день каждаго мѣсяца слуга его приноситъ ей 2000 франковъ. Она живетъ въ улицѣ du Mont blanc, и хотя очень любима сыномъ своимъ, однакожь не вмѣшивается въ дѣла и не употребляетъ во зло сыновняго къ ней уваженія.

Бывшіе Эмигранты помирились, кажется, съ Консуломъ, и теперь безъ сомнѣнія не выгнали бы его изъ спектакля

своею дерзостію, какъ то случилось во время представленія *Эдуарда*, къ несчастью бѣднаго Автора Дюваля, высланнаго изъ Парижа. Я самъ былъ тогда въ театрѣ, и видѣлъ, какъ Бонапарте, пріѣхавъ въ ложу, слушалъ Драму съ великимъ вниманіемъ, часто аплодировалъ, но вдругъ, замѣтивъ, что Роялисты хотятъ дразнить его безумнымъ хлопаньемъ при всякомъ мѣстѣ, которое можно было отнести къ Лудовику XVIII, всталъ и вышелъ изъ театра. Феликсъ Ногаре, которому Арно, Авторъ *Марія* и другихъ Трагедій, отдавалъ въ цензуру *Эдуарда*, впалъ съ того времени въ немилость. Нынѣ театральная цензура поручена извѣстному Редереру, вмѣстѣ съ надзираніемъ надъ школами. Бѣдные драматическіе Авторы! Онъ заставитъ ихъ сидѣть у себя въ лакейской или на крыльцѣ. На сихъ дняхъ одинъ важный Членъ Института имѣлъ нужду до Гражданина Редерера; но его не впустили въ домъ, сказывая, что хозяинъ занятъ и никого не принимаетъ. Ученый хотѣлъ непремѣнно войти, говоря, что онъ его товарищъ и долженъ сказать ему только нѣсколько словъ. „Послушайте, отвѣчала ему добродушная служанка: Господинъ Редererъ скоро выдетъ; подождите здѣсь

на лѣстницѣ, и тогда можете сказать ему что хотите; другїе, не хуже васъ, ждутъ его.“ Членъ Института ушелъ съ великимъ сердцемъ и кричалъ издали служанкѣ, чтобы она отъ его имени назвала Редерера глупцомъ. — Молодой Дюпати, сынъ Президента, Сочинителя *Писемъ объ Италїи*, былъ сосланъ въ Колонїю за маленькую театральную пїесу, l'Anti-chambre, для которой музыку сочинялъ извѣстный д'Алеракъ. Одинъ любитель гармонїи, видѣвъ Оперу и слыша о нещастїи Автора, сказалъ: „Естьли это „правда, то видно, что Бонапарте хо„четъ истребить хорошую музыку во „Францїи; иначе мудрено понять, что „нашли въ пїесѣ.“ Министръ Фуше утверждалъ, что въ ней осмѣяны Герои Республики. На сценѣ представлены два бывшїе лакея, которые, разбогатѣвъ, хотятъ жениться на двухъ прекрасныхъ дѣвушкахъ, но которыхъ другїе слуги, нарядившись въ платье своихъ господъ, выгоняютъ изъ дому: вотъ содержанїе и развязка! Мудрено, что Французскїе Офицеры могли тѣмъ обидѣться. Правда, я замѣтилъ одинъ *Каланбурд* въ пїесѣ, который могъ показаться насмѣшкою надъ военнымъ состоянїемъ. Бывшїй лакей выдаетъ себя за Офицера и говоритъ:

я служу. Другой слуга отвѣчаетъ ему: *и я служу.* Но тайная Хроника разсказываетъ, что Генералъ Лефевръ, нынѣшнїй Сенаторъ, ненавидитъ молодаго Дюпати, который нѣкогда отнялъ у него любовницу; что Актеръ Шенаръ, будучи похожъ лицомъ на Лефевра, дразнилъ его и представилъ въ каррикатурѣ на сценѣ, будучи, можетъ быть, наученъ Авторомъ; что Сенаторъ пожаловался Министру Фуше, который взялся быть его мстителемъ, запретилъ пїесу, конфисковалъ мундиры, въ которыхъ актеры представляли Офицеровъ, и донесъ Консулу на Автора. Однакожъ изгнанїе его не продолжилось: Бонапарте скоро велѣлъ ему возвратиться. Говорятъ, что Консулъ вообще не любитъ Театра *Федо*, на которомъ играли эту пїесу, и сказалъ однажды: Je ne ſais pas à quoi ſervent ces chanteurs de Feydeau; on me demande toujours de l'argent pour eux. Онъ хочетъ поддерживать только большую Оперу и Французскую Комедїю, а другїе Спектакли оставить на ихъ собственномъ содержанїи.

Французы все еще забавляются *Каланбурами.* Передъ Тюлерїйскими Палатами стоятъ четыре мѣдные пѣтуха на громовыхъ стрѣлахъ, также мѣдныхъ. Какой-то остроумецъ, смотря на нихъ,

сказалъ: quatre coqs, c'eſt trop pour une baſſe-cour! Напомню вамъ еще другой *Каланбуръ*, сказанный за годъ передъ симъ, когда Бонапарте велѣлъ срубить въ Тюльери всѣ дерева вокругъ *дерева вольности* (arbre de la liberté). На что же это осталось? спросилъ одинъ. Pour nous en laiſſer l'ombre, отвѣчали ему. Это прекрасно.

Всѣ революціонныя надписи передъ Тюлерійскими палатами и на Луврской галлереѣ уничтожены. На примѣръ: 10 Aout 1792. La Royauté en France eſt abolie; elle ne ſe relevera jamais — или: Ici Charles IX, d'exécrable mémoire, &c. Бонапарте учитъ Французовъ скромности и вѣжливости.

ПОЛИТИКА.

I.

Республика Семи-Островов.

Австрія и Франція, заключая мирный Кампо-Формійскій трактатъ 17 Окт. 1797, раздѣлили между собою всѣ владѣнія Венеціянской Республики.

Послѣдняя взяла Леванпскія острова: Корфу, Зантъ, Кефалонію, Санта-Мауру, Чериго и другія принадлежащія къ нимъ острова, такъ какъ Бутринто, Ларту, Бониццу и вообще всѣ Венеціянскія колоніи въ Албаніи, по сю сторону Лодринскаго залива.

Сіи пріобрѣтенія подъ начальствомъ Генерала Жантили были раздѣлены на три Департамента, названные Коркирскимъ, Итакскимъ и Эгейскимъ, и присоединены такимъ образомъ къ огромной Французской Республикѣ. Они были для нее весьма полезны. Французы утвердились черезъ то въ самомъ Турецкомъ владѣніи, могли овладѣть Восточнымъ торгомъ, играть важнѣйшую ролю на Адріатическомъ морѣ, повелѣвать Неаполемъ и Сициліею, умножить ослабѣвшія мор-

скія силы свои Греческими матрозами, и пользоваться славными дубовыми лѣсами въ Албаніи.

Сіи пріобрѣтенія сдѣлались для нихъ еще важнѣе, когда они взяли Мальту и Египетъ. Тогда Республика отъ Тулона до Нильской колоніи своей имѣла цѣпь укрѣпленныхъ острововъ, которая, давая ей неограниченную власть на Средиземномъ морѣ, служила вѣрною оградою Египта.

Но разрывъ съ Портою и бѣдствіе Французскаго флота уничтожили сіи выгоды. Россія, заключивъ дружественный трактатъ съ Султаномъ, послала въ Средиземное море флотъ свой, который, вмѣстѣ съ Турецкою эскадрою, завоевалъ всѣ Французскія Левантскія владѣнія.

Съ того времени сіи острова были заняты Рускимъ и Турецкимъ войскомъ. Политики думали, что Россія оставитъ ихъ за собою; но сколь же они удивились, когда Министръ Императора ПАВЛА въ Константинополѣ заключилъ съ Портою условіе (21 Марта, 1800), по которому два Самодержца сдѣлались основателями новой Республики, названной Республикою *Семи-Острововъ!* Ей надлежало быть управляемою Нотаблями и состоять подъ защитою Султана, подобно Рагузѣ;

жители ея пользуются всѣми особенными правами Рагузскихъ граждань, могутъ свободно плавать по Черному морю и безопасны въ разсужденіи Африканскихъ морскихъ разбойниковъ. Всякіе три года она должна платить Султану 750,000 піастровъ; но за то ея граждане освобождены въ Турціи отъ всѣхъ податей. Россійскій Императоръ утвердилъ конституцію новой Республики. Гербъ ея есть левъ въ бѣломъ полѣ, который въ одной лапѣ держитъ Евангеліе, а въ другой связку семи стрѣлъ подъ креспомъ; на одной сторонѣ изображено Христіянское лѣтоисчисленіе 1800, а на другой Турецкое число Эгиры. — Обѣ Державы обѣщали, что при общемъ мирѣ сія Республика будетъ признана всѣми другими Державами. Такимъ образомъ Франція и Англія, подписывая мирныя условія, признали ее.

И такъ черезъ нѣсколько вѣковъ видимъ мы опять Греческую Республику, которая, не смотря на свою малость и тихое начало, по мнѣнію людей проницательныхъ, должна играть въ свѣтѣ важную ролю! Питтъ, говоря о мирѣ, сказалъ 3 Ноября въ Парламентѣ, „что „Республика Семи-Островъ можетъ быть „со временемъ такъ же сильна, какъ и „самая Порта!“

Сїя въ политическую систему Европы ново - введенная Республика Семи - Островъ, или Іоническая (ибо главные острова ея всѣ на Іоническомъ морѣ) достойна описанїя.

Въ ней только пять большихъ островъ: Корфу, Санта - Маура, Кефалонїя, Занть и Чериго; шестымъ считается островъ Паксо (принадлежащїй собственно къ Корфу), а седьмымъ Теаки или древняя Итака, иначе называемая малою Кефалонїею.

Первый изъ сихъ островъ по своей величинѣ и укрѣпленїю есть

1) Корфу (или древняя Коркира) въ Адрїатическомъ заливѣ, лежащїй противъ Эпира, верстахъ въ пяти отъ твердой земли. Онъ длиною 140 верстъ, шириною 60, а въ окружности 360. На немъ есть городъ того же имени и 78 селенїй. Жителей, по большей части Грековъ, считается 70,000. Сѣверная часть острова весьма плодоносна. Онъ вообще производитъ много вина (славнаго еще въ древности), соли, масла, меду и всякаго роду вкусныхъ плодовъ, изъ которыхъ всего лучше фиги, называемыя *фракацщани*. Красота тамошнихъ мѣстъ и прїятность климата воспѣты въ Одиссеѣ Гомеромъ; сады Алькиноевы были,

по его стихотворенію, въ Корфу. Антикусъ и Цицеронъ восхваляютъ также любезность и щастливую жизнь въ Коркирѣ.

Положеніе острова весьма благопріятно для торговли; гавань его, въ которой можетъ удобно помѣститься большая эскадра, была всегда убѣжищемъ кораблей. Жители всѣ растутъ, такъ сказать, на морѣ, и Корфіоты считались въ Венеціянской Республикѣ лучшими матрозами. Они славились тѣмъ и въ древности: Ѳукидидъ говоритъ, что безъ нихъ не бывало въ Греціи ни одного морскаго сраженія. Коркира высылала противъ Ксеркса, для защиты отечества, 60 вооруженныхъ кораблей.

Сверхъ того Корфу есть не только щитъ Адріатическаго моря, но и ключь къ Неаполитанскому Королевству, находясь не далѣе, какъ во 120 верстахъ отъ гавани Отранто. Для того въ 1716 году Австрія, Гишпанія, Тоскана и Папа спѣшили всѣми силами помогать Венеціи, когда Турки осадили сію защиту Италіи! Главная крѣпость построена на мысѣ, къ югу. Внѣшнія укрѣпленія состоятъ изъ двухъ возвышеній съ окопами, называемыхъ Салвадоромъ и Авраамовымъ холмомъ; а гавань находится подъ бата-

реями двухъ скалъ. Тамъ было всегда 700 пушекъ. Французы справедливо называли Корфу вторымъ Гибралтаромъ.

Къ Корфу принадлежатъ еще 9 маленькихъ острововъ, изъ которыхъ знатнѣйшій есть

2) Паксо; онъ имѣетъ въ окружности 50 верстъ, хорошую пристань, но мало жителей. Противъ него лежитъ Анти-Паксо, изобильный виномъ, миндалемъ и масломъ, но совсѣмъ не населенный. Его обработываютъ жители острова Паксо. На немъ не бываетъ никогда ни ядовитыхъ животныхъ, ни ядовитыхъ растѣній; пробовали разводить ихъ: но первыя тотчасъ умираютъ, а вторыя сохнутъ. Предметъ достойный любопытства Натуралистовъ!

3) Санта-Маура, древняя Левкадія, напоминающая бѣдственный конецъ Сафы и гробъ Артемизинъ, имѣетъ въ длину верстъ 60, а въ ширину 30. Жители всѣ Греки; въ главномъ городѣ того же имени считается ихъ болѣе 6000. Онъ лежитъ на сѣверовосточномъ краю острова, и такъ близко отъ твердой земли Эпира, что соединяется съ нимъ деревяннымъ мостомъ. На островѣ двѣ гавани, изъ которыхъ лучшая называется Порто Драпано. Онъ весьма гористъ, но кли-

матъ его пріятенъ и здоровъ. Главное произведеніе есть соль; но тутъ родятся и всѣ другіе плоды Греческихъ островъ: хлѣбъ, масло, вино, прекрасныя овощи, и проч.

4) Кефалонія, глава всѣхъ Іоническихъ острововъ; длиною 100 верстъ, шириною 60, а въ окружности 340. Земля гориста, но весьма плодородна. Климатъ самой прекрасной. Зимы совсѣмъ нѣтъ; въ то время года, которое называется симъ именемъ, цвѣтутъ тамъ розы и гвоздика. Лимонныя, померанцевыя и гранатныя дерева безъ всякаго старанія производятъ самые вкусные плоды необыкновенной величины, и два раза въ годъ: въ Апрѣлѣ и въ Ноябрѣ. Сей щастливый островъ подверженъ только одному бѣдствію: землетрясенію.

Главный плодъ его есть виноградъ, или такъ называемая коринка. Оттуда выходитъ ежегодно 80,000 бочекъ вина и 20,000 масла. Сверхъ того Кефалонія производитъ много меду, хлопчатой бумаги и всякаго роду садовыхъ растѣній. Долины весьма удобны для скотоводства. Коровы питаются тамъ на лугахъ шалфеемъ, розмариномъ и другими благовонными травами; по тому масло ихъ весьма вкусно. Кефалонійскій сыръ славнѣе

и дороже другихъ; его дѣлаютъ ежегодно болѣе 1500 центнеровъ; но хлѣба родится тамъ едва ли и 50,000 четвертей въ годъ.

Главный городъ, который называется также Кефалонїею, весьма богатъ и многолюденъ. Крѣпость Ассо построена на высокомъ, узкомъ мѣстѣ, окруженномъ крутыми скалами и моремъ. Сверхъ того на островѣ считается 202 селенїя, между которыми есть маленькїе городки. Лучшая гавань называется Аргостоли. Число людей простирается до 60,000. Греки имѣютъ своего Духовнаго начальника, а Католики Епископа, живущаго на островѣ Занпѣ.

5) Теаки, то есть малая Кефалонїя или древняя, Гомеромъ прославленная Итака, лежитъ напротивъ большой Кефалонїи. Жителей на островѣ, въ разныхъ селенїяхъ, не болѣе 3000; въ одной изъ сихъ деревень, называемой Вальти, есть большая и весьма удобная пристань для всякихъ кораблей. Общая Религїя Греческая, языкъ также. Женщины отмѣнно хороши лицомъ и стройны; мущины всѣ природные матрозы.

6) Занпъ, прежде Закинѳъ, противъ западнаго берега Мореи, имѣетъ 120 верстъ въ окружности. Климатъ и произведенїя

его таковы же, какъ и другихъ описанныхъ острововъ. Жителей, въ 48 мѣстечкахъ, около 30,000, по большой части Грековъ. Главный городъ Зантъ лежитъ у подошвы горы на берегу моря, а крѣпость его на горѣ. Въ числѣ жителей есть и Жиды. Пристань безопасна, но не очень удобна.

7) Чериго, на Эгейскомъ морѣ, къ юговосточной сторонѣ Мореи, противъ мыса Малїо, въ семи морскихъ миляхъ отъ Кандїи, имѣетъ въ окружности 120 верстъ. Въ древности сей островъ назывался Цитерою: ибо тамъ, говоритъ Миѳологїя, вышла Венера Анадїомена изъ пѣны морской. Но онъ, по всей вѣроятности, для того посвященъ былъ богинѣ любви, что Финикїйцы сообщили жителямъ его, прежде другихъ, понятїе о божественности Афродиты. Теперь не осталось уже и слѣдовъ древняго, славнаго храма ея. Вообще островъ ни мало не прелестенъ; три четверти его состоятъ изъ дикихъ скалъ; на остальной части сѣятъ хлѣбъ и садятъ виноградъ, отмѣнно вкусной. Климатъ очень прїятенъ. Луга весьма хороши для скотоводства. Дичи много; особливо голубей и перепелокъ.

Сей островъ назывался нѣкогда *ключемъ Архипелагскимъ*: ибо прежнїя легкїя

военныя суда могли удобно входить въ заливы южной стороны его. Но въ новѣйшія времена онъ былъ почти совсѣмъ безполезенъ, не имѣя большихъ, надежныхъ гаваней, и Венеціяне, владѣя имъ, не могли ничего предпринять для возвращенія потерянныхъ ими островъ въ Архипелагѣ. Пристань Святаго Николая закрыта отъ сѣверныхъ вѣтровъ и хороша для военныхъ судовъ, которыя могутъ оттуда наблюдать всѣ непріятельскія движенія между Кандіи и Мореи; но зимою она опасна, не будучи ни чѣмъ закрыта отъ востока къ югозападу. — Укрѣпленіе острова не стоитъ никакого вниманія.

II.

Число жителей въ Англіи.

До сего времени мы не знали его вѣрно, и Статистики спорили между собою. Народъ, боясь, чтобы Правленіе не вздумало ввести подушнаго налога, никогда не хотѣлъ слышать о переписи людей. Однакожь Питтъ согласилъ на то Парламентъ, и въ исходѣ минувшаго Апрѣля обнародовано въ Лондонѣ вѣрное исчисле-

нїе жителей. Ихъ 9 милліоновъ 345,578 въ Англїи и Валлисѣ, въ Шотландїи 1,700,000, а въ Ирландїи болѣе четырехъ милліоновъ; и такъ во всей Великобританнїи 15 милліоновъ — слѣдственно половина того, что во Францїи съ ея новыми прїобрѣтенїями — болѣе, нежели во всей Италїи, въ Гишпанїи и въ Пруссїи. Города Манчестеръ, Ливерпуль, Бирмингамъ едва существовали въ началѣ осьмаго-надесять вѣка; а теперь въ первомъ 84,020, во второмъ 77,653, а въ третьемъ 73,670 жителей; въ Лондонѣ 900,000 человѣкъ, съ гвардейскими полками и матрозами. Обитаемыхъ домовъ въ одной Англїи сочтено 1,575,925, сверхъ того 57,476 домовъ стоятъ пустые. Десятая часть мущинъ служитъ въ армїи и на кораблях.

III.

Умноженїе жителей и великїе успѣхи торговли въ сѣверной Америкѣ.

Нигдѣ число жителей такъ скоро не возрастало, какъ въ Соединенныхъ Американскихъ Областяхъ. Въ 1784 году было тамъ 3,250,000 человѣкъ, а въ 1802 со-

чтено въ Америкѣ 6 милліоновъ жителей; слѣдственно въ 18 лѣтъ число ихъ вдвое умножилось. Но обширность Американскихъ владѣній такъ велика, что на всякую квадратную Нѣмецкую милю приходится только 140 жителей — что весьма мало въ сравненіи со многолюдствомъ Европейскихъ земель. Вѣроятно, что общій миръ остановитъ частыя переселенія Европейцевъ въ Америку, и слѣдственно уничтожитъ главную причину умноженія людей въ сей части свѣта. Читатели могутъ судить объ успѣхахъ ея торговли по слѣдующей таблицѣ.

Американцы вывезли товаровъ

въ	1791	году	на	19,012,040	долларовъ.
—	1792	—	—	20,753,097	—
—	1793	—	—	26,109,572	—
—	1794	—	—	33,026,233	—
—	1795	—	—	47,989,472	—
—	1796	—	—	67,164,097	—
—	1800	—	—	70,000,000	—
—	1801	—	—	93,020,513	—

IV.

Извѣстія и замѣчанія.

Мы приближаемся ко временамъ спокойнымъ, и статья политическихъ новостей бѣднѣетъ. Прошло время *любопытныхъ ужасовъ*, время богатой жатвы для Издателей Вѣдомостей; теперь имъ остается подбирать колосы и разсказывать басни отъ скуки. Однакожь внимательный наблюдатель можетъ всегда что нибудь замѣтить на горизонтѣ. Мы живемъ въ такомъ мірѣ, въ которомъ спокойствіе есть только отдыхъ: ибо дѣятельность (слѣдственно и перемѣна) есть законъ его.

Послѣдній актъ Революціонной трагедіи былъ игранъ въ Сен-Доминго: Туссень Лувертюръ взялъ *отставку* и сошелъ съ трагической сцены. Въ Англійскихъ Вѣдомостяхъ пишутъ, что Генералъ Леклеръ обнародовалъ свободу и равенство для жителей Колоніи, Бѣлыхъ и Черныхъ, безъ различія; что онъ собираетъ Депутатовъ изъ всѣхъ частей острова, которымъ предложитъ свой планъ новаго образованія Колоніи, но которые должны быть только его совѣтниками, а не законодателями. — Гене-

ралъ Ришпансъ, отправленный Консуломъ въ Гваделупу, вышелъ на берегъ безъ всякаго сопротивленія отъ жителей. Мулатъ Пелажъ, Гваделупскій Туссень, немедленно къ нему явился и долженъ былъ остаться на кораблѣ подъ стражею; но вѣроятно, что Французское Правленіе, оставивъ въ покоѣ явнаго мятежника Туссена, не захочетъ наказать Пелажа, который никогда не откладывался отъ Франціи и соблюдалъ порядокъ на островѣ. Вина его состоитъ единственно въ томъ, что онъ выслалъ Французскаго Коммиссара Лакросса, заслужившаго ненависть всѣхъ Гваделупскихъ жителей. — Англичане весьма довольны усмиреніемъ Французскихъ Негровъ, которые подавали опасный примѣръ невольникамъ Англійскихъ Колоній.

Теперь взоръ наблюдателя болѣе всего останавливается на Турецкой Имперіи, покрытой облаками. Мы не вѣримъ Лондонскимъ Журналистамъ, которые отправляютъ Генерала Массену съ 60000 Французовъ въ Архипелагъ; однакожь думаемъ, что всеобщіе слухи, которые вдругъ разнеслись по Европѣ, могутъ имѣть нѣкоторое справедливое основаніе. Въ самомъ дѣлѣ Оттоманская Имперія

явно отжила вѣкъ свой; всѣ связи въ ея политическомъ основаніи разрушаются; она не имѣетъ силъ усмирять мятежниковъ; вездѣ разбои и безпорядки. Часть Турецкой арміи въ Египтѣ побита на голову Мамелюками; бунтующій Паша Гіорги все грабитъ и жжетъ въ окрестностяхъ Адріанополя; Валлахія есть жертва разбойниковъ; Пасванъ Оглу не хочетъ и слушать Султановыхъ предложеній. Амьенской миръ утверждаетъ цѣлость Турецкой Имперіи; но ее можно утвердить не перомъ, а развѣ гарнизонами чужестранныхъ войскъ. Такъ ли мудра Оттоманская политика, чтобы Европа имѣла въ ней нужду? . . . Но трудно согласить выгоды разныхъ Державъ. Смерть богатаго человѣка, у котораго много наслѣдниковъ, раждаетъ тяжбы и хлопоты. Естьли же предсказаніе нѣкоторыхъ Политиковъ исполнится, то начнется новая эпоха въ свѣтѣ безъ сомнѣнія весьма благодѣтельная для разума и человѣчества; тогда откроется просвѣщенію Европы вѣрный и легкій путь въ Азію.

Эмануилъ IV, Король Сардинскій, напомнилъ намъ рѣдкое дѣло Императора Карла V и Королевы Христины, сло-

живъ съ себя корону. Бывъ нѣсколько лѣтъ игралищемъ рока и жертвою Европейскихъ смятеній — наконецъ пораженный смертію милой и добродѣтельной супруги, которая нѣкогда любезностію своею украшала для него блескъ трона, а въ бѣдствіяхъ казалась ему Ангеломъ утѣшителемъ — онъ впалъ въ глубокую меланхолію, которая отвращаетъ душу отъ свѣта и всего, что называется земнымъ величіемъ. Эмануилъ будетъ извѣстенъ въ Исторіи своимъ нещастіемъ, чувствительнымъ сердцемъ и добровольнымъ сложеніемъ Царскаго сана.

Засѣданія Англійскаго Парламента кончились 28 Іюня, и скоро новый заступитъ мѣсто стараго. Ораторъ Нижняго Парламента, вручая Королю нѣкоторыя опредѣленія, сказалъ между прочимъ слѣдующее: „Англія давно уже знаетъ, что „ея Монархъ есть лучшая и вѣрнѣйшая „опора свободы гражданъ.“ Король, при входѣ своемъ въ Верхній Парламентъ, былъ окруженъ множествомъ народа, восклицавшаго: „да здравствуетъ Георгъ, благодѣтель и миротворецъ!“ Его Величество, по обыкновенію, изъявилъ благодарность обоимъ Парламентамъ за ихъ усердіе. — — Въ послѣднемъ засѣданіи

Господинъ Вильберфорсъ, старинный другъ Негровъ, опять грозился требовать отъ новаго Парламента, чтобы онъ запретилъ Англичанамъ торговать невольниками. Вильберфорсъ не перемѣняетъ своего образа мыслей. Питтъ, будучи Министромъ, всегда соглашался съ нимъ, и только въ семъ одномъ случаѣ не имѣлъ большинства голосовъ на своей сторонѣ; по чему многїе не вѣрили искренности его согласїя.

Въ Парижѣ готовились праздновать 14 Іюля, и Министръ внутреннихъ дѣлъ объявилъ въ программѣ, что Правительство желаетъ въ сей день изъявить особенное уваженїе ко нравамъ и добродѣтели. Во всякой части Парижа молодая, добродѣтельная, но бѣдная дѣвушка получитъ богатое приданое; ей выберутъ жениха изъ молодыхъ воиновъ, отличившихъ себя храбростїю. — Нѣкоторые думаютъ, что въ сей же день Наполеонъ будетъ объявленъ Консуломъ на всю жизнь. Говорятъ также, что Французская Конституцїя должна быть *исправлена* и *соглашена* съ Италїянскою. — Въ Монитёрѣ замѣчено, что, вопреки Англїйскимъ и Нѣмецкимъ Журналамъ, Парижскїе жители охотно записываютъ голоса свои на случай избранїя Бонапарте, и что ихъ собрано уже

60,000, то есть болѣе, нежели когда нибудь. Петїонъ, при избранїи своемъ въ Меры, имѣлъ 14,000 голосовъ, и только 26,000 Парижскихъ гражданъ подписали согласїе на Конституцїю третьяго лѣта.

Въ нѣкоторыхъ Французскихъ и даже Нѣмецкихъ вѣдомостяхъ писали уже о кончинѣ Эрцгерцога Карла: къ щастїю, сей слухъ несправедливъ. Не только Австрїя, но и вся Германїя гордится симъ Принцомъ, искуснымъ воиномъ и человѣколюбивымъ Героемъ.

Въ Австрїи Правленїе ободряетъ молодыхъ людей входить въ духовное состоянїе и даетъ ему новыя выгоды, а въ Баварїи Курфирстъ ограничиваетъ права Духовенства и отмѣняетъ нѣкоторые старинные обряды, вопреки народу, къ нимъ привязанному. Тѣ, которые хвалятъ новыя учрежденїя въ Австрїи, осуждаютъ политику Баварскаго Курфирста. Такъ, на примѣръ, Парижскїе Журналисты даютъ чувствовать, что новая система его слишкомъ не сообразна съ духомъ народа.

Изъ Дрездена пишутъ слѣдующее: „Вчера получили мы извѣстіе, что „Шевалье де-Саксъ 26 Іюня убитъ на „поединкѣ близь Аусcиха, на самой границѣ Богеміи. Тѣло его погребено въ „тамошнемъ монастырѣ.“ — Вотъ новая жертва рыцарскаго духа! Долго еще такъ называемая *честь* будетъ противоборствовать законамъ. Питтъ, котораго жизнь была столь важна для Англіи, года за два передъ симъ не отказался отъ поединка съ Тирнеемъ. Въ Парижѣ не давно Генералъ Ренье застрѣлилъ другова Генерала, и Бонапарте только выслалъ его изъ Парижа. Законодатели стращаютъ, Философы доказываютъ, но ложное мнѣніе торжествуетъ — къ стыду разума и къ горести многихъ семействъ.

Изъ Неаполя пишутъ, что тамъ опять открываются заговоры, и что нѣкоторые знаменитые дворяне взяты подъ стражу.

(Окончаніе Жизни Туссеня Лувертюра напечатано будетъ въ слѣдующемъ нумерѣ.)

ОШИБКИ ВЪ ПЕЧАТИ.

стран.	*строк.*	*напеч.*	*читай.*
109	NB. *Первую строку всю выкинуть.*		
120	17	хоходнаго	холоднаго
124	23	Рабобота	Работа

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

АВГУСТЪ 1802.

№ 15.

ЛИТТЕРАТУРА и СМѢСЬ.

I.

О напрасныхъ ожиданіяхъ.

Сочиненіе Нѣмецкаго Философа Гарве.

Всего чаще говорятъ въ свѣтѣ, всего чаще нѣкоторые люди замѣчаютъ въ жизни своей, что ожиданія не сбываются, какъ пріятныя, такъ и страшныя. Мало такихъ благъ, мало такихъ удовольствій, которыя въ отдаленіи не казались бы намъ лучшими; а естьли и находимъ ихъ согласными съ нашимъ воображеніемъ, то почти всегда мѣшаются съ наслажденіемъ какія нибудь непріятности, которыхъ мы не воображали, и которыя убавляютъ для насъ ихъ цѣну. Такъ, на примѣръ, любезная сельская жизнь, среди великолѣпія и красотъ Натуры,

дѣлается иногда несносною... отъ комаровъ и мошекъ!

Но всего чаще надежды ни мало не исполняются. Теченіе нашей жизни и каждаго дня, подобно теченію рѣки, никогда не бываетъ прямо къ той цѣли, до которой мы хотимъ достигнуть. Честь, богатство или покой рѣдко приходятъ тогда, когда человѣкъ ожидаетъ ихъ. И не всякой ли день случается, что желая развеселиться въ пріятной бесѣдѣ друга, не застаемъ его дома; надѣясь отдохнуть за городомъ, возвращаемся съ половины дороги отъ дождя; и съ праздника, котораго ожидали нетерпѣливо, идемъ домой въ самомъ скучномъ расположеніи?

Но столь же часто обманываютъ насъ и печальныя ожиданія. Еще Горацій примѣтилъ, что люди рѣдко умираютъ отъ той болѣзни, которой они всего болѣе страшились въ жизни. Ужасныя бѣдствія проходятъ мимо насъ какъ легкія облака; иногда же обращаются и въ самое благо. Идемъ въ общество скучать, и веселимся; ѣдемъ въ дождь, и черезъ нѣсколько минутъ наслаждаемся прекраснымъ временемъ; боимся выговора отъ начальника, и онъ принимаетъ насъ съ отмѣнными знаками благоволенія.

Отъ чего же происходитъ сей обманъ судьбы? божество ли какое любитъ забавляться нашимъ изумленіемъ? или мы не умѣемъ предвидѣть слѣдствій? или теченіе вещей столь безпорядочно, что наблюдателю не возможно подчинить ихъ вѣрному закону разсудка?

То и другое возможно. Какъ судьба, такъ и люди различны. Одни всегда жалуются на злощастіе, другіе всегда славятся успѣхомъ. Пусть одни отъ своего мрачнаго характера представляютъ все въ дурномъ видѣ; пусть другіе по тщеславію излишно хвалятся рокомъ: но справедливый наблюдатель согласится, что между чаяніемъ нѣкоторыхъ людей и судьбою есть какая-то гармонія, и что другіе всегда обманываются въ своемъ предвидѣніи. Послѣдніе называютъ себя нещастными; и въ самомъ дѣлѣ есть какое-то чудесное единообразіе въ ихъ неудачахъ; единообразіе, которое можно изъяснить только дѣйствіемъ Провидѣнія, или связію цѣлаго міра. Но часто то и другое бываетъ ясно, когда разсмотримъ характеръ людей.

1. Тѣ, которыхъ предвидѣнія чаще всего сбываются, лучше другихъ наблюдаютъ. Предвидѣть есть по настоящему судить о будущемъ. Кто не знаетъ при-

чинъ, не можетъ знать и дѣйствій. Чѣмъ вѣрнѣе соображаемъ всѣ обстоятельства въ отношеніи къ будущему, тѣмъ вѣрнѣе можемъ опредѣлить слѣдствіе. Сіи заключенія не только для другихъ, но и для самихъ насъ бываютъ иногда не очень ясны; потому слѣдствіе ихъ кажется вдохновеніемъ. Щастливая рѣшительность, необходимая для великихъ предпріятій, или въ дѣлахъ нетерпящихъ отсрочки, есть ничто иное, какъ быстрый и вѣрный взоръ на вещи.

Для нѣкоторыхъ людей первая мысль есть самая лучшая; и многіе ошибались бы менѣе, естьли бы всегда ей слѣдовали, какъ небесному вдохновенію: но для того нужны твердость, смѣлость, увѣренность въ самомъ себѣ. Замѣчено, что люди слабые и робкіе чаще другихъ, которые впрочемъ не умнѣе ихъ, ошибаются въ своихъ ожиданіяхъ. Причина безъ сомнѣнія есть та, что они, не дерзая слѣдовать движенію своего, еще неослабленнаго духа, и теряясь въ безконечныхъ утомительныхъ соображеніяхъ, видятъ наконецъ предметы темнѣе, нежели сначала, или, не находя перевѣса въ вѣроятностяхъ разсудка, оставляютъ рѣшеніе одному случаю.

Другїе напротивъ такъ созданы, что имъ надобно думать, соображать, доискиваться всякими оборотами мыслей до лучшаго и надежнѣйшаго. Всякой, по слѣдствїю мыслей своихъ, можетъ узнать, къ которому изъ сихъ двухъ классовъ онъ принадлежитъ. Естьли медленное соображенїе вѣроятностей производитъ спокойную рѣшительность, которая отражаетъ всякую новую мысль и совѣты другихъ, то сей путь есть безъ сомнѣнїя вѣрнѣйшїй. Кто же, долго вникая въ предметъ, все еще не можетъ рѣшиться, и безпрестанно колеблется отъ всякой новой мысли, отъ всякаго новаго возраженїя, тому лучше слѣдовать первому движенїю, пока идеи его не запутались. Многїе слѣпнутъ отъ того, что долго и пристально смотрятъ на вещь.

2. Причиною многихъ обманутыхъ ожиданїй бываетъ самая ихъ неумѣренность. Тѣ люди всего чаще обманываются, которые отъ случая и другихъ людей ожидаютъ лишняго, по своей безразсудности, жадности и лѣни.

Самолюбїе, ослѣпляя человѣка мнимыми его достоинствами, даетъ ему неосновательныя требованїя на щастїе; ибо всякїе успѣхи кажутся вѣроятными, когда мы воображаемъ себя достойными

ихъ. Нѣтъ нужды, что самолюбивый человѣкъ или Авторъ живетъ теперь въ неизвѣстности или даже въ презрѣнїи: въ сердцѣ его таится надежда, что свѣтъ рано или поздно отдастъ ему справедливость. Кто считаетъ себя любезнымъ, тотъ до самой старости мечтаетъ о выгодной женитьбѣ. Такимъ образомъ чувство всякаго достоинства бываетъ соединено съ ожиданїемъ награды, иногда справедливымъ: ибо разсудокъ нашъ въ своихъ понятїяхъ долженъ соединять добродѣтель съ благополучїемъ. Однакожь и то вѣрно, что всякой излишно-самолюбивый; всякой, кто ожидаетъ опредѣленныхъ наградъ въ сей жизни, чаще другихъ обманывается въ своихъ надеждахъ.

Многїе имѣютъ сильную надежду отъ сильныхъ желанїй. Страсти обыкновенно скрываютъ отъ насъ препятствїя, и доводятъ человѣка до того безумїя, въ которомъ ему невозможное кажется возможнымъ, ибо онъ сильно желаетъ его. И такъ чѣмъ болѣе страстей, тѣмъ болѣе ожиданїй и горестныхъ обмановъ. Невѣроятность щастливаго успѣха возрастаетъ съ нескромными желанїями.

Часто гордость соединяется съ живостїю страстей — въ тѣхъ людяхъ, которые хвалятся щастїемъ какъ достоин-

ствомъ, и которые, подобно Цесарю, думаютъ, что лодка не утонетъ на морѣ, когда они сидятъ въ ней съ великими своими планами. Сїя мысль есть конечно заблужденїе, но можетъ быть полезна великимъ людямъ въ чрезвычайныхъ случаяхъ, особливо для ободренїя ихъ подчиненныхъ. Но естьли обыкновенные люди, и въ дѣлахъ общежитїя, такъ возмечтаютъ, то они безъ сомнѣнїя во многомъ ошибутся.

Почти всѣ безъ исключенїя излишно надѣятся на судьбу въ разсужденїи будущаго. Хотя многїе боязливы въ теченїе настоящаго дня; но въ душѣ ихъ таится мысль, что годы принесутъ имъ благополучїе. Они скупы на услуги и на деньги, требуемыя отъ нихъ сегодни, и весьма щедры на обѣщанїя, которыя надлежитъ имъ исполнить черезъ долгое время: ибо думаютъ, что обстоятельства ихъ будутъ тогда гораздо лучше. Кто же отъ случая ожидаетъ всегда прїятнаго, тотъ непремѣнно долженъ часто жаловаться на судьбу.

5. Безразсудныя надежды всего свойственнѣе лѣнивымъ людямъ, которые чѣмъ менѣе сами дѣйствуютъ, тѣмъ болѣе требуютъ отъ случая и другихъ людей. Кто желаетъ и надѣется имѣть

единственно то, что могутъ непосредственно доставить ему трудолюбіе, услуги и польза, дѣлаемая имъ обществу или нѣкоторымъ людямъ, тотъ, по крайней мѣрѣ въ главномъ, не будетъ обманутъ надеждою. Но кто ожидаетъ отъ случайныхъ обстоятельствъ, имъ не приготовленныхъ, какихъ нибудь чрезмѣрныхъ награжденій, и бросая изъ рукъ весло, хочетъ плыть однимъ благопріятнымъ вѣтромъ: тому, рано или поздно, быть Мизантропомъ! Древній Греческій Поэтъ сказалъ, что боги не даютъ, а продаютъ людямъ удовольствія за работу.

Однакожь неоспоримо и то, что есть на свѣтѣ щастье и нещастье. Одинъ всегда угадываетъ дѣйствіе судьбы, другой всегда ошибается при равномъ умѣ. Воля и разумъ перваго кажутся согласными съ тайными причинами Натуры; воля и разумъ втораго противны имъ. Сіе единообразіе жребія было замѣчено Древними и, подобно всякому чудесному явленію, увеличено выдумками; а какъ въ Натурѣ всего правильнѣе теченіе Планетъ, то вздумали ихъ дѣйствіемъ изъяснять судьбу нашу.

Иногда щастіе дѣйствуетъ обратно на человѣка и даетъ ему тѣ свойства, которыя ведутъ ко щастію. Кто часто

угадывалъ происшествія; тотъ бываетъ смѣлѣе и къ дѣламъ способнѣе. Смѣлость есть нужное свойство не только для исполненія, но и для сужденія о вещахъ. Кто же, безпрестанно обманываясь въ своихъ ожиданіяхъ, теряетъ довѣренность къ собственному разсудку, тотъ въ новомъ предпріятіи подобенъ робкому человѣку, который входитъ во многочисленное собраніе, ничего не видитъ, не слышитъ, говоритъ и поступаетъ какъ безумный. Мудрено ли, что онъ, не смотря на умъ свой, дурно соображаетъ обстоятельства, и не понимаетъ вещей, ясныхъ для ума спокойнаго?

Пусть гордятся щастливцы! однакожь и тѣ, которые часто бываютъ жертвою обмана, не должны унывать. Дѣятельный разумъ всего болѣе созрѣваетъ отъ своихъ ошибокъ, начиная внимательнѣе разсматривать какъ законы міра, такъ и методу заключеній своихъ, чтобы впредь заключать справедливѣе, или не огорчаться худымъ успѣхомъ самыхъ похвальныхъ предпріятій. Жребій человѣчества есть вообще — обманываться!

Міръ не для насъ однихъ созданъ; а мысли и желанія человѣка ограничиваются только его сферою. Каждый предметъ во вселенной имѣетъ свое дѣйствіе

и независимую отъ другихъ вещей цѣль. Всѣ такія дѣйствія смѣшиваются въ мірѣ: иногда согласны между собою, иногда противны одно другому. Есть безъ сомнѣнія общій планъ (такъ думаетъ всякой, кто вѣритъ Провидѣнію); но сей планъ для насъ тайна. Знаемъ единственно то, что, не смотря на бореніе стихій и всѣхъ дѣятельныхъ силъ, міръ существуетъ, *роды* сохраняются, и благо многихъ частей невредимо. Но дивиться ли мнѣ, что въ безконечномъ разнообразіи тѣлесныхъ и духовныхъ силъ, изъ которыхъ всякая, независимо отъ меня, дѣйствуетъ по своимъ законамъ, мои слабыя усилія исчезаютъ, и надежды, основанныя только на знаніи нѣкоторыхъ близкихъ ко мнѣ причинъ, остаются безъ исполненія?

Внѣшнее благо человѣка въ такой сложной системѣ конечно подвержено опасности; но внутреннее совершенство его имѣетъ свою независимость. Желанія наши не исполняются: что же намъ дѣлать? сложить руки и ждать судьбы? Но это невозможно человѣку, и благоразумный не захочетъ того. Или жаловаться на рокъ и досадовать? но пользы не будетъ и горе умножится горемъ. Что же остается человѣку? Быть независимымъ отъ

внѣшнихъ предметовъ, однакожь въ отношенїи къ нимъ не терять своей дѣятельности. Самыя его упражненїя, которыя питаютъ въ немъ моральное чувство и разсудокъ, должны быть для него цѣлїю и наградою за внѣшнїя его неудачи. Такимъ образомъ человѣкъ соединитъ двѣ вещи, которыя кажутся несовмѣстными: будетъ смѣло и весело приниматься за дѣло, какъ бы увѣренный въ щастливомъ успѣхѣ, и напередъ изготовится къ неудачѣ!

Сей мудрый человѣкъ умѣритъ свои ожиданїя и въ каждый планъ включитъ возможность ошибки; не радуясь излишно прежде времени, не будетъ и сокрушаться послѣ. То и другое благотворно для разума и моральнаго характера его.

Кто считаетъ себя единственнымъ или отдѣленнымъ отъ другихъ существомъ; кто свои идеи, чувства и желанїя ограничиваетъ только самимъ собою: тотъ обыкновенно ожидаетъ и требуетъ всего, что по его мнѣнїю принадлежитъ къ щастливой жизни, и радъ пожертвовать цѣлымъ мїромъ удовлетворенїю своей любимой склонности. Но узнавъ связь свою съ безчисленными тварями, имѣющими такое же право на щастїе, и видя, что всѣ желанїя ихъ не

могутъ быть исполнены, онъ научается умѣрять свои требованія. Но никакою теоріею не докажешь сего человѣку: одни опыты перемѣняютъ его мысли; а для того надобно часто обманываться въ своихъ ожиданіяхъ — видѣть, какъ небо, стихіи, гражданскія учрежденія и воля другихъ людей противятся нашимъ желаніямъ, планамъ и надеждамъ. Сперва онъ винитъ разумъ свой и несправедливость людей, а наконецъ открываетъ законъ Природы, что и вещи и люди *должны ограничивать другъ друга*; что всякая особенная сила стремится какъ можно далѣе распространить кругъ своего дѣйствія, но всѣ остаются въ нѣкоторой опредѣленной сферѣ. Для того мудрый человѣкъ старается напередъ ограничить свои желанія, какъ натура вещей ограничиваетъ дѣятельность его силы. Просвѣщенный временемъ и опытами, онъ уже не требуетъ того великаго участія въ земныхъ благахъ, которое въ юности и въ пылу страстей казалось ему вѣрною его собственностію.

Щастливъ тотъ, кто въ домашнихъ и общественныхъ дѣлахъ своихъ, въ работахъ ума и рукъ, умѣетъ быть ревностнымъ, какъ бы ожидая за то въ награду славы и щастія, но довольствуется

уваженіемъ не многихъ друзей и самымъ умѣреннымъ достаткомъ, какъ бы не зная своихъ талантовъ и великихъ трудовъ! Такимъ образомъ благоразумнѣе другихъ тотъ игрокъ, который во время игры старается не дѣлать ошибокъ, а при концѣ ея весело идетъ домой съ маленькимъ выигрышемъ.

II.

Игра судьбы.

Отрывокъ истинной исторіи.

Фридрихъ Г*, имѣя рѣдкія природныя способности, былъ воспитанъ благоразумнымъ отцомъ для свѣта, и душа его рано украсилась цвѣтами всѣхъ пріятныхъ наукъ. Онъ вступилъ въ военную службу Государя своего (*), которой скоро замѣтилъ въ немъ умъ необыкновенный. Г* пылалъ, такъ сказать, огнемъ юности: Государь также. Г* былъ живъ, предпріимчивъ: Государь любилъ такіе характеры. Г* умѣлъ блестящимъ остроуміемъ и жаромъ идей одушевлять свое обхожденіе, своею веселостію веселить дру-

---

(*) Одного владѣтельнаго Нѣмецкаго Принца.

гихъ и представлять все въ любезномъ видѣ; а Государь умѣлъ цѣнить такія достоинства, которыя были въ немъ самомъ. Всѣ его предпріятія и даже забавы показывали какое-то величіе духа; препятствія не казались ему страшны, и неудачи усиливали только его желаніе. Къ такимъ блестящимъ свойствамъ надобно еще прибавить наружную красоту, образъ цвѣтущаго здоровья и Геркулесовой силы, одушевленный краснорѣчивою игрою живаго ума; въ глазахъ, видѣ и походкѣ природное величество, смягчаемое благородною скромностію. Нравъ, разумъ и наружность вмѣстѣ плѣнили Принца такъ, что онъ безпрестанно хотѣлъ быть съ любезнымъ своимъ Г*. Одинакія лѣта, склонности и характеры произвели между ими такую связь, которая имѣла всю твердость дружбы и всю пылкость страсти. Г* летѣлъ въ чинахъ; но чины казались Принцу еще слабымъ изъявленіемъ его чувства. Щастье сего любимца расцвѣло вдругъ: ибо оно было твореніемъ его страстнаго друга. Двадцати-двухъ лѣтъ видѣлъ онъ себя на той степени, которою обыкновенные щастливцы заключаютъ свое теченіе. Но дѣятельный духъ его не могъ довольствоваться пустымъ блескомъ милости,

которою хотѣлось ему на самомъ дѣлѣ пользоваться. Между тѣмъ, какъ Государь стремился за вѣтреными удовольствіями, любимецъ сидѣлъ надъ книгами и бумагами, съ неутомимымъ прилѣжаніемъ посвящая себя дѣламъ, въ которыхъ наконецъ онъ столько успѣлъ, что всякое, хотя не много важное, шло черезъ его руки. Товарищъ въ игрѣ и забавахъ сдѣлался первымъ Совѣтникомъ и Министромъ Государя; одинъ раздавалъ награжденія, одинъ чины и достоинства.

Въ такихъ молодыхъ лѣтахъ и такъ скоро получивъ всѣ дары Фортуны, человѣкъ не можетъ наслаждаться ими съ умѣренностію. Голова любимца закружилась на сей высотѣ; достигнувъ до послѣдней цѣли своихъ желаній, онъ оставилъ за собою скромность. Униженіе знатныхъ, почтенныхъ стариковъ передъ юношею, произвело въ немъ надменность, а неограниченная власть Министра скоро открыла въ характерѣ его какую-то жестокость, которая прежде скрывалась подъ цвѣтами. У него не было труднаго и невозможнаго для друзей; но непріятели его трепетали! Онъ не зналъ мѣры ни въ благодѣяніяхъ, ни въ мести; обогащалъ другихъ болѣе, нежели самого себя, для того, чтобы они обожали

въ немъ творца ихъ щастія; но *минутная мысль*, а не справедливость, управляла его благодѣяніями. Своею гордою повелительностію онъ удалялъ отъ себя сердца одолженныхъ, а тайныхъ совмѣстниковъ своихъ превращалъ въ жестокихъ непріятелей.

Въ числѣ людей, смотрѣвшихъ на всѣ дѣла его глазами ядовитой зависти и втайнѣ готовившихъ его паденіе, былъ Мартиненго, Италіянской Графъ, котораго самъ Г* помѣстилъ при Дворѣ какъ человѣка совсѣмъ неопаснаго, чтобы онъ въ ежедневныхъ Принцевыхъ весельяхъ занялъ его мѣсто, оставленное имъ для Министерской дѣятельности. Почитая сего Италіянца дѣломъ рукъ своихъ, которое онъ по волѣ могъ въ одну минуту разрушить, Г* хотѣлъ привязать его къ себѣ и страхомъ и благодарностію; но сдѣлалъ такую же ошибку, какъ Ришельё, которой позволилъ молодому Леграну веселить Лудовика XIII, съ тою розницею, что Г* не умѣлъ поправить сей ошибки такъ скоро, какъ Ришельё, и что врагъ его былъ гораздо хитрѣе Леграна. Мартиненго не только не гордился своимъ щастьемъ; не только боялся показать, что покровитель ему уже

не надобенъ; но всячески изъявлялъ свою покорность и зависимость въ разсужденіи Министра. Между тѣмъ онъ старался какъ можно чаще быть съ Принцемъ, болѣе и болѣе входить къ нему въ довѣренность, и дѣлаться ему нужнымъ; скоро узналъ наизусть его характеръ, и непримѣтнымъ образомъ вошелъ къ нему въ особенную милость. Всѣ хитрости, презрѣнныя благороднымъ и гордымъ Министромъ, были употреблены Италіянцомъ, которой не упускалъ и самыхъ подлыхъ средствъ для успѣха въ своихъ намѣреніяхъ. Зная, что на пути порока всего нужнѣе человѣку вождь и товарищь; зная, что довѣренность въ слабостяхъ есть самая надежная для придворнаго, онъ возбудилъ въ Принцѣ низкія страсти, которыя въ немъ таились, и до того времени не дѣйствовали въ его сердцѣ; возбудивъ же, представилъ себя въ помощники; велъ нещастнаго отъ слабости къ новымъ слабостямъ, и сдѣлался его повѣреннымъ въ такихъ дѣлахъ, которыя для всѣхъ другихъ были тайною. Такимъ образомъ удалось ему на развращеніи Принца основать гнусный планъ своего щастія; глубокое таинство было его средствомъ — и по тому онъ овладѣлъ сердцемъ Государя прежде, нежели Г*

могъ вообразить, что у него есть совмѣстникъ.

Чудно покажется, что сей Министръ не примѣтилъ такой важной перемѣны; но гордость его не дозволяла ему никого бояться, особливо же человѣка, имъ презираемаго. Мартиненго съ своей стороны всячески берегся, чтобы не вывести его изъ высокомѣрнаго заблужденія. Паденіе нещастнаго Г* было дѣйствіемъ той же самой причины, отъ которой тысячи Министровъ прежде его падали на скользскомъ пути Двора; сія причина есть излишняя надежность на самого себя. Тайныя связи Принца съ Италіянскимъ Графомъ его не безпокоили; съ радостію уступалъ онъ новому любимцу такую довѣренность, которая всегда казалась ему презрительною, и черезъ которую хотѣлъ онъ только возвыситься. Легкомысленный Министръ безразсудно отталкнулъ лѣсницу, которая возвела его на желаемую высоту!

Мартиненго былъ не такой человѣкъ, чтобы довольствоваться второю степенію. Чѣмъ болѣе милости оказывалъ къ нему Государь, тѣмъ смѣлѣе становились его желанія, и честолюбіе его потребовало рѣшительнаго удовлетворенія. Трудная роля покорнаго, которую онъ все еще

игралъ передъ своимъ благодѣтелемъ, тяготила его часъ отъ часу болѣе, по мѣрѣ возрастающей его надменности. Обхожденіе Министра не только не соображалось съ его быстрыми успѣхами въ пріобрѣтеніи Государевыхъ милостей, но еще, какъ бы нарочно, давало ему по временамъ чувствовать прежнюю его ничтожность. Наконецъ вѣчное принужденіе стало ему несносно, и Мартиненго сочинилъ на досугѣ вѣрный планъ для погибели Министра. Еще не смѣлъ онъ вступить съ нимъ въ явный бой: хотя Г* и вышелъ уже изъ модныхъ любимцевъ, но старинная привязанность не могла еще истребиться; какой нибудь новой случай могъ возобновить ее. Хитрый Италіянецъ чувствовалъ, что ему должно поразить его тайнымъ и смертельнымъ ударомъ. Государь любилъ уже менѣе друга своего, но тѣмъ болѣе уважалъ его; и мало занимаясь дѣлами, имѣлъ нужду въ такомъ человѣкѣ, которой вѣрою и правдою служилъ ему. Министръ могъ быть еще важнѣе друга.

Какими точно средствами Италіянецъ достигъ до цѣли своей, осталось тайною между виновниками и жертвами сего приключенія. Думаютъ, что онъ открылъ Государю весьма подозрительную

переписку Г* съ однимъ иностраннымъ Дворомъ: истинную или вымышленную, о томъ мнѣнія несогласны. Какъ бы то ни было, но онъ ужаснымъ образомъ исполнилъ свое желаніе. Г* показался Государю самымъ неблагодарнымъ и гнуснымъ измѣнникомъ, котораго преступленіе ясно и доказано. Все сіе было тайною между Принцомъ и его новымъ другомъ, такъ, что Г* ни мало не примѣтилъ тучи надъ головою своею, и былъ покоенъ до самой той минуты, въ которую величіе его какъ привидѣніе исчезло, и предметъ зависти обратился въ предметъ сожалѣнія.

Когда насталъ сей рѣшительной день, Г* по своему обыкновенію явился на вахтпарадѣ, гдѣ гордость его утѣшалась низкими поклонами знатныхъ людей, и гдѣ нѣсколько пріятныхъ минутъ удовольствованнаго самолюбія награждали его за цѣлой день тяжелой работы. Тутъ всѣ люди приближались къ нему съ почтительною робостію, а тайные непріятели съ трепетомъ, занимаясь имъ болѣе, нежели самимъ Принцомъ; ибо не столь полезно было нравиться Государю, сколь ужасно было не понравиться Визирю. Мѣсто его величія избрали нарочно для его униженія.

Съ покойнымъ и безпечнымъ видомъ вступилъ онъ въ знакомый кругъ свой, который, подобно ему, ничего не зная, разступился передъ нимъ въ ожиданіи его повелѣній. Вдругъ является Мартиненго съ Адъютантами, уже не въ видѣ гибкаго, низкаго, льстиваго придворнаго, но какъ грозной судія, какъ спесивый слуга, которой сталъ господиномъ; идетъ прямо къ нему, и, не снимая шляпы, именемъ Государя требуетъ его шпаги. Изумленный Министръ въ безмолвіи подаетъ ее. Мартиненго, обнаживъ шпагу, и переломивъ на-двое, бросаетъ обломки на землю. Въ сіе мгновеніе два Адъютанта схватили Г*: одинъ срываетъ съ него звѣзду и ленту, другой эполеты. Все сіе дѣлается съ невѣроятною скоростію, и пять сотъ человѣкъ стоятъ кругомъ въ глубокомъ молчаніи, не смѣя дышать, съ блѣдными лицами, безъ души, какъ мертвые. Многіе на мѣстѣ Г* въ такую минуту ужаса безъ памяти упали бы на землю; но крѣпкія нервы его и твердая душа вынесли все... Страшныхъ чувствъ его описать не возможно.

По окончаніи сего дѣйствія ведутъ нещастнаго, сквозь ряды зрителей, на другой конецъ параднаго мѣста, гдѣ закрытая коляска ожидаетъ его. Однимъ

взоромъ велятъ ему сѣсть въ нее; Гусары провожаютъ его. Между тѣмъ слухъ о томъ разнесся по городу; всѣ окна отворяются; всѣ улицы наполнены любопытными, которые съ крикомъ бѣгутъ за нимъ, и произносятъ имя его то съ насмѣшкою, то съ радостїю, то съ сожалѣнїемъ, не менѣе оскорбительнымъ. Наконецъ вывозятъ его изъ города; но тутъ новый ужасъ ему представляется. Коляска своротила въ сторону съ большой дороги, и ѣдетъ по мѣстамъ дикимъ, гдѣ не встрѣчается ни одного человѣка. Какой судьбы могъ ожидать нещастный? Въ страшной жаръ, съ несносною жаждою, безъ всякаго утѣшенїя, не слыша голоса человѣческаго, проводитъ онъ цѣлые десять часовъ. Наконецъ, при захожденїи солнца, коляска остановилась у цѣли своей . . . передъ крѣпостью. Безъ чувства, и въ какомъ-то среднемъ состоянїи между жизнїю и смертїю, вытащили его изъ коляски — и черезъ нѣсколько минутъ приходитъ онъ въ себя . . . въ ужасной ямѣ, подъ землею. Первый предметъ для открывшихся глазъ его есть темничная стѣна, освѣщенная слабыми лучами мѣсяца, которые проницаютъ сквозь трещины высокаго свода. Подлѣ него кусокъ чернаго хлѣба и кружка

воды; а съ другой стороны связка соломы.

На другой день, въ полдень, открывается въ верху темницы западня; выставляются двѣ руки, которыя опускаютъ хлѣбъ и воду. Тутъ еще въ первой разъ чувство живой и нетерпѣливой горести заставило его спросить: какъ онъ попалъ въ это мѣсто? и въ чемъ состоитъ вина его? Но нѣтъ отвѣта; руки исчезли; отверстїе закрылось.

Не видя лица, не слыша голоса человѣческаго, не имѣя ни малѣйшаго свѣдѣнїя о причинѣ такой грозной судьбы, теряясь въ неизвѣстности и будущаго и прошедшаго, не освѣщенный ни однимъ прїятнымъ лучемъ солнца, не прохлажденный ни однимъ свѣжимъ дуновенїемъ вѣтерка, удаленный отъ всякой помощи, забытый свѣтомъ, счелъ онъ въ семъ страшномъ мѣстѣ 495 ужасныхъ дней по сухимъ кускамъ хлѣба, ежедневно къ нему опускаемымъ сверху, въ непремѣнномъ и печальномъ единообразїи.

Но открытїе, сдѣланное имъ еще въ первые дни заключенїя, исполняетъ мѣру его страданїй. Онъ узналъ это мѣсто.... самъ онъ приготовлялъ его для одного заслуженаго Офицера, которой по нещастїю досадилъ ему; самъ Г* выдумывалъ

средства умножить его ужасы! Сей, наконецъ освобожденный старикъ былъ не задолго передъ тѣмъ пожалованъ въ Коммендантъ сей крѣпости, и такимъ образомъ изъ жертвы Министровой злобы сдѣлался властелиномъ судьбы его. Нещастный Г* не имѣлъ уже и послѣдней печальной отрады сожалѣть о себѣ и укорять судьбу несправедливостїю. Съ физическимъ страданїемъ соединились еще презрѣнїе къ собственной жестокости и горесть зависѣть отъ великодушїя такого непрїятеля, противъ котораго онъ самъ не былъ великодушнымъ: горесть несносная для гордаго сердца!

Но сей добродушный человѣкъ не зналъ подлой мести. Ему тягостно было исполнять жестокїя предписанїя начальства въ разсужденїи нещастнаго Министра; но будучи старымъ воиномъ, и привыкнувъ точно слѣдовать повелѣнїямъ, онъ могъ только искренно сожалѣть объ немъ.

Г* нашелъ дѣятельнѣйшаго друга въ гарнизонномъ Проповѣдникѣ, которой, узнавъ наконецъ по слуху о заключенномъ въ крѣпости, рѣшился быть его утѣшителемъ. Сей добродѣтельный человѣкъ, котораго имя хотѣлось бы мнѣ объявить свѣту, думалъ, что долгъ пастырскаго

сана заставляетъ его помочь нещастному, всѣми оставленному.

Не получивъ отъ Коммендантa дозволенія видѣть заключеннаго, онъ спѣшилъ въ столицу, и упалъ въ ноги Государю, моля его умилосердиться надъ нещастнымъ, которой безъ Христіянской помощи можетъ притти въ отчаяніе. Съ жаромъ и съ твердостію добродѣтели, основанной на исполненіи священнаго долга, онъ требовалъ, чтобы ему позволили имѣть свободный доступъ къ страдальцу, духовному сыну его, за душу котораго онъ долженъ отвѣчать Небу. Краснорѣчіе его было убѣдительно; къ тому же время прохладило уже гнѣвъ Принца. Онъ согласился.

Такимъ образомъ Г* черезъ 16 мѣсяцевъ въ первый разъ увидѣлъ человѣческое лицо. Единственнымъ другомъ своимъ въ мірѣ онъ былъ обязанъ нещастію; въ благоденствіи своемъ не умѣлъ нажить его! Ему казалось, что Ангелъ Божій передъ нимъ явился. Не описываю его чувствъ. Но отъ сего дня слезы его были сладостнѣе: ибо другой человѣкъ оплакивалъ судьбу его!

Ужасъ овладѣлъ Проповѣдникомъ, когда онъ вступилъ въ темницу. Глаза его искали человѣка — но одна страшная, грозная тѣнь пресмыкалась во мракѣ

такого мѣста, которое походило болѣе на убѣжище дикаго звѣря, нежели на мѣсто человѣческаго пребыванія. Блѣдный, мертвый оставъ; никакого жизненнаго цвѣта въ лицѣ, изсушенномъ вѣчною горестію; борода и ногти страшные; платье сгнившее, и воздухъ зараженный ядомъ нечистоты — такъ нашелъ онъ любимца Фортуны!... Пораженный симъ видомъ, добродѣтельный мужъ спѣшилъ къ Коммендантту, чтобы выходить для нещастнаго другое благодѣяніе, безъ котораго первое не могло имѣть никакого дѣйствія.

Но Коммендантъ вторично отговорился непремѣннымъ повелѣніемъ Начальства. Тогда великодушный Проповѣдникъ въ другой разъ осмѣлился прибѣгнуть къ Государю, объявляя, что онъ не можетъ удостоить заключеннаго Святыхъ Христіянскихъ Таинствъ, пока не возвратятъ ему нѣкотораго подобія человѣческаго. Принцъ исполнилъ и вторичную прозьбу — и съ сего дня снова ожилъ нещастный Г*.

Еще нѣсколько лѣтъ прожилъ онъ въ крѣпости; но заключеніе его смягчилось: ибо краткое лѣто новаго любимца скоро прошло; а тѣ, которые въ свою очередь заступали его мѣсто, были человѣколюбивѣе, или не имѣли причинъ мстить Барону Г*. Наконецъ, черезъ десять лѣтъ,

насталъ день избавленія — но безъ всякаго судебнаго изслѣдованія, безъ всякаго законнаго оправданія. Онъ получилъ свободу какъ даръ изъ рукъ милости, съ приказаніемъ выѣхать навсегда изъ отечества.

Здѣсь оставляютъ меня извѣстія, собранныя мною изъ однихъ устныхъ преданій, о судьбѣ его; и я долженъ пропустить цѣлыя двадцать лѣтъ. Между тѣмъ Баронъ Г* снова вступилъ въ военную, иностранную службу, и дослужился до той же степени, съ которой упалъ онъ въ своемъ отечествѣ. Время, другъ нещастныхъ, котораго правосудіе рано или поздно дѣйствуетъ, взяло на себя и его дѣло. Лѣта страстей прошли для Государя, и человѣчество возбудилось въ его сердцѣ, когда волосы на головѣ побѣлѣли. За два шага до гроба онъ почувствовалъ желаніе увидѣть любимца своей юности; и чтобы наградить старца за претерпѣнное имъ въ лѣтахъ мужества, онъ призвалъ Барона въ отечество, къ которому давно уже стремилось собственное сердце его. Сіе свиданіе было трогательно. Изгнанника приняли такъ дружелюбно, какъ будто бы они только наканунѣ разстались! Государь долго смотрѣлъ съ разсмышленіемъ на то лицо, которое было ему

нѣкогда столь извѣстно и сдѣлалось наконецъ совсѣмъ чуждо! Казалось, что онъ исчислялъ на немъ углубленные знаки горести и страданія! Онъ хотѣлъ въ чертахъ старца найти любезныя черты юноши; но напрасно искалъ ихъ!

Съ обѣихъ сторонъ принуждали себя къ холоднымъ изъявленіямъ дружества. Стыдъ и страхъ навѣки удалили сердца ихъ другъ отъ друга. Видъ человѣка, который напоминалъ ему жестокое легковѣріе, не могъ нравиться Государю. Баронъ не могъ уже любить виновника своихъ бѣдствій; но тихо и покойно смотрѣлъ онъ на прошедшее, подобно какъ человѣкъ радуется минувшимъ ужаснымъ сновидѣніемъ.

Скоро Баронъ Г* вступилъ во всѣ прежнія свои должности, и Принцъ, побѣждая внутреннее отвращеніе, осыпалъ его милостями. Но могъ ли онъ возвратить ему сердце юное и радостное? могъ ли возвратить лѣта надежды, и выдумать для старца такое щастіе, которое наградило бы его за тоску долговременную?

Еще 19 лѣтъ наслаждался Баронъ Г* симъ яснымъ вечеромъ жизни. Ни судьба, ни старость не могли совершенно погасить въ немъ огня душевнаго и пылкости страстей. Еще на шестидесятомъ году

своемъ онъ стремился за тѣнїю того блага, которымъ существенно владѣлъ на двадцатомъ. Онъ умеръ наконецъ... въ чинѣ Губернатора крѣпости * * *, гдѣ содержались государственные преступники. Читатель увѣренъ, что Баронъ Г*, узнавъ опытомъ нещастїе, человѣколюбиво обходился съ заключенными?... Нѣтъ! онъ тиранствовалъ надъ ними, и неумѣренное сердце на одного изъ нихъ положило его во гробъ на осьмидесятомъ году жизни!

Шиллеръ.

III.

Бѣдный Жакъ.

Всѣмъ извѣстенъ трогательный *романсъ бѣднаго Жака* (*); но не многїе знаютъ то, что служило поводомъ къ его сочиненїю.

Въ то время, какъ всѣ Принцы Крови, желая отдохнуть отъ скучнаго и тягостнаго принужденїя, которое царствовало въ Версалїи, завели собственные сельскїе

(*) Онъ извѣстенъ и нашимъ Дамамъ, любящимъ музыку, и начинается: pauvre Jacques, quand j'étois près de toi, je ne sentois pas ma misère.

домы, одна скромная, бережливая Елисавета отказалась отъ сего удовольствія, чтобы не умножить великихъ государственныхъ расходовъ. Король, угадывая чувства любезной сестры своей и зная всѣ ея тайныя добродѣтели, хотѣлъ пріятнымъ образомъ удивить ее и купилъ прекрасной сельской домъ въ Монтрёлѣ, который должна была продать Принцесса Гемене, чтобы удовольствовать своихъ заимодавцевъ. Тамъ Елисавета въ первой молодости своей часто бывала и веселилась. Король и Королева однажды уговорили ее вмѣстѣ съ ними ѣхать туда; и въ самое то время, какъ она съ радостію воспоминала пріятные случаи дѣтства своего, Марія Антуанета сказала ей: „это вашъ собственной домъ!“ Принцесса заплакала отъ чувствительности, и посвятила сіе мѣсто спокойствію и дружбѣ. Величайшимъ удовольствіемъ было для нее то, что она могла тутъ же купить маленькой домикъ для Баронессы Мако (прежней своей любезной воспитательницы), котораго садъ соединялся съ ея садомъ; съ нею и съ двумя дочерми ея, Маркизами Бомбель и Соси, жила она въ сердечной, искренней дружбѣ. Какъ сердце добродѣтельной Принцессы наслаждалось въ Монтрёлѣ любезною Натурою и дружбою,

и какъ ничтожны казались ей всѣ хитрости, всѣ пустые разговоры Двора! Она, подобно бабкѣ свой, Герцогинѣ Бурбонской, любила сельскія упражненія; подобно ей завела у себя хуторъ, и наконецъ желала имѣть Швейцарскихъ коровъ вмѣстѣ съ Швейцарскою пастушкою, которая ходила бы за ними. Выборъ палъ на Марію. Она была прекрасна и невинна, какъ большая часть горныхъ пастушекъ; на осьмнадцатомъ году узнала любовь, и съ радостію отдала свое сердце Жаку, молодому пастуху. Марія, выгоняя коровъ на лугъ, всегда находила на большомъ камнѣ букетъ самыхъ лучшихъ цвѣтовъ. Сердце ея догадывалось, кто нарвалъ ихъ; она съ улыбкою говорила: „это бѣдной мой Жакъ; „онъ всегда обо мнѣ думаетъ!“ садилась подъ тѣнію сосны и плела корзинки, смотря вокругъ себя, и желая увидѣть Жака. Раздавались звуки свирѣли — и сердце ея летѣло на встрѣчу къ нимъ. Но стыдливость удерживала прекрасную; не вставая съ мѣста, она тихонько пѣла Жакову пѣсню — и пастушокъ являлся; садился рядомъ съ нею; начиналъ говорить о томъ же, о чемъ наканунѣ говорили — и всякое слово было вдохновеніемъ невинности. Такъ прошло лѣто. Маріины родители не знали о любви ихъ: Жакъ боялся своей

бѣдности, и не смѣлъ посвататься. Выпалъ снѣгъ, и пастухи сошли въ долину. Марія во всю зиму не отходила отъ матери, и съ нетерпѣніемъ ожидала весны, чтобы увидѣться съ другомъ, которой жилъ въ другомъ селеніи. Уже запѣли жаворонки, и доброй Жакъ нарвалъ фіялокъ и гіацинтовъ, чтобы встрѣтить съ ними Марію на горѣ въ дубовой рощѣ.... Вдругъ незнакомый является въ ея хижинѣ, и говоритъ отцу: „я присланъ купить „лучшихъ коровъ стада твоего для сестры „Короля Французскаго.“ — „Съ радостію „продамъ ихъ,“ отвѣчалъ старикъ, которой служилъ въ гвардіи Лудовика XV: „естьли это для Елисаветы, то позволь мнѣ самому выбрать; я видѣлъ ее въ „пеленкахъ; видѣлъ, какъ она росла, и „день отъ дня становилась прекраснѣе, „умнѣе; на лицѣ у нее написано было „добродушіе.“ Коммиссаръ предложилъ и другое желаніе Елисаветы; старикъ также не задумавшись далъ слово. Марія, сидя въ углу, слушала сіи договоры, и честь пасти коровъ Принцессиныхъ не могла наградить ее за горесть разлуки съ милымъ Жакомъ. Но отецъ велѣлъ, мать плакала, а дочь ушла на минуту, чтобы извѣстить друга о бѣдѣ ихъ. Марія, скрывая тоску свою, старалась утѣ-

шить нѣжнаго любовника, и говорила, что Принцесса, которой добродѣтель всѣмъ извѣстна, вѣрно примѣтитъ ея горесть, узнаетъ, и найдетъ способъ соединить ихъ; что она богата, а богатымъ все возможно. Любовники разстались. Марія съ отчаянїемъ возвратилась въ хижину, думая: „никогда, никогда не увижусь съ нимъ!“ Пришла минута отъѣзда. Отецъ велѣлъ Марїи служить вѣрно Принцессѣ; а мать велѣла ей сохранить сердечную невинность свою среди придворныхъ соблазновъ. Она прїѣхала въ Монтрёль въ Швейцарской одеждѣ своей, украшенная одною Натурою. Елисавета приняла ее съ обыкновенною своею милостїю: Марїя закраснѣлась и не могла сказать ни слова; пасла, доила коровъ своихъ; время летѣло для другихъ, но ей всякая недѣля казалась годомъ. Тихая меланхолїя изображалась во всѣхъ ея чертахъ. Любезная и чувствительная Госпожа Бомбель замѣтила горесть пастушки, которая нравилась ей милою невинностїю и скромнымъ своимъ поведенїемъ. „Добрая пастушка!“ сказала ей однажды Маркиза: „ты всегда унылa и печальна: вѣрно тоскуешь „по горамъ своимъ? вѣрно здѣшняя жизнь „тебѣ не нравится?“ Марїя всегда желала такого вопроса; однакожь замѣша-

лась, и съ великимъ трудомъ могла разсказать любовный романъ свой, смотря въ землю. Маркиза слушала ее съ великимъ вниманіемъ, и дала слово быть ея покровительницею. Ввечеру она говорила о Маріиной исторіи съ мужемъ своимъ и съ пріятельницами, изъ которыхъ одна, Госпожа Траване, соединяя съ рѣдкою любезностію рѣдкіе таланты, въ нѣсколько минутъ сочинила слова и музыку прекраснаго *романса*, которой никогда не потеряетъ цѣны своей.

Условились, чтобы пастушка выучила его наизусть и запѣла при Елисаветѣ, которая всякой день гуляла въ саду, гдѣ она пасла коровъ. У Маріи былъ пріятной голосъ, и сердце помогло ей выучить трогательную мелодію, которая столь мило выражаетъ любовь простую и сельскую. Не смотря на робость свою, она спѣла ее лучше всякой театральной пѣвицы. Елисавета слушала съ удивленіемъ и спросила, кто выучилъ ее пѣть? *Любовь*, отвѣчала Госпожа Бомбель, и разсказала ей всю исторію. Принцесса увѣряла Марію, что она не забудетъ ее. „А Жака?“ спросила обрадованная пастушка съ видомъ неизъяснимой любезности. *И Жака*, отвѣчала Елисавета, и въ ту же минуту велѣла другу

своему, Маркизѣ Бомбель, написать обо всемъ къ отцу ея. Жакъ черезъ нѣсколько недѣль пріѣхалъ въ Монтрёль, и женился на Маріи. Елисавета построила имъ маленькой домикъ въ саду, и надѣлила ихъ всѣмъ нужнымъ для хозяйства. Они жили щастливо, и молились Богу за свою благотворительницу.

(*Изъ Фр. Жур.*)

IV.

О Крокодилѣ.

Въ Европѣ думаютъ обыкновенно, что крокодилъ есть ужасъ Египта и Нила; но сей *двустихійной* звѣрь не показывается никогда въ Нижнемъ Египтѣ: его можно видѣть только въ Тебаидѣ и выше. Онъ выходитъ изъ воды въ жаркіе дни, когда Нилъ сбываетъ, и ложится на песокъ. Это случилось мнѣ видѣть въ Апрѣлѣ и въ Маѣ. Крокодилъ любитъ мѣста уединенныя; знаетъ, кажется, свою опасность, и только шаговъ на шесть удаляется отъ рѣки. Всякой шумъ пугаетъ его, и я не могъ никогда приближиться къ нему на ружейный выстрѣлъ.

Но какъ сїе животное имѣетъ весьма твердую чешую, то его весьма трудно застрѣлить: надобно попасть непремѣнно въ пахъ, или никакая пуля не сдѣлаетъ ему вреда. Я нашелъ въ Дендерѣ одного *Кашефа*, которой былъ великой мастеръ стрѣлять крокодиловъ; онъ убилъ ихъ сряду восемь, и поставилъ на террассѣ своего дому, такъ, что издали они казались совершенными пушками. Жители Египта такъ же радуются, застрѣливъ крокодила, или поймавъ въ сѣти, какъ Европейцы бываютъ довольны, убивъ волка. Я не видалъ ни одного крокодила болѣе десяти футовъ въ длину. Просперъ Альпинъ говоритъ о крокодилѣ мѣрою въ 30 аршинъ; но должно замѣтить, что сей Авторъ не былъ въ Верхнемъ Египтѣ, и повѣрилъ конечно ложнымъ извѣстїямъ. Славный Норденъ пишетъ, что онъ видѣлъ сихъ животныхъ въ 50 футовъ длиною; я думаю, что онъ также обманулся. По крайней мѣрѣ тамошнїе жители никогда такихъ не видали.

Что принадлежитъ до опасности быть жертвою крокодила, то она совсѣмъ не такъ велика, какъ обыкновенно думаютъ. Вообще кажется, что онъ боится человѣка: ибо не любитъ обитаемыхъ мѣстъ;

и чѣмъ далѣе ѣдешь къ Нильскимъ порогамъ, тѣмъ болѣе находишь крокодиловъ. Равнодушіе, съ которымъ жители ходятъ по берегу Нила и купаются въ немъ, увѣрило меня, что они ихъ не боятся.

Но при удобномъ случаѣ сей коварной звѣрь схватываетъ овцу, козу, осла, младенца, и съ добычею своею скрывается въ рѣкѣ. Только въ одномъ мѣстѣ, гдѣ женщины берутъ воду, я видѣлъ загородку изъ тростника, сдѣланную для защиты отъ крокодиловъ. Тутъ одинъ изъ нихъ оторвалъ грудь у женщины, которая черпала воду.

Достойно примѣчанія то, что сей звѣрь, выходя изъ воды, всегда бываетъ окруженъ множествомъ большихъ птицъ, особливо пеликанами. Какая можетъ быть связь между животными, столь различными? Извѣстно, что цапля отмѣнно любитъ коровъ и быковъ, отъ чего по-Французски называютъ ее garde-boeuf: можно заключить, что между крокодиломъ и пеликаномъ есть также непонятная для насъ симпатія.

Франкъ, Докторъ Французской Восточной арміи.

V.

Воздушное путешествіе.

(Гарнеренъ, о которомъ часто говорили въ Вѣдомостяхъ, нынѣ въ Лондонѣ и занимаетъ всю тамошнюю публику своимъ аэростатомъ. Слѣдующее описаніе Англичанина Соденa, который заплатилъ 8000 рублей за удовольствіе полетать съ нимъ, напечатано во всѣхъ Журналахъ. Оно можетъ быть любопытно и для нашихъ Читателей.)

Всѣ спрашиваютъ у меня, что я чувствовалъ на высотахъ воздушныхъ; по тому считаю долгомъ описать свое путешествіе и можетъ быть опровергнуть нѣкоторыя ложныя о томъ идеи. Какъ скоро шаръ тронулся, на насъ упало нѣсколько дождевыхъ капель. Достигнувъ до вышины пяти или шести сотъ саженъ, я просилъ Г. Гарнереня не подниматься выше, пока не удалимся отъ Лондона, чтобы народъ могъ долѣе видѣть насъ. Мы пролетѣли сквозь весьма густыя облака, въ которыхъ я замѣтилъ три различные слоя; въ первомъ изъ нихъ термометръ показывалъ 15 градусовъ холода — что заставило меня надѣть капотъ. Но далѣе воздухъ сталъ теплѣе, и термометръ остановился на 5 градусахъ тепла. Тогда казалось намъ, что мы совсѣмъ не двигаемся съ мѣста. Я предло-

жилъ Г. Гарнереню обѣдать, и вынулъ запасъ свой, состоявшій въ ветчинѣ, холодномъ мясѣ, пирогѣ и двухъ бутылкахъ оржата; а что принадлежитъ до вина и водки, то ихъ весьма опасно пить въ семъ чистомъ и тонкомъ воздухѣ. Прозябнувъ отъ холода, мы ѣли съ великимъ вкусомъ. Тутъ облака вокругъ насъ освѣтились и открыли намъ прекрасную на землѣ картину. Отъ тонкости ли воздуха, или отъ яркаго освѣщенія предметовъ, я могъ видѣть внизу все очень ясно, имѣя впрочемъ слабое зрѣніе. Земля казалась намъ большою ландкартою или *панорамою*, верстъ 100 въ окружности, гдѣ мы видѣли не только дороги, но даже и колеи, даже всѣ борозды на поляхъ. Чувство слуха сдѣлалось также гораздо тонѣе: ибо, будучи отъ земли въ четырехъ верстахъ, мы слышали стукъ каретъ на дорогахъ, блеяніе овецъ и восклицанія зрителей, хотя въ тоже самое время почти не слыхали собственныхъ словъ своихъ; я увѣренъ, что зрители посредствомъ трубы могли бы все сказать намъ. Чувства мои на сей высотѣ были совершенно противны общему мнѣнію. Многіе ученые люди говорили мнѣ, что холодъ долженъ усиливаться по мѣрѣ возвышенія отъ земли: вмѣ-

сто того я принужденъ былъ раздѣться отъ жара. Думаютъ также, что на такой высотѣ кружится голова, когда посмотришь внизъ: могу увѣрить, что это не правда. Но взглянувъ на неизмѣримое пространство вокругъ насъ, я вдругъ лишился зрѣнія на нѣсколько минутъ. Хотя мы неслись съ величайшею быстротою, однакожь не чувствовали никакого гнетенія отъ воздуха; онъ такъ былъ тихъ, что знамена наши ни мало не шевелились. Я замѣтилъ, что каждый слой облаковъ перемѣнялъ не только атмосферу, но и вѣтеръ; наконецъ онъ поворотилъ насъ къ Эппингскому лѣсу, который въ семъ отдаленіи казался смородиннымъ кустарникомъ. Я указывалъ на картѣ путь нашъ Г. Гарнереню, говоря, что мы скоро увидимъ море. Въ самомъ дѣлѣ оно черезъ нѣсколько минутъ открылось. Тогда Г. Гарнеренъ сказалъ мнѣ, что намъ немедленно должно спускаться, и примолвилъ, указывая на одно облако: „надобно пробиться сквозь *эту заставу*; держитесь крѣпко; мы сломимъ себѣ голову.“ *На все готовъ*, отвѣчалъ я. Мы открыли заслонку, и такъ быстро полетѣли внизъ, сквозь дождь, туманъ и страшные порывы вѣтра, что предсказаніе моего товарища всякую минуту могло

исполниться. Онъ ни мало не тревожился. и совѣтовалъ мнѣ, какъ скоро приближимся къ землѣ, держаться крѣпко за веревку, на которой висѣла наша лодка. Эта предосторожность спасла меня отъ смерти: такъ силенъ былъ ударъ! Аэростатъ катился по землѣ съ великимъ стремленіемъ, и наконецъ, зацѣпившись якоремъ своимъ за дерево, мы думали, что вся опасность миновалась. Тутъ былъ маленькой домикъ, изъ котораго выбѣжали крестьяне. Мы бросили имъ веревки и звали ихъ къ себѣ на помощь; но они стояли какъ деревянные, и ни прозьбы, ни угрозы не могли ихъ тронуть. Послѣ намъ сказывали, что они приняли насъ за волшебниковъ. Черезъ три минуты вѣтромъ оторвало нашъ якорь, и мы опять поднялись вверхъ саженъ на 100. Г. Гарнеренъ, бросал веревки крестьянамъ, выпустилъ изъ руки ту, которая была привязана къ заслонкѣ, и шаръ понесло вѣтромъ; мнѣ удалось, къ щастью, достать ее рукою. Насъ такъ сильно ударило объ дерево, что Г. Гарнеренъ, хотѣвъ поддержать меня, едва-было не вылетѣлъ изъ лодки. Шаръ зацѣпился за вѣтвь, которая прервала его; тутъ Г. Гарнеренъ закричалъ: „теперь мы будемъ живы!“ и лодка наша стала на землѣ.

VI.

Письмо изъ Неаполя.

Въ Музеумѣ Короля Неаполитанскаго, въ Портичи, давно уже собрано около 1800 манускриптовъ на папирусѣ, найденныхъ въ Геркуланскихъ развалинахъ. До сего времени успѣли разобрать только одно, совсѣмъ не важное сочиненїе Филодемово о музыкѣ. Его Высочество, Принцъ Валлисскїй, просилъ Неаполитанскаго Короля дозволить Господину Гетеру, одному изъ его Библїотекарей, разсмотрѣть сїи манускрипты и напечатать изъ нихъ все любопытное.

Г. Гетеръ взялся за сїе дѣло съ неописанною ревностїю, не жалѣя никакихъ трудовъ, нужныхъ для развертыванїя тлѣнныхъ рукописей, которыя суть ничто иное, какъ пепелъ, и могутъ исчезнуть отъ вѣтерка, даже отъ самаго неосторожнаго дыханїя.

Сей ученый Британецъ награжденъ за трудъ свой: онъ нашелъ Эпикурово сочиненїе *о естествѣ вещей*, которое до сего времени было только извѣстно по тому, что говорятъ объ немъ разные древнїе Авторы, и которое служило основанїемъ прекрасной Лукрецїевой Поэмы. Теперь

списываютъ сей манускриптъ, и скоро отдадутъ его въ печать.

Г. Гетеръ употребляетъ десять человѣкъ для развертыванія листовъ, и будетъ заниматься только важными сочиненіями, историческими, стихотворными и такими, которыя любопытны по извѣстному имени своихъ Авторовъ.

VII.

Историческія воспоминанія и замѣчанія на пути къ Троицѣ.

Троицкой монастырь святъ не только для сердецъ набожныхъ, но и для ревностныхъ любителей отечественной славы; не только Россіяне, но и самые просвѣщенные иностранцы, знающіе нашу Исторію, любопытствуютъ видѣть мѣсто великихъ происшествій.

Возобновивъ въ памяти своей дѣла нашей древности, въ прекраснѣйшее время года я выѣхалъ изъ Москвы на ту дорогу, по которой столь часто Цари Рускіе ѣзжали и ходили на богомолье, испрашивать побѣды или благодарить за нее Всевышняго, въ обители основанной святымъ мужемъ и Патріотомъ: сердце

его, забывъ для себя все земное, желало еще благоденствія отечеству. Черезъ нѣсколько минутъ открылось село Алексѣевское, напоминающее именемъ своимъ Царя Алексѣя Михайловича, который приготовилъ Россію къ величію и славѣ. Но тамъ представляется глазамъ еще другой, ближайшій его памятникъ: старый дворецъ, гдѣ онъ всегда останавливался на возвратномъ пути изъ монастыря Троицкаго и располагалъ торжественный въѣздъ свой въ Москву. Я спѣшилъ видѣть сіе почтенное зданіе, едва ли не старѣйшее изъ всѣхъ деревянныхъ домовъ въ Россіи. Оно очень не высоко, но занимаетъ въ длину саженъ тридцать. На лѣвой сторонѣ отъ Москвы были комнаты Царя, на правой жили Царевны, а въ серединѣ Царица; въ первыхъ окна довольно велики, а въ другихъ гораздо менѣе и выше отъ земли, вѣроятно для того, чтобы нескромное любопытство не могло въ нихъ со двора заглядывать — тогда думали болѣе о скромности, нежели о симметріи. Стѣны разрушаются; но я осмѣлился войти въ домъ, и прошелъ во всю длину его, естьли не съ благоговѣніемъ, то по крайней мѣрѣ съ живѣйшимъ любопытствомъ. Печи вездѣ большія, съ разными, отчасти аллегориче-

скими фигурами на изразцахъ. Внутреннія украшенія не могли истощить казны Царской: потолки и стѣны обиты выбѣленнымъ холстомъ, а двери (и то въ однѣхъ Царскихъ комнатахъ) краснымъ сукномъ съ широкими жестяными петлями; окна выкрашены зеленою краскою. Я воображалъ нашего добраго Рускаго Царя, сидящаго тутъ среди вельможъ своихъ, или, лучше сказать, *передъ ними*: тогда и самые важные бояре, приходя къ Государю, останавливались у дверей; а сиживали съ нимъ единственно за обѣдомъ, и то за другимъ столомъ. Къ сожалѣнію, мы худо знаемъ старинные обычаи; а что и знаемъ, то по большой части отъ иностранцевъ, которые, бывъ въ Россіи, описывали ихъ: на примѣръ Герберштеинъ, Олеарій, Маржеретъ и другіе. Лѣтописцы наши и не подозрѣвали, что должно изображать характеръ времени въ его обыкновеніяхъ; не думали, что сіи обыкновенія мѣняются, исчезаютъ и дѣлаются любопытнымъ предметомъ для слѣдующихъ вѣковъ. Не все то любопытно, что хорошо; за то многое достопамятно, чего и не льзя назвать хорошимъ. Пусть мы умнѣе своихъ предковъ, пусть намъ нечего занять отъ нихъ; но самое просвѣ-

щенїе дѣлаетъ умъ любопытнымъ: хочется знать старину, какова ни была она, даже и чужую, а своя еще милѣе. Мнѣ случилось видать памятники иностранной древности; но дворецъ Государя Алексѣя Михайловича гораздо болѣе занималъ мое воображенїе, даже и сердце. Я съ какою-то любовїю смотрѣлъ на тѣ вещи, которыя принадлежали еще къ характеру старой Руси; съ какимъ-то неизъяснимымъ удовольствїемъ брался рукою за дверь, думая, что нѣкогда отворялъ ее Родитель Петра Великаго, или Канцлеръ Матвѣевъ, или собственный предокъ мой, служившїй Царю. Я чувствовалъ, что во мнѣ не простыла Руская кровь!

Москва не много видна изъ оконъ дворца; но вѣроятно, что бывшїй съ этой стороны заборъ (ямы столбовъ не заросли еще въ нѣкоторыхъ мѣстахъ) не дозволялъ и того видѣть: въ старину любили жить открытымъ сердцемъ, а не въ открытомъ домѣ. Передъ окнами растутъ двѣ березы, изъ которыхъ одна запустила корень свой подъ самый домъ; можетъ быть Царица Наталїя Кириловна посадила ихъ! — Другая стѣна безъ оконъ, но съ дверьми въ садъ или въ огородъ, который безъ сомнѣнїя украшался

всего болѣе подсолнечниками (этотъ вкусъ видимъ еще и нынѣ въ провинцїальныхъ купеческихъ огородахъ); теперь гуспѣютъ въ немъ однѣ рябины, малиновые и смородинные кусты, такїе старые, что Царевны могли еще брать съ нихъ ягоды. Тутъ видны развалины двухъ бань, въ которыя онѣ ѣзжали не рѣдко изъ самой Москвы, даже зимою, какъ я слыхалъ отъ стариковъ, свѣдущихъ въ Рускихъ преданїяхъ. — Вокругъ дворца не осталось никакихъ другихъ зданїй, кромѣ погреба, гдѣ не только ледъ, но даже и снѣгъ не таетъ до глубокой осени; слѣдственно Царь могъ всегда пить здѣсь самой холодной медъ! — Онъ любилъ Алексѣевское, хотя впрочемъ мѣстоположенїе очень обыкновенно: ровное и гладкое; на лѣвой сторонѣ видна сосновая роща. Большая каменная церковь Алексѣевская сооружена также Царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ. Дворецъ подлѣ нее. Пусть одно время разрушитъ его до основанїя, а не рука человѣческая! У насъ мало памятниковъ прошедшаго: тѣмъ болѣе должны мы беречь, что есть!

Сѣвъ въ коляску, я могъ на досугѣ мыслить о быстрыхъ и медленныхъ успѣхахъ гражданскаго искусства. Воображая, какъ въ седьмомъ-надесять вѣкѣ жили

еще Цари наши, и сравнивая тогдашній образъ жизни съ нашимъ, мы готовы назвать своихъ предковъ варварами; но должно заглянуть мысленно въ другія части свѣта, чтобы судить справедливо о степеняхъ гражданскаго просвѣщенія. Въ Азіи, въ Африкѣ есть народы, которые десять, пятнадцать вѣковъ учатся въ школѣ общежитія, и еще далеки отъ того состоянія, въ которомъ были Рускіе во время Царей. Этотъ низенькой домикъ Алексѣя Михайловича удивилъ бы своею огромностію Министровъ Сеннарскаго Царя.

Но я увидѣлъ не далеко отъ дороги прекрасный *водоводъ*, оставилъ сравненія и пошелъ смотрѣть его. Вотъ одинъ изъ монументовъ ЕКАТЕРИНИНОЙ благодѣтельности! ОНА любила во многомъ слѣдовать примѣру Римлянъ, которые не жалѣли ничего для пользы имѣть въ городахъ хорошую воду, столь необходимую для здоровья людей, необходимѣе самыхъ Аптекъ. Издержки для общественнаго блага составляютъ роскошь, достойную великихъ Монарховъ, — роскошь, которая питаетъ самую любовь къ отечеству, нераздѣльному съ Правленіемъ. Народъ видитъ, что объ немъ пекутся, и любитъ своихъ благотворителей. Москва

вообще не имѣетъ хорошей воды; едва ли сотая часть жителей пользуется Трехгорною и Преображенскою, за которою надобно посылать далеко. ЕКАТЕРИНА хотѣла, чтобы всякой бѣдной человѣкъ находилъ близь своего дому колодезь свѣжей, здоровой воды, и поручила Генералу Бауеру привести ее трубами изъ ключей Мытищскихъ; теперь она уже въ городѣ: остается сдѣлать каналы внутри его. Работа долговременна и трудна, но благодѣянїе еще превосходитъ труды; и время открытїя народныхъ колодезей будетъ важною эпохою для Московскихъ жителей, то есть небогатыхъ, слѣдственно большаго числа. — Водоводъ идетъ мостомъ черезъ низкую долину, на каменныхъ аркахъ, и длиною будетъ саженъ въ 60. Я увѣренъ, что всякой иностранной путешественникъ съ удовольствїемъ взглянетъ на сїе дѣло общественной пользы.

Коляска дожидалась меня въ деревнѣ Ростокинѣ, которая достойна примѣчанїя для любителей Исторїи. Тутъ народъ Московскїй, всегда усердный къ добрымъ Государямъ своимъ, встрѣтилъ Царя Іоанна Васильевича, когда онъ, взявъ Казань, съ торжествомъ возвращался въ столицу, еще не обагренный кровїю под-

данныхъ, истинныхъ Бояръ Рускихъ — еще не грозный истребитель невинныхъ Новогородцевъ, славнѣйшихъ дѣтей древней Россіи, но юный Герой, украшенный лаврами славы, и нѣжный супругъ прелестной Анастасіи, столь любезной для Историка, вопервыхъ по ея кроткимъ добродѣтелямъ, вовторыхъ и по тому, что брачному союзу Іоанна съ нею обязаны мы царствованіемъ Фамиліи Романовыхъ, которая успокоила и возвеличила Россію. Извѣстно, что главною причиною избранія въ Цари Михаила Ѳеодоровича было свойство его съ Іоанномъ черезъ Анастасію. Лѣтописи говорятъ, что все пространство отъ города до Ростокинскаго моста (то есть, семь верстъ) было занято радостными Московскими жителями, которые, слѣдуя собственному побужденію, спѣшили скорѣе преклонить колѣна передъ своимъ Государемъ; спѣшили изъявить ему благодарность за то, что онъ сокрушилъ грозное Татарское царство. Не многихъ побѣдителей народы благодарили столь искренно! Въ семъ случаѣ польза была явная для Россіи, и Государь не имѣлъ нужды доказывать ее подданнымъ. Осада и приступъ стоили крови; но вдовы и сироты жаловались только на судьбу, а не на Царя своего. Принявъ народную

благодарность, онъ снялъ съ себя воинскую одежду, надѣлъ корону Мономахову и въ величественномъ смиренїи пошелъ за крестами въ городъ. — Историкъ Россїи признаетъ сїе время щастливѣйшимъ и славнѣйшимъ временемъ Іоаннова царствованїя. —

Я своротилъ влѣво съ большой дороги, чтобы видѣть село Тайнинское, гдѣ Царь Алексѣй Михайловичь любилъ забавляться соколиною охотою. Мѣсто уединенное и прїятное! Тутъ запруженная Яуза кажется большою рѣкою, и со всѣхъ сторонъ обтекаетъ дворецъ Елисаветы Петровны, которая, любя слѣды великаго Ея Дѣда, построила его близь развалинъ дворца Алексѣя Михайловича. Онъ также разрушается и, какъ мнѣ сказывали, продается на свозъ. Я осмотрѣлъ его: есть большїя комнаты, и видно, что нѣкоторыя были хорошо отдѣланы. Госпожа Радклифъ могла бы воспользоваться симъ дворцомъ и сочинить на него ужасной романъ; тутъ есть все нужное для ея мастерства: пустыя залы, коридоры, высокїя лѣстницы, остатки богатыхъ украшенїй, и (что всего важнѣе) вѣтеръ воетъ въ трубахъ, свиститъ въ разбитыя окончины и хлопаетъ дверми, съ которыхъ валится позолота. Я же ходилъ по гнилымъ его

лѣстницамъ при страшномъ громѣ и блескѣ молнїи: это въ самомъ дѣлѣ могло сильно дѣйствовать на воображенїе. — Жаль, что такое прїятное мѣсто, окруженное водою и густо осѣненное старыми деревами, которыя могли бы закрыть и самое огромное зданїе, теперь остается дикою пустынею. Вездѣ трава въ поясъ; кропива и полынь растутъ на свободѣ. Сонныя воды Яузы одѣлись тиною. Мосты сгнили, такъ, что я съ великимъ трудомъ могъ черезъ одинъ изъ нихъ перебраться. Эта неприступность напомнила мнѣ Эрменонвильскїй островъ, гдѣ нѣкогда покоились Руссовы кости. — — Прибавлю, что въ Тайнинскомъ ночевалъ Царь Іоаннъ Васильевичь, возвращаясь въ Москву по взятїи Казани. Тамъ встрѣтили его главные Бояре и Князь Юрїй Васильевичь, братъ его. По обычаю тогдашняго времени Царица Анастасїя должна была ожидать супруга въ Московскомъ дворцѣ и преодолѣть желанїе сердца, которое стремилось на встрѣчу къ нему, чтобы представить Іоанну новорожденнаго сына ихъ Димитрїя. Казалось, что Провидѣнїе хотѣло тогда со всѣхъ сторонъ осыпать сладкими чувствами сердце сего Государя.

Выѣхавъ опять на большую Троицкую дорогу въ Мытищахъ, я ходилъ пѣшкомъ,

сквозь длинную насаженную алею, къ тамошнимъ славнымъ колодцамъ, откуда проведена вода въ Москву. Ихъ числомъ 42; каждый представляетъ издали видъ маленькаго домика, и всѣ вмѣстѣ кажутся небольшимъ, прекраснымъ селенїемъ. Тутъ я отвѣдывалъ воду: она чиста и не имѣетъ никакого вкуса, слѣдственно очень хороша. Колодцы деревянные, кромѣ одного, каменнаго, называемаго *громовымъ*, для того, какъ увѣряютъ, что тутъ ударилъ нѣкогда громъ въ землю, и что изъ отверстїя, имъ сдѣланнаго, потекла сама собою чистая вода.

Село Пушкино (въ 26 верстахъ отъ Москвы) извѣстно въ нашей Исторїи тѣмъ, что въ немъ Бояринъ Иванъ Андреевичь Хованскїй, оклеветанный Милославскимъ, взятъ былъ подъ стражу. Въ другомъ мѣстѣ упомянемъ о нѣкоторыхъ подробностяхъ сего случая. — Здѣсь замѣчу только, что многїе крестьяне села Пушкина живутъ не въ избахъ, а въ красивыхъ домикахъ, не хуже самыхъ богатыхъ поселянъ въ Англїи и въ другихъ Европейскихъ земляхъ. Вотъ дѣйствїе усердїя Московскихъ жителей къ Святому Сергїю! Троицкая дорога ни въ какое время года не бываетъ пуста, и живущїе на ней крестьяне всякой день угощаютъ проѣз-

жихъ съ большою для себя выгодою. Они всѣ могли бы разбогатѣть, естьли бы гибельная страсть къ вину не разоряла многихъ — страсть, которая въ Россіи, особливо вокругъ Москвы, дѣлаетъ по крайней мѣрѣ столько же зла, какъ въ сѣверной Америкѣ между дикими народами. Я всегда радуюсь успѣхамъ промышленности, встрѣчая на улицахъ, въ торговые дни, миловидныхъ крестьянокъ съ ягодами, цвѣтами, травами для Аптекъ; но какъ отцы и мужья ихъ употребляютъ деньги? Не только нищета и болѣзни, но и самыя злодѣйства бываютъ слѣдствіемъ сего ужаснаго порока. Руской человѣкъ добродушенъ: ему надобно впасть въ нѣкоторое безпамятство, чтобы поднять руку на ближняго... Но что говорить о такомъ злѣ, которое всѣмъ извѣстно!

Тамъ, гдѣ Цари наши всегда отдыхали на пути къ Троицѣ, въ селѣ Братовщинѣ, я также остановился, не столько для отдыха, сколько для того, чтобы видѣть тамъ на досугѣ нѣкоторые монументы старины. Они состоятъ въ деревянной церкви, построенной, думаю, еще прежде Царя Алексѣя Михайловича, и въ ветхомъ зданіи, похожемъ на анбаръ и называемомъ *Царскою вышкою*. Это имя было для меня не ново: я слыхалъ,

что въ старину назывались такъ высокіе терема, въ которыхъ Рускіе Бояре прохлаждались иногда лѣтомъ. Цари наши не требовали ничего великолѣпнѣе для своего дорожнаго отдыха. Тутъ вѣрно клали имъ перину или устилали полъ травою для свѣжести, отворяя со всѣхъ сторонъ *задвижныя* окна: тогда не боялись еще сквознаго вѣтра. Приставъ сказывалъ мнѣ, что другая *вышка*, которая уже разрушилась, была гораздо пространнѣе. Близь ветхой церкви (гдѣ давно нѣтъ ни службы, ни образовъ) построенъ дворецъ при Елисаветѣ Петровнѣ: Г. Миллеръ ошибся, назвавъ его древнимъ зданіемъ Царей. Къ нему идетъ отъ села прекрасная березовая алея. Рѣчка Скауба на лѣвой сторонѣ, поля и луга составляютъ очень хорошій сельскій видъ. Онъ полюбился ЕКАТЕРИНѢ Великой, Которая, бывъ тутъ въ 1775 году, приказала строить новый дворецъ и каменную церковь. Сдѣланъ фундаментъ, изготовлены матеріалы — и все такъ оставлено. Отъ мѣста, гдѣ надлежало быть новому зданію, насажена въ правую сторону еще другая березовая алея до самой большой дороги. Во всякомъ дѣлѣ, которое начато и несовершено, есть для меня что-то печальное. Развалины

древности говорятъ по крайней мѣрѣ о прошедшемъ; тутъ зданіе отслужило время свое: это почтенный старецъ, лѣтами склоненный къ землѣ и гробу — а гдѣ разрушается недостроенное, тамъ можно только жалѣть о трудахъ потерянныхъ.

Сѣвъ на гнилой церковной паперти, я съ удовольствіемъ смотрѣлъ вокругъ себя и на сельскіе ландшафты вдали, думая, что не только люди, образъ ихъ жизни и твореній, но и самый видъ Натуры перемѣняется со временемъ. Теперешніе веселые луга и поля были нѣкогда или болотомъ или густымъ лѣсомъ. Г. Миллеръ удивляется, отъ чего Переславль названъ *Залѣскимъ*, когда вокругъ его нѣтъ даже и рощи! Видно, что онъ безъ вниманія смотрѣлъ на окрестности Троицкой дороги: частый кустарникъ и самый грунтъ земли (на правой и на лѣвой сторонѣ) доказываютъ, что тутъ прежде были сплошные лѣса, которые, вѣроятно, простирались и далѣе къ сѣверу, то есть, къ Переславлю. Россія въ сравненіи съ другими Европейскими землями есть конечно новая страна въ разсужденіи *обитаемости*; въ первые вѣки Христіянскаго лѣтосчисленія она состояла изъ обширныхъ пустынь, гдѣ

являлись иногда кочующіе народы, подобно караванамъ въ степяхъ Африканскихъ, и гдѣ въ десятомъ, одиннадцатомъ вѣкѣ рѣдкія селенія уподоблялись рѣдкимъ островамъ на Океанѣ; но присутствіе людей въ два или три столѣтія чудеснымъ образомъ измѣняетъ Натуру. Гдѣ размножаются люди, тамъ (особливо въ сѣверныхъ земляхъ) исчезаютъ лѣса; нѣкоторые боятся того, думая, что потомкамъ нашимъ со временемъ нечѣмъ будетъ согрѣвать домовъ своихъ: страхъ напрасной! Вопервыхъ, по мѣрѣ истребленія лѣсовъ, изсушенія болотъ и другихъ успѣховъ гражданской дѣятельности, климатъ становится теплѣе; вовторыхъ, дерева растутъ у насъ скоро; наконецъ, въ случаѣ нужды, неистощимые слои земляныхъ угольевъ ожидаютъ въ Россіи только заступа, чтобы пылать въ нашихъ печахъ и каминахъ. —

Маленькая деревня Талица, въ 9 верстахъ отъ Братовщины, замѣчена мною по любопытной встрѣчѣ. Я шелъ пѣшкомъ, увидѣлъ старика съ сумою, и проговорилъ съ нимъ долѣе часу. Ему около ста лѣтъ; но онъ едва начинаетъ сѣдѣть, и твердъ на ногахъ какъ человѣкъ лѣтъ въ 50; только худо видитъ. Жена у него еще старѣе (двумя или тремя

годами) и живетъ съ нимъ въ хижинѣ какъ Бавкида съ Филемономъ. У нихъ было 12 дѣтей, которыя всѣ померли во младенчествѣ. Я зашелъ къ нимъ въ гости. Они питаются милостынею и дома не пекутъ хлѣба, однакожь варятъ щи. Мужъ приноситъ воду и дрова, а жена затопляетъ печь; онъ имѣетъ болѣе силъ, а она лучше видитъ. Какая рѣдкая судьба! жить вмѣстѣ 80 лѣтъ! Можетъ быть на всемъ земномъ шарѣ нѣтъ другова супружества столь долговременнаго! Я хотѣлъ знать, любятъ ли они другъ друга? — „Какъ не любить! мужъ да жена больше, чѣмъ братъ да сестра (*).“ — Боитесь ли вы смерти? — „Чего бояться? Мы, слава Богу! пожили. Смерть не бѣда.“ — Тебѣ не жаль будетъ старушки? — „Чего жалѣть! Кому нибудь надобно умереть прежде.“ — А естьли она переживетъ тебя? — „Что же? въ свѣтѣ не безъ добрыхъ людей; дадутъ ей уголокъ.“ — — Такимъ образомъ лѣта служатъ самымъ лучшимъ приготовленіемъ ко смерти, и Натура себя оправдываетъ! По ея закону мы должны любить жизнь, когда она еще сильно дѣйствуетъ въ крови и въ нервахъ; силы

(*) Думаю, что это старинная пословица.

изнуряются, и благодѣтельное равнодушіе заступаетъ мѣсто сей, нѣкогда пламенной любви; утружденный старецъ видитъ для себя въ могилѣ мѣсто отдохновенія. — Къ удовольствію всѣхъ страстныхъ охотниковъ до здѣшняго свѣта замѣтимъ, что едва ли въ какой нибудь землѣ люди живутъ такъ долго, какъ у насъ: не въ городахъ, разумѣется, а въ деревняхъ. Всякой годъ (какъ извѣстно по вѣдомостямъ разныхъ Губерній, вносимымъ въ газеты) умираетъ въ Россіи множество стариковъ за сто лѣтъ. Вотъ благословеніе сѣверныхъ земель и трудолюбивой жизни! а мы не рѣдко бранимъ климатъ свой и боимся работы; хотимъ богатства, чтобы имѣть все безъ труда — то есть, хотимъ преждевременной смерти!

Въ селѣ Воздвиженскомъ, въ 12 верстахъ отъ Троицы, юные Цари, Іоаннъ и Петръ, съ Царевною Софіею жили нѣсколько времени, боясь въ Москвѣ мнимаго злоумышленія Хованскихъ. Князь сей фамиліи Андрей Ивановичь и Милославскій были тогда начальниками грозныхъ Стрѣльцовъ и поссорились другъ съ другомъ. Стрѣльцы взяли сторону перваго, и Милославскій, страшась ихъ обыкновеннаго неистовства, уѣхалъ въ деревню;

но оттуда написалъ къ Государямъ и Царевнѣ, что Хованскій имѣетъ злодѣйскій умыселъ обагрить руки свои въ крови Царской, умертвить Патріарха, всѣхъ главныхъ Бояръ; что сынъ его всенародно хвалился свойствомъ съ Королями Польскими и говорилъ, что онъ рожденъ царствовать, а не повиноваться; что отецъ хочетъ возвести его на тронъ Россіи, и проч. Испуганный Дворъ немедленно уѣхалъ въ Савинъ монастырь, а оттуда въ Воздвиженское. Между тѣмъ отъ имени Царей написали къ Князю Андрею Ивановичу, что по извѣстнымъ его заслугамъ и вѣрности къ трону Государи желаютъ совѣтоваться съ нимъ въ нѣкоторомъ важномъ дѣлѣ и требуютъ его къ себѣ вмѣстѣ съ сыномъ. Сей Бояринъ, ничего не подозрѣвая (убѣдительное доказательство его невинности!), спѣшилъ къ Монархамъ; но Царевна Софія велѣла еще на дорогѣ взять подъ стражу отца и сына, оковать и привести въ Воздвиженское. Тамъ ожидалъ нещастныхъ эшафотъ безъ всякаго изслѣдованія и суда. Старецъ Хованскій со слезами просилъ Бояръ, чтобы они только выслушали его; но Софія не велѣла принимать никакихъ оправданій — ему отрубили голову. Войско, собравшееся тогда вокругъ мона-

стыря Троицкаго, единодушно требовало дозволенія итти въ Москву, истребить опасный корпусъ Стрѣльцовъ, и навсегда успокоить Дворъ; но Государи, или, лучше сказать, правительствующая Царевна не хотѣла того: дерзкіе мятежники были нужны для тайныхъ плановъ ея властолюбія. — Въ селѣ Воздвиженскомъ между поселянами сохранилось преданіе, что ПЕТРЪ Великій въ юности своей искалъ у нихъ безопасности. Мудрено понять, для чего Дворъ въ то время не прямо отправился къ Троицѣ, а остановился въ селѣ, укрѣпленномъ только своими оврагами.

Верстъ за семь отъ Троицы открываются, среди зелени лѣсовъ, златыя главы церквей ея, вокругъ огромной колокольни, подобной величественному столбу. — Я взъѣхалъ на гору Волкушу. . . . Рускіе Патріоты! это мѣсто должно быть вамъ извѣстно. Здѣсь Архимандритъ монастыря Троицкаго благословлялъ крестомъ и кропилъ святою водою достойныхъ сыновъ Россіи, которые съ Вождемъ Пожарскимъ и съ Гражданиномъ Мининымъ шли освободить Москву отъ чужестранныхъ тирановъ! . . . Я сталъ на вершинѣ горы — и воображеніе представило глазамъ моимъ ряды многочисленнаго

войска подъ сѣнїю распущенныхъ знаменъ, украшенныхъ именемъ городовъ, которыхъ добрые жители шли подъ ними: Нижняго Новагорода, Дорогобужа, Вязьмы, Ярославля, Владимира, и проч. Мнѣ казалось, что я вижу сановитаго Пожарскаго среди мужественныхъ воеводъ его, и слышу громъ оружїя, которому черезъ нѣсколько дней надлежало грянуть во имя отечества! . . . Рускїе были тогда сиротами: не имѣли Государя, и сражались за одну Россїю.

(Окончанїе въ слѣдующемъ нумерѣ.)

В. Ф.

VIII.

СМѢСЬ.

Въ Парижскихъ Журналахъ пишутъ, что Аррасской житель, именемъ Сен-Реми, купилъ въ 1794 году домъ Эмигранта Графа Брана, и начавъ ломать его, нашелъ въ стѣнѣ 80,000 экю, то есть рублей. Это щастье, но вотъ добродѣтель: гражданинъ Сен-Реми отдалъ и домъ и деньги бывшему Графу Брану, какъ скоро онъ возвратился въ Аррасъ.

Въ Кингтонѣ (въ Англіи) есть древній обычай, по которому городскіе судьи имѣютъ право купать въ Темзѣ злонравныхъ женщинъ, опуская ихъ въ воду на креслахъ, нарочно для того сдѣланныхъ. Не давно наказывали такимъ образомъ жену одного ремесленника, но безъ всякаго успѣха: ибо она въ ту же минуту, какъ ее вынули изъ рѣки, вцѣпилась въ волосы первому человѣку, которой ей встрѣтился; судьба хотѣла, чтобы сей нещастный былъ мужъ ея. Онъ вмѣстѣ съ другими любопытными стоялъ на берегу, желая видѣть дѣйствіе сего купанья.

Въ Ливерпулѣ есть корабль ста-тридцати лѣтъ. Преданіе говоритъ, что нѣкогда былъ онъ съ тремя мачтами, а теперь обратился въ простую бригантину. Сей корабль называется *Тремя Сестрами*, и въ 1669 году два раза привозилъ запасъ гарнизону осажденнаго Лондондерри. Изъ уваженія къ его лѣтамъ сей старецъ Ливерпульской гавани освобожденъ отъ пошлинъ.

ПОЛИТИКА.

I.

Выборъ Парламентскихъ Членовъ въ Лондонѣ.

(Слѣдующая статья, переведенная изъ Англійскихъ Вѣдомостей, даетъ идею о порядкѣ избранія и забавныхъ сценахъ, которыя бываютъ при семъ случаѣ.)

Мы сказали, что Лордъ Гарднеръ и Г. Фоксъ будутъ снова выбраны отъ Вестминстера: наше чаяніе сбывается. У нихъ только одинъ совмѣстникъ, нѣкто Граамъ, ремесломъ обойщикъ, безъ сомнѣнія доброй человѣкъ, но худой Риторъ въ народномъ собраніи.

Сначала предложили Господина Фокса, и всѣ казались согласными. Онъ счелъ за долгъ оправдать себя въ томъ, что удалялся отъ Парламента въ послѣднія его засѣданія. Вестминстерскіе избиратели были довольны сею апологіею; однакожь мы не перестанемъ думать, что гражданинъ не имѣетъ уже права быть совѣтникомъ народа, когда онъ отказывается быть защитникомъ его пользы. Никто болѣе насъ не удивляется великимъ талантамъ

Г. Фокса; никто болѣе нашего не вѣритъ его добродѣтелямъ; но смѣемъ сказать утвердительно, что онъ, оставивъ Парламентъ въ самое опасное время, не исполнилъ должности Патріота, который забываетъ оскорбленную гордость свою тамъ, гдѣ идетъ дѣло о спасеніи отечества. — Избиратели не такъ думаютъ, и безъ памяти хлопали въ ладоши при всякой фразѣ Г. Фокса.

Лордъ Гарднеръ заступилъ его мѣсто. Дѣйствіе Фоксовой рѣчи еще продолжалось, и Лорда худо слушали. Онъ говорилъ, кажется, что любовь къ отечеству заставила его выйти изъ Парламента и сражаться на моряхъ съ непріятелемъ. Эта причина не хуже Фоксовой; однакожь многіе слушатели казались недовольными.

Наконецъ явился на каѳедрѣ Г. Граамъ. Метафизика Фоксовой рѣчи такъ утомила всѣ головы, что разсѣяніе было весьма нужно. Явленіе обойщика произвело громкой смѣхъ. Голова его не закружилась. Онъ привыкъ лазить по высокимъ лѣстницамъ и не думать о томъ, что внизу дѣлается! Черезъ нѣсколько минутъ смѣхъ былосовсѣмъ унялся, но вдругъ явился подлѣ каѳедры какой-то странной человѣкъ, сухой, блѣдной, и предложилъ Господина Граама въ Члены Парламента... Тутъ

снова раздался страшной хохотъ! Обойщикъ уже не могъ вытерпѣть, и началъ жаловаться, что Вестминстерскіе граждане безвинно оскорбляютъ друга его. Сперва онъ говорилъ съ нѣкоторымъ замѣшательствомъ; но повторивъ какія-то Шериданови слова, вдругъ ободрился, и громко сказалъ, что „онъ не оставитъ „Парламента въ опасное время, какъ „*нѣкоторые*; не захочетъ быть слугою „Министровъ, какъ *нѣкоторые*; не запретъ „дверей своихъ отъ согражданъ, какъ „*нѣкоторые*." Тутъ Риторъ вынулъ изъ кармана бумагу и прочиталъ ее. Она заключала въ себѣ описаніе всѣхъ политическихъ добродѣтелей, которыя онъ клялся имѣть въ душѣ и въ сердцѣ, естьли граждане выберутъ его. Новой смѣхъ, которому и самъ важной Фоксъ не могъ уже противиться, и вмѣстѣ съ другими держалъ себя за бока. Г. Граамъ съ торжественнымъ видомъ сказалъ: „Я занимаюсь „дѣлами столько же времени, какъ и Г. „Фоксъ. Вестминстерскимъ гражданамъ „не стыдно избрать добраго человѣка, „живущаго своими трудами. Я былъ уче„никомъ Алдермана Скиннера, котораго „Лондонъ не постыдился избрать въ Лорд„Меры; а Скиннеръ имѣлъ также ремесло „обойщика: слѣдственно могу быть Чле-

„номъ Парламента.“ — Смѣхъ опять усилился. „Прочитай намъ описанїе товаровъ „своихъ (*) (кричали нѣкоторые), чтобы „мы могли судить о твоемъ слогѣ!“ — — Собрали голоса: за Фокса 1194, за Лорда Гарднера 1081, за Граама 553.

II.

Жизнь Туссеня Лувертюра.

(Окончанїе.)

Однакожь Директорїя, оправдавъ Туссеня, выбрала новаго Коммиссара на мѣсто Сантонакса; а именно, Генерала Эдувиля (который нынѣ Посломъ въ Россїи), храбраго Офицера, человѣка кроткаго и благоразумнаго. Такїя свойства могли обѣщать миръ и спокойствїе Колонїи; но вѣроломный Туссень, думая единственно о томъ, какъ присвоить себѣ самовластїе, не могъ ужиться съ добродѣтельнымъ чиновникомъ, который любилъ отечество, хотѣлъ служить ему, зналъ человѣческое сердце и вѣрные признаки лицемѣрїя. Эдувиль не нашелъ его въ Капѣ: онъ былъ занятъ военными дѣйствїями, которыхъ

(*) Лондонскїе сбойщики имѣютъ у себя лавки.

обстоятельства тѣмъ примѣчательнѣе, что они, изъясняя негодованіе Директоріи на Эдувиля, служатъ доказательствомъ особеннаго Туссенева вѣроломства.

Чѣмъ болѣе сей властолюбивый Негръ приближался къ цѣли своей, тѣмъ болѣе искалъ онъ дружбы враговъ Франціи, особливо Великобританніи. Англійскій Генералъ Меландъ хотѣлъ вывести войско свое изъ Сен-Марка, Порт-о-Пренса, Жеремїи, Моля и другихъ мѣстъ, которыя оно еще занимало на островѣ. Эдувиль, узнавъ о семъ предложеніи Англійскаго Генерала, охотно согласился на то, но съ нѣкоторыми особенными условіями, сообразными съ достоинствомъ и пользою Республики. Сен-Доминтскіе Эмигранты, жившіе въ Сен-Маркѣ, Порт-о-Пренсѣ и другихъ занятыхъ Англичанами мѣстахъ, испугались Эдувилевыхъ условій, изодрали его прокламацію, и торжественно объявили, что они хотятъ имѣть дѣло съ однимъ Туссенемъ. Меландъ послушался ихъ и заключилъ капитуляцію съ симъ Негромъ, не давъ знать о томъ Генералу Эдувилю.

Туссень, явно нарушивъ свою обязанность, съ великимъ торжествомъ вступилъ въ Моль. Его встрѣтили у главныхъ воротъ подъ великолѣпнымъ балда-

хиномъ, и съ радостными восклицанїями, съ военною музыкою, съ пушечною стрѣльбою, повели въ городской домъ обѣдать; послѣ того Англїйскія войска манёвриро-вали въ его присутствїи, и Генералъ Меландъ отъ имени Англїйскаго Короля подарилъ ему мѣдную пушку.

Между тѣмъ Французское Правленїе было оскорблено въ лицѣ своего Агента, и всѣ истинные друзья Республики явно на то роптали. Чтобы прекратить ихъ неудовольствїе и отослать Эдувиля назадъ въ Европу, Туссень распустилъ слухъ, что сей Генералъ есть врагъ Негровъ и хочетъ снова оковать ихъ цѣпями рабства; а чтобы дать болѣе вѣроятности такому злословїю, онъ уговорилъ Французскаго Коммиссара обнародовать уставъ земледѣлїя, написанный по совѣту самого же Туссеня. Какъ скоро онъ вышелъ, друзья Африканскаго деспота, Моизъ, Кристофъ и другїе закричали, что это насилїе, противное свободѣ Негровъ и несогласное съ правами человѣка. Два Эдувилевы Адъютанта были зарѣзаны въ окрестностяхъ Капа — Негры хотѣли убить его самого — Туссень шелъ съ армїею и грозился истребить всѣхъ Бѣлыхъ въ Колонїи. Эдувиль, не имѣя способа усмирить мятежниковъ, видя

дурныя намѣренія ихъ начальника и въ три мѣсяца претерпѣвъ множество неудовольствій, рѣшился въ Нивозѣ седьмаго лѣта возвратиться во Францію.

Кто не удивится предубѣжденіямъ Директоріи въ пользу Туссеня! Онъ немедленно отправилъ во Францію Полковника Венсана, усерднаго своего Агента, который осмѣлился описать Эдувиля гордымъ тираномъ, хотѣвшимъ уничтожить свободу Негровъ, и даже грабителемъ. Симъ безстыднымъ доносомъ удалось ему отвлечь вниманіе Правительства отъ истинной вины, и вооружить его противъ гражданина, который возвратился изъ С. Доминго съ чувствомъ добродѣтели своей и жестокихъ оскорбленій.

Между тѣмъ Сантонаксъ, а еще болѣе Генералъ Эдувиль, оставили въ Колоніи многихъ друзей, которые во время ихъ правленія имѣли смѣлость противиться Туссеневу самовластію и намѣренію его выгнать Коммиссаровъ. Жестокій Негръ замѣтилъ ихъ и ждалъ случая отмстить симъ добродѣтельнымъ гражданамъ. Какъ скоро Эдувиль уѣхалъ, онъ взялъ многихъ изъ нихъ подъ стражу, заключилъ въ темницу, и нѣкоторыхъ разстрѣлялъ какъ измѣнниковъ: на примѣръ Бригаднаго Начальника Бартелеми,

Генерала Мишеля, Бижу, Молина, Колло. Другіе были утоплены ночью, изъ которыхъ всего болѣе сожалѣютъ о храбромъ Полковникѣ Левелье, усерднымъ Патріотѣ и Республиканцѣ. Солдаты обожали его и жаловались на такое злодѣйство: Туссенъ распустилъ за то весь полкъ. Число жертвъ еще бы умножилось, естьли бы нѣкоторые заблаговременно не спаслись бѣгствомъ, оставивъ домы свои и все имѣніе.

Туссенъ пересталъ уже таить свои намѣренія, и наказывая смертію друзей Франціи, искалъ союза враговъ ея. Въ Англійскихъ вѣдомостяхъ напечатана была слѣдующая статья, которая служитъ яснымъ того доказательствомъ: „Генералъ „Меландъ, прибывшій изъ Ямайки, за„ключилъ съ Туссенемъ условія, весьма „выгодныя для нашей торговли съ Сен„Доминтской Колоніей.“ И сей лицемѣръ, входя въ дружественные переговоры съ Англіею, все еще увѣрялъ Французское Правительство въ своей республиканской вѣрности!

Послѣ Эдувиля былъ Коммиссаромъ въ С. Доминго Гражданинъ Румъ. Сей новой Агенпъ, который не могъ ожидать для себя ничего благопріятнаго, нѣсколько мѣсяцевъ жилъ спокойно въ Капѣ, и Тус-

сень всячески старался поддерживать его власть, будучи тогда занятъ войною съ Мулатскимъ Генераломъ Риго, войною кровопролитною и бѣдственною для Колоніи. Побѣжденный Риго спасся бѣгствомъ, и съ семействомъ своимъ уѣхалъ во Францію; но друзья его, которые положились на Туссенево слово, были разстрѣлены, вмѣстѣ съ большею частію всѣхъ Мулатовъ на островѣ, и даже со многими Неграми, преданными Франціи.

Не имѣя уже никакихъ другихъ совмѣстниковъ въ Колоніи, Туссень обратилъ свое вниманіе на Коммиссара Рума. Вдругъ сдѣлался бунтъ въ Капѣ: Агента Французской Республики берутъ подъ стражу и ведутъ какъ плѣнника въ Бредскій лагерь. Исполнитель сего насилія былъ Генералъ Моизъ, Туссеневъ племянникъ и тогдашній вѣрный другъ.

Румъ восемь дней сидѣлъ подъ стражею и терпѣлъ всякія оскорбленія отъ Негровъ. Туссень былъ самъ въ лагерѣ, и слѣдственно все дѣлалось по его волѣ. Ему хотѣлось испугать Французскаго Коммиссара и сдѣлать его своимъ орудіемъ. Въ девятый день пришелъ къ Руму Генералъ Моизъ и требовалъ, чтобы онъ далъ Туссеню письменное повелѣніе занять войскомъ Гишпанскую часть Сен-

Доминга. Румъ не хотѣлъ на то согласиться, не смотря на угрозы Моиза разстрѣлять его вмѣстѣ съ женою и съ дѣтьми. Это рѣшительное сопротивленіе раздражило Туссеня. Онъ велѣлъ дѣлать приготовленія къ его казни. Румъ все еще не колебался; но услышавъ наконецъ отъ злобныхъ Негровъ, что они умертвятъ всѣхъ Бѣлыхъ въ Колоніи, естьли онъ не исполнитъ требованій ихъ начальника, сей нещастный Коммиссаръ пришелъ въ ужасъ и далъ слово повиноваться.

Окруженный яростными варварами, Румъ дрожащею рукою написалъ къ Дону Гарсіи, чтобы онъ дозволилъ Туссеню вступить съ войскомъ въ Гишпанскія селенія, отданныя по мирному трактату Франціи. Донъ Гарсіа не хотѣлъ сперва и слышать о томъ; но узнавъ, что Туссень готовится къ нападенію, требовалъ сроку на три мѣсяца, желая увѣдомить Гишпанскаго Короля о семъ дѣлѣ. Африканскій Генералъ согласился подождать; но между тѣмъ, какъ Донъ Гарсіа, въ надеждѣ на его слово, ожидалъ спокойно отвѣта изъ Мадрита, братъ Туссеневъ вступилъ въ Гишпанскія владѣнія съ 10000 войска. Изумлен-

ные Гишпанцы не могли долго противиться; оставили Сен-Доминго и спаслись на корабляхъ въ Кубу и въ Порто-Рико. Туссень, завладѣвъ всѣмъ островомъ, взялъ опять подъ стражу Французскаго Коммиссара, и скованнаго отправилъ въ Дондонъ, маленькое мѣстечко внутри Колоніи, гдѣ Румъ страдалъ въ неволѣ семь мѣсяцевъ, и наконецъ ушелъ въ сѣверную Америку, чтобы оттуда возвратиться во Францію.

Съ сего времени Туссень сдѣлался неограниченнымъ властелиномъ Колоніи и тиранствовалъ ужаснымъ образомъ. Кромѣ шести сотъ Бѣлыхъ, убитыхъ въ сѣверной части острова, онъ разстрѣлялъ даже собственнаго племянника своего, Генерала Моиза, за то единственно, что Негры любили его, и что онъ боялся Моизовой власти надъ ними. Ему оставалось только объявить себя торжественно главою острова — что онъ и сдѣлалъ 13 Мессидора, въ девятое лѣто Республики, издавъ особенную Конституцію для Сен-Доминго, утверждавшую независимость сей Колоніи отъ Франціи и сочиненную подлыми его рабами. Напрасно Бонапарте хотѣлъ усовѣстить сего варвара, и нѣсколько разъ писалъ къ нему

дружелюбно, чтобы онъ призналъ власть Республики: Туссень думалъ, что сей языкъ кротости означаетъ слабость, и не хотѣлъ отвѣчать. Даже при самомъ отправленіи флота и многочисленной арміи Консулъ обѣщалъ Туссеню благоволеніе Республики, естьли онъ не будетъ мятежникомъ, и возвратилъ ему дѣтей, воспитанныхъ во Франціи. Ничто не могло тронуть сего жестокаго человѣка, привыкшаго къ самовластію и тиранству. Надлежало сразиться съ нимъ какъ съ непріятелемъ. Онъ побѣжденъ; но Сен-Домингская Колонія, нѣкогда цвѣтущая, представляетъ теперь горестную картину опустошенія — вотъ дѣло свирѣпаго Туссеня!

(*Съ Французъ.*)

III.

Извѣстія и Замѣчанія.

Парижъ.

Между тѣмъ, какъ въ Европѣ мечтаютъ о скоромъ уничтоженіи Оттоманской Имперіи, Республика заключаетъ съ Константинополемъ дружескія условія по торговлѣ: Французы хотѣли свободнаго кораблеплаванія на Черномъ морѣ, и Султанъ далъ имъ сіе право. Условіе подписано въ Парижѣ 25 Іюня. Французское Правленіе безъ сомнѣнія имѣетъ въ виду торговлю съ Россіею, выгодную для обѣихъ Державъ. Одесса и Херсонъ скоро увидятъ въ гаваняхъ своихъ флаги Италіи и Франціи. Сей край, гдѣ все напоминаетъ творческую мудрость ЕКАТЕРИНЫ, воскреснетъ и снова расцвѣтетъ при АЛЕКСАНДРѢ.

Франція, Россія и Пруссія согласно рѣшили судьбу Германіи; но Австрія, какъ говорятъ, не довольна симъ *планомъ удовлетвореній* и требуетъ нѣкоторыхъ перемѣнъ. Оранскій Домъ получаетъ Фульду, Аббатства Корвейское, Веингартенское, и города Имперскіе, Дортмундъ въ Вестфаліи, Исни и Бухгорнъ въ Швабіи. Сверхъ того Франція и Пруссія заклю-

чили между собою особенный дружественный трактатъ. Король призналъ наконецъ Батавскую Республику. Теперь мудрено вообразить себѣ ясно политическую систему Европы и какое нибудь равновѣсіе. Пусть Консулъ войдетъ еще въ *особенную* дружескую связь съ двумя или тремя Европейскими Державами, и тогда система добродушнаго Аббата Сен - Пьера приближится къ своему исполненію.

Въ Монитёрѣ напечатанъ органическій уставъ *Почетнаго Легіона*, который, не смотря на умную, ораторскую рѣчь Луціана Бонапарте, кажется странною выдумкою. Его не льзя назвать дворянствомъ: ибо онъ не даетъ никакихъ гражданскихъ преимуществъ; не льзя назвать рыцарскимъ Орденомъ: ибо всякой Орденъ имѣлъ какую нибудь цѣль, а Легіонъ никакой не имѣетъ; особенная клятва Членовъ быть защитниками Правленія должна быть клятвою всѣхъ Французовъ. Онъ будетъ наградою храбрости и добродѣтели, говорятъ Консулы: въ чемъ же состоитъ сія награда? въ имени и въ жалованьи; но люди никогда не повѣряютъ имени, естьли они не знаютъ человѣка; оно будетъ всегда пустымъ типуломъ, когда не соединено съ особенными граж-

данскими выгодами. Что касается до жалованья, то не могло ли Правительство давать пенсій по извѣстнымъ заслугамъ, безъ всякаго рыцарскаго обезьянства въ такой землѣ, гдѣ сіи учрежденія противны коренным политическимъ законамъ? Какая нужда дѣлить всю Францію на Когорты, назначать удѣлы, заводить большіе и малые Совѣты, то есть особенныя правленія въ общемъ, и единственно для того, чтобы нѣкоторымъ людямъ дать жалованье? Политическая мудрость соразмѣряетъ во всякомъ отношеніи средства съ дѣйствіями: Почетный Легіонъ представляетъ удивительную сложность въ средствахъ для произведенія весьма обыкновеннаго дѣйствія. Потомство не на мраморныхъ доскахъ Легіона будетъ искать славныхъ именъ, а въ Исторіи. Естьли Бонапарте и на золотой доскѣ велитъ написать имя Генерала Мену, Европа не будетъ уважать его. — А такъ называемыя *Легіонныя гостинницы* въ самомѣ дѣлѣ ничто иное, какъ трактиры; должно вычитать изъ жалованья Членовъ нужную сумму для ихъ содержанія въ сихъ домахъ. Мы еще не упомянули объ одной выгодѣ легіонныхъ воиновъ: въ чрезвычайныхъ засѣданіяхъ Совѣта будутъ говорить похвальное слово всякому,

кто умретъ изъ нихъ; это обѣщаетъ по крайней мѣрѣ успѣхи краснорѣчїю.

(*Изъ Анг. Вѣд.*)

Въ Парижскомъ Журналѣ, называемомъ Bulletin de Paris, напечатана статья о *похитителяхъ*, которая обратила на себя общее вниманїе. Авторъ говоритъ, что похитителями должно именовать однихъ бунтовщиковъ, ужасными и беззаконными средствами восходящихъ на престолъ (какъ-то не рѣдко случалось въ Азїатскихъ государствахъ), а не тѣхъ Героевъ, которые присвоиваютъ себѣ власть только для блага согражданъ, вводятъ порядокъ тамъ, гдѣ была анархїя, и дѣлаются отцами народовъ. Онъ жалуется на *вѣтреность Исторїи*, называющей сихъ Героевъ оскорбительнымъ именемъ похитителей, и ставитъ въ примѣръ Деїоцеса, который *избавилъ народъ отъ опасныхъ мечтанїй свободы, съ щастливою дерзостїю объявилъ себя первымъ Царемъ Медскимъ, завелъ блестящїй Дворъ и новымъ подданнымъ своимъ являлся только въ сїянїи вѣнца Царскаго.* „Можно „ли (продолжаетъ Авторъ) называть „похитителемъ мудраго Сиракузскаго Ца„ря Гїерона? Естьли бы онъ остался про„стымъ гражданиномъ, то Сиракузы,

„изнуренныя анархїею, не сдѣлались бы „щастливѣйшею страною міра въ его „придцатилѣтнее правленїе.“ Издатель сего Журнала есть, какъ извѣстно, важной человѣкъ въ Республицѣ; онъ не даромъ помѣстилъ такую статью — и Лондонскїе Журналисты называютъ ее *манифестомъ*, увѣряя, что Бонапарте хочетъ объявить себя Гальскимъ Императоромъ, надѣть корону на голову, сдѣлать ее наслѣдственною и быть начальникомъ новой династїи. Все возможно; однакожъ мы еще не хотимъ вѣрить тому до времени. Видимъ только, что Бонапарте будетъ скорѣе Гїерономъ, нежели Тимолеономъ. Впрочемъ друзья или льстецы его (ихъ, сказываютъ, мудрено различать при Дворахъ) напрасно доказываютъ, что Бонапарте не есть похититель, и заранѣе бранятъ Исторїю: нѣтъ, она не назоветъ его симъ именемъ, а скажетъ, что онъ людей считалъ людьми, и даже самъ не хотѣлъ быть выше человѣка. Не Бонапарте свергнулъ Бурбоновъ съ трона; не Бонапарте сдѣлалъ Революцїю: онъ только воспользовался ею для славы своей. —

Отецъ Консула умеръ въ Монпелье 24 Февраля 1785 году. Тамошнїй городской Совѣтъ опредѣлилъ соорудить ему монументъ, котораго мысль очень хороша.

Городъ Монпелье, представленный въ видѣ женщины, лѣвою рукою снимаетъ крышку съ гроба, а правою указываетъ на *пьедесталъ* (на которомъ безъ сомнѣнія должно поставить со временемъ статую Консула); внизу надпись: *Встань изъ гроби; твой сынъ Наполеонъ даетъ тебѣ безсмертіе.* Надобно отдать справедливость Французамъ: они остроумны. —

Туссенъ Лувертюръ явился во Франціи. Генералъ Леклеръ прислалъ его, и пишетъ, что онъ не хотѣлъ жить покойно, имѣвъ намѣреніе снова взбунтоваться. Любопытно знать, что сдѣлаетъ Бонапарте съ симъ чуднымъ Негромъ. Во Франціи онъ по крайней мѣрѣ не опасенъ. — Между тѣмъ Французская армія въ Сен-Доминго уменьшается; болѣзни свирѣпствуютъ, и большая часть людей умираетъ. Сахаръ и кофе будутъ дорого стоить Республикѣ.

---

14 Іюля не ознаменовалось никакимъ отмѣннымъ происшествіемъ. Блестящій парадъ, многочисленное собраніе въ Тюльери, концерты, освѣщеніе города и наконецъ свадьбы были единственнымъ торжествомъ сего, какъ Французы говорятъ, великаго дня. Консулъ явился на парадѣ

въ простомъ Драгунскомъ мундирѣ, среди Генераловъ, *облитыхъ* золотомъ и серебромъ. Мамелюки по-своему манёврировали вмѣстѣ съ Французскими войсками. Бонапарте еще не объявленъ Консуломъ на всю жизнь. Онъ съ удовольствіемъ принялъ въ даръ отъ города Парижа статную лошадь Французской породы и сказалъ, что сядетъ на нее тогда, какъ ему надобно будетъ снова обнажить мечь для защиты Республики. Лондонскіе Журналисты по обыкновенной своей Логикѣ заключатъ изъ сихъ словъ, что Бонапарте думаетъ воевать!

Новѣйшія донесенія Генерала Ришпанса изъ Гваделупы показываютъ, что и тамъ Негры хотѣли независимости. Они сражались съ Французами храбро и даже отчаянно. 400 Негровъ въ одной маленькой крѣпости, будучи окружены Французами, зажгли пороховой магазинъ свой и взлетѣли на воздухъ. Мулатъ Пелажъ, бывшій начальникъ Негровъ, не только оставилъ ихъ, но еще и сражался съ ними, такъ храбро, съ такимъ геройствомъ, которому самъ Ришпансъ удивляется. Онъ сыгралъ ролю свою удачнѣе Туссеня, и заслужилъ теперь благодарность Французскаго Правленія. — — Извѣстіе о заключеніи *особеннаго* друже-

ственнаго союза Французской Республики съ Пруссіею оказалось несправедливымъ; но Король, весьма довольный утвержденнымъ планомъ замѣнъ въ Германіи и своею частію, прислалъ Талерану и Бернонвилю, которые трактовали о семъ предметѣ съ его Министромъ въ Парижѣ, богатые подарки. Уже Прусскія войска занимаютъ Гильдесгеймъ, Падерборнъ, Нордгаузенъ и Мильгаузенъ (Имперскіе города). Курфирстъ Баварской получаетъ Епископство Аугсбургское, Сент-Ульрихъ, Фрейзингенъ, Кемптенъ, Вирцбургъ, Бамбергъ, Ульмъ и еще семь другихъ Имперскихъ городовъ — то есть, 900000 жителей и пять милліоновъ гульденовъ ежегоднаго доходу. — — Бонапарте назначилъ 60000 франковъ награжденія тому, кто въ разсужденіи электрической силы и Гальванизма сдѣлаетъ еще важныя открытія, подобно Франклину и Вольтѣ. „Я желаю, говоритъ Консулъ въ письмѣ „къ Институту, обратить на сей предметъ вниманіе Физиковъ: ибо онъ, по „моему мнѣнію, весьма важенъ для пользы людей.“

Въ Англїи все еще занимаются выборами, которые давно уже не были такъ шумны, свободны и веселы, какъ нынѣ. Кандидаты не жалѣли денегъ. Одинъ изъ нихъ, Баронетъ Франсисъ Бордетъ, нанималъ всякой день 600 каретъ для своихъ прїятелей! Обойщикъ Граамъ, сказавъ, что онъ въ завѣщанїи откажетъ сердце свое Вестминстерскимъ гражданамъ, естьли они его выберутъ, объявилъ послѣ, что ему хотѣлось только кандидатствомъ своимъ постращать Фокса и Лорда Гарднера. — Нѣкто Тортонъ не выбранъ былъ въ Члены Парламента для того, что онъ соблазнилъ жену одного своего прїятеля. Тортонъ, не запираясь въ винѣ своей, говорилъ, что быть Членомъ Парламента не есть быть учителемъ Морали; однакожъ ему не удалось собрать довольнаго числа голосовъ. Такїя черты нравовъ достойны примѣчанїя. — — Въ засѣданїи новаго Парламента увидимъ жаркїя прѣнїя о дѣлахъ Ост-Индской Компанїи, сего торговаго общества, имѣющаго въ своихъ повелѣнїяхъ обширныя царства и 50 миллїоновъ жителей. Оно не рѣдко тиранствуетъ въ Индїи, и недавно отняло владѣнїе у Набаба Карнатскаго, будто бы за то, что отецъ его былъ въ тайной связи съ ея непрїятелями.

Парламентъ, увѣдомленный о семъ злоупотребленіи власти, долженъ изслѣдовать обстоятельства дѣла. — Въ Лондонскихъ и Парижскихъ вѣдомостяхъ напечатано слѣдующее разсужденіе о Франціи какого-то знаменитаго Англичанина (можетъ быть, Питта): „Вездѣ, гдѣ „Правленіе твердо и надежно въ разсужде„ніи будущаго, всякой въ своемъ состоя„ніи имѣетъ у себя въ виду вѣрную цѣль; „напротивъ того перемѣна людей, слѣд„ственно и правилъ, весьма опасна. Бу„дущее есть для всякаго мечь Дамо„клесовъ (*). Вотъ что всего болѣе при„вязываетъ Французовъ къ Бонапарте! „Великой человѣкъ не всегда можетъ „утвердить судьбу отечества. Огромная „машина, въ которой дѣйствуютъ раз„личныя и противныя стихіи, подъ „вліяніемъ одного Генія стремится къ „одной мѣтѣ. Но естьли этотъ Геній „исчезнетъ, то колеса вдругъ остановят„ся, стихіи раздѣлятся, и машина сдѣ„лается опять хаосомъ. Воображая, съ „какой высоты Франція можетъ низвер„гнуться въ одну минуту, я предпо-

(*) Діонисіевъ льстецъ, который всегда превозносилъ до небесъ блаженство сего тирана. Діонисій велѣлъ ему однажды обѣдать подъ мечемъ, висящимъ на лошадиномъ волосѣ, и спросилъ: можетъ ли онъ ѣсть со вкусомъ?

„читаю самую малѣйшую и смиренную „Державу этой огромной Республикѣ, „которая теперь столь величественна и „спокойна!“

Опять двѣ новыя Конституцїи: Швейцарская и Лигурїйская. Первая еще не напечатана въ *Монитёрѣ*, и для того помедлимъ говорить объ ней, хотя и кажется, что она утвердится, не смотря на многїя частныя несогласїя. Французскїй Министръ въ Бернѣ, Верніакъ, подкрѣпляетъ ее всѣми силами; это хорошїй знакъ. Лигурїйская или Генуэзская Конституцїя есть дѣло самого Бонапарте. Правленїе состоитъ изъ Сената, въ которомъ засѣдаетъ Дожъ и 29 Членовъ — изъ трехъ избирательныхъ Коллегїй: владѣльцевъ, ученыхъ и торговыхъ людей (подобно какъ въ Италїянской Республикѣ) — и Синдиката или Ценсуры, въ которой 7 Членовъ. Дожъ избирается на 6 лѣтъ. Самъ Бонапарте, по желанїю Лигурїйцевъ, назначилъ всѣхъ главныхъ чиновниковъ, кромѣ Дожа, еще не избраннаго. — Такимъ образомъ политическїй хаосъ раздѣляется; и дай Богъ, чтобы послѣ дней творенїя настали дни общаго спокойствїя!

Читателямъ нашимъ извѣстенъ слухъ о раздѣлѣ Королевствъ Сицилійскаго и Неаполитанскаго, о которомъ наконецъ перестали говорить. Увѣряютъ, что Мадритскій Дворъ предлагалъ сей раздѣлъ въ Амьенѣ, но что Бонапарте на то не согласился. — Неаполитанскій Король, желая задобрить жителей Неаполя, торжественно объявилъ, что онъ забудетъ все прошедшее — и возвратился въ сію столицу при радостныхъ восклицаніяхъ народа и великолѣпномъ освѣщеніи города. Наконецъ Правительство старается тамъ истребить всѣхъ бродягъ и тунеядцевъ какъ въ столицѣ, такъ и въ ея окрестностяхъ.

Тиролецъ, именемъ Джирардами, изобрѣлъ духовое ружье, которое надобно зарядить только одинъ разъ на 50 выстрѣловъ. Въ первые 20 выстрѣловъ пуля проходитъ сквозь толстую доску въ великомъ разстояніи. Аріостъ въ Поэмѣ своей говоритъ, что Сатана выдумалъ однажды на досугѣ карабинъ; но вообразивъ, какъ бѣдственна можетъ быть эта выдумка для людей, бросилъ его въ море. Надобно то же сдѣлать и съ симъ новымъ изобрѣтеніемъ, которое можно назвать адскимъ.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

АВГУСТЪ 1802.

№ 16.

ЛИТТЕРАТУРА и СМѢСЬ.

I.

Линдана и Вальмиръ.

Сочиненїе Госпожи Жанлисъ.

Была полночь. У Морфизы ужинало много гостей; въ карты играть перестали. Всѣ женщины въ 40 и въ 50 лѣтъ искали своихъ муфтъ и велѣли подвозить кареты. Скучные выходили одинъ за другимъ, зная хотя то свѣтское правило, что гдѣ не унимаютъ, тамъ не надобно сидѣть долго послѣ ужина. Морфиза благодарила, обнимала, провожала, говорила всякой гостьѣ ласковое слово. Жеркуръ, во время сего волненїя, сидѣлъ покойно у камина, подлѣ стола, на которомъ онъ два часа игралъ въ Вискъ — сидѣлъ тутъ для того, что не считалъ за нуж-

ное искать другова мѣста; не задумавшись, не съ намѣренїемъ, а единственно для покоя. Жеркуръ былъ одинъ изъ тѣхъ лѣнивыхъ людей, которыхъ сама Натура дѣлаетъ Философами: имъ хорошо вездѣ, гдѣ не дурно; они безъ всякихъ правилъ Морали любятъ миръ и тишину болѣе всего на свѣтѣ; не бываютъ коварными для того, что коварство требуетъ дѣятельности; не знаютъ сильныхъ страстей, и среди общаго волненїя наслаждаются истиннымъ сокровищемъ мудрости: умѣренностїю и покоемъ. Не льзя назвать ихъ жизни скучною; нѣтъ, они могутъ быть забавны и чувствительны по своему. *Не терпѣть* есть уже для нихъ щастїе; думать, не зная о чемъ, отдыхать и не заботиться, кажется имъ живѣйшимъ удовольствїемъ. Они не хвалятся, не гордятся своею Философїею, и слѣдственно бываютъ скромнѣе обыкновенныхъ Философовъ.

Наконецъ Морфиза освободилась отъ хлопотъ, проводила всѣхъ важныхъ, *разсудительныхъ* людей, которые не сидятъ до свѣту, и сердечно обрадовалась, видя у себя только друзей своихъ: прекрасную Линдану, богатую, двадцатилѣтнюю вдову — Вальмира, страстно влюбленнаго въ Линдану, но съ малою надеждою —

и холоднаго Жеркура, который въ то время не имѣлъ никакой связи. Сѣли ближе къ камину. Одинъ Жеркуръ не тронулся съ мѣста, сидя на покойныхъ креслахъ и рукою облокотившись на столъ: ему было и такъ очень хорошо! . . . Сперва поговорили о тѣхъ, которые уѣхали; но скоро Вальмиръ обратилъ разговоръ на чувствительность. Имѣя отъ природы пылкую душу, онъ изъяснялся съ великимъ жаромъ и со всею неумѣренностїю молодаго человѣка, который говоритъ о любви при своей любовницѣ. Морфиза восхищалась, Линдана слушала съ умиленїемъ, Жеркуръ отъ времени до времени улыбался. Вальмиръ, желая еще убѣдительнѣе доказать власть любви, разсказывалъ многїе случаи: на примѣръ, какъ одинъ любовникъ, въ угожденїе любовницѣ, былъ шесть лѣтъ нѣмымъ; какъ другой десять лѣтъ выжилъ пустынникомъ, возвратился съ длинною бородою и съ пламеннымъ сердцемъ; какъ третїй, исполняя волю богини своей, долженъ былъ завоевать тронъ и сдѣлался Александромъ отъ любви. Всѣ такїя исторїи прекрасны, сказалъ Жеркуръ: но давно ли это случилось? Сей вопросъ замѣшалъ романическаго Вальмира, и гордость Линданы оскорбилась насмѣшкою

холоднаго Жеркура. „Конечно, отвѣчала она съ притворною улыбкою: Жеркуръ правъ. Время любовныхъ чудесъ прошло; мы теперь ничто иное, какъ Царицы, сверженныя съ трона; слава наша состоитъ въ однихъ преданіяхъ древности, въ однихъ воспоминаніяхъ; власть потеряна — и навѣки!“ Нѣтъ, вы все царствуете, сказалъ Жеркуръ: но только образъ правленія сталъ другой. . . . Тотъ же, тотъ же! перервалъ съ жаромъ Вальмиръ: онъ былъ и есть деспотической. Женщина, которую люблю, можетъ велѣть мнѣ все — и непремѣнно сдѣлаю. — „Вы это думаете, и довольно!“ отвѣчалъ Жеркуръ. Увѣренъ, сказалъ Вальмиръ . . . „Какъ! не уже ли согласитесь на самое необыкновенное доказательство любви?“ спросила у него Линдана: „не уже ли все исполните, чего бы она ни потребовала?“ — Желаю только знать волю ея. — „Естьли бы она вамъ сказала: оставьте Францію; путешествуйте три года; во все это время не пишите ко мнѣ ни слова; наконецъ возвратитесь, и я ваша!“ . . . Ради Бога скажите, шутите вы или нѣтъ? спросилъ Вальмиръ. — Нѣтъ, отвѣчала Линдана съ живостію и съ тайнымъ удовольствіемъ самолюбія: нѣтъ, я говорю, что думаю. — „Вы со-

гласитесь тогда быть моею?" — Клянусь, но единственно съ такимъ условіемъ. Чтобы пожертвовать моею свободою, мнѣ надобны не слова, а доказательства истинной и въ самомъ дѣлѣ чрезвычайной привязанности. — „Простите; я ѣду." — Тутъ Линдана, сердечно тронутая, подала руку Вальмиру, который, ставъ на колѣни, взялъ ее, поцѣловалъ, всталъ и хотѣлъ итти. . . . Постойте, сказалъ Жеркуръ съ холодностію, вынувъ карандашь: запишемъ число, чтобы вы могли возвратиться точно въ назначенный срокъ. . . . Во время сего страннаго явленія Морфиза съ удивленіемъ смотрѣла на двухъ любовниковъ, и слушала ихъ съ такимъ любопытствомъ, которое не дозволяло ей говорить. Жеркуръ написалъ на картѣ и прочиталъ вслухъ: 28 *Генваря* 1782 *года*, *въ два часа утра*. И такъ, любезной Вальмиръ (сказалъ онъ), мы увидимся съ вами не прежде 1785!.. Такъ, отвѣчалъ Вальмиръ: но прошу не жалѣть обо мнѣ. Увѣреніе, съ которымъ ѣду, сдѣлаетъ для меня и самую разлуку любезною... Тутъ Вальмиръ вспомнилъ о хозяйкѣ, и подошелъ къ Морфизѣ, которая обняла его съ нѣкоторымъ восторгомъ. Линдана плѣнялась славою имѣть любовника, напомина-

ющаго своею привязанностїю времена рыцарей. Вальмиръ гордился величїемъ роли своей; надѣялся сдѣлать себя безсмертнымъ, и думалъ, что примѣръ его будетъ новою эпохою въ лѣтописяхъ любви. Питаясь такими лестными мыслями, онъ съ живѣйшимъ удовольствїемъ разстался на три года съ любовницею и съ друзьями, и побѣжалъ изъ комнаты, сказавъ, что прежде разсвѣта будетъ уже на пути въ Англїю. Когда онъ ушелъ, Линдана вынула платокъ и закрыла имъ себѣ глаза на нѣсколько минутъ. Морфиза осыпала ее жестокими укоризнами и хотѣла, чтобы она воротила страстнаго и великодушнаго Вальмира. Линдана объявила торжественно, что ни для чего въ свѣтѣ не перемѣнитъ слова; и будучи умна, говоря прїятно, съ такимъ искусствомъ оправдывала свое тиранство въ разсужденїи бѣднаго Вальмира, такъ хорошо разсуждала объ истинной любви, о достоинствѣ женщинъ, о своихъ чувствахъ, что Морфиза (которая не могла спорить съ нею, и даже понимать ее) наконецъ согласилась и сердечно удивлялась ей. Линдана взглядывала между тѣмъ на безмолвнаго Жеркура, чтобы видѣть, какое дѣйствїе производитъ въ немъ ея краснорѣчїе; но къ досадѣ своей увидѣла, что онъ засыпаетъ.

Ударило пять часовъ, и Линдана встала. Морфиза обрадовалась, потому что она уже минутъ сорокъ съ великимъ трудомъ удерживала зѣвоту, которая душила ее. Что касается до Жеркура, то онъ съ сожалѣнїемъ разстался съ покойными своими креслами. Какъ, вы уже ѣдете! сказалъ онъ съ холоднымъ и безпечнымъ видомъ Линданѣ, подавая ей руку. Морфиза засмѣялась. Линдана шутила надъ нимъ съ нѣкоторою досадою. Жеркуръ отвѣчалъ съ прїятностїю — и такимъ образомъ разстались.

Жеркуръ былъ самымъ моднымъ человѣкомъ въ свѣтѣ, и тѣмъ болѣе нравился, что имѣлъ въ себѣ много отмѣннаго; не искалъ въ женщинахъ, и не льстилъ имъ; дѣятельная роля щастливаго Адониса не соглашалась съ его характеромъ, и лѣность дѣлала его постояннымъ. Вступивъ въ свѣтъ, онъ привязался къ одной женщинѣ, не за умъ и красоту ея, а для того, что видался съ нею чаще, нежели съ другими. Связь ихъ продолжалась десять лѣтъ, и разорвалась только смертїю. Женщины, которыя хотятъ быть предметомъ обожанїя, рѣдко находятъ такое постоянсiпво въ страстныхъ любовникахъ. Жеркуръ мало тужилъ о своей любовницѣ, но въ два года не подумалъ еще искать

другой. Хотя онъ же былъ способенъ къ сильнымъ чувствамъ, однакожь любезная женщина могла тронуть его, по крайней мѣрѣ на нѣсколько времени, и тогда обыкновенная холодность его давала тѣмъ болѣе цѣны и любезности сему неожидаемому чувству, выражаемому просто, мало и безъ всякихъ романическихъ излишностей. Живость ума его равнялась съ неподвижностїю его характера: это странное соединенїе дѣлало Жеркура еще забавнѣе и прїятнѣе въ обхожденїи. Случай и нѣкоторыя обстоятельства познакомили его съ Морфизою; онъ любилъ ея общество, хотя всѣ тѣ, которые составляли его, были несогласны съ нимъ въ разсужденїи характера. Морфиза при ограниченномъ умѣ всему удивлялась, всегда *обожала* и любила до крайности; это ослѣпленїе есть страсть людей слабоумныхъ, и предохраняетъ ихъ отъ скуки въ жизни. Вальмиръ соединялъ въ себѣ многїя прїятности съ сильнымъ воображенїемъ и самою пылкою чувствительностїю. Линдана не уступала ему въ живости романическихъ идей. Овдовѣвъ въ самой цвѣтущей молодости, съ рѣдкою красотою, съ богатствомъ и съ непорочнымъ именемъ, она была предметомъ общаго вниманїя. Женщины подобны завоевателямъ:

великїе успѣхи возвышаютъ ихъ гордость. Линдана хотѣла быть любимою до чрезмѣрности и тѣмъ славиться. Всегдашняя лесть испортила ея отъ природы нѣжное сердце, и неумѣренныя похвалы сдѣлали неумѣренными ея требованїя. Обыкновенныя женщины вѣрятъ только отчасти, когда ихъ хвалятъ; но славныя умомъ или красотою бываютъ хотя гораздо равнодушнѣе къ похвалѣ, но удивительны своимъ легковѣрїемъ; онѣ слушаютъ ее холодно, однакожь ни мало не сомнѣваются въ ея искренности; не плѣняются лестїю, а между тѣмъ къ стыду своему не чувствуютъ ее. Гордость у самыхъ умныхъ людей отнимаетъ тонкое чувство и проницательность. Скромность не обманывается, потому что она и въ своемъ дѣлѣ безпристрастна. Вальмиръ болѣе другихъ занималъ Линдану; рыцарскїя идеи его отвѣтствовали ея понятїю о совершенномъ любовникѣ. Она не была влюблена въ него, но часто объ немъ думала и гордилась его страстїю. Вальмиръ дозволялъ себѣ надѣяться: другой съ меньшею основательностїю бываетъ даже увѣренъ въ своемъ щастїи. Сама Линдана вмѣстѣ съ нимъ обманывалась. Прїѣхавъ отъ Морризы домой въ шестомъ часу утра, она была такъ растрогана, въ такомъ волненїи, что

не могла лечь на постелю, выслала дѣвку свою, забылась и просидѣла на креслахъ до восхожденія солнца, представляя себѣ Вальмира влюбленнымъ Героемъ и радуясь всего болѣе мыслію, что такая жертва удивитъ свѣтъ! Какая слава! какое торжество быть любимою столь безмѣрно, и еще въ осьмомъ-надесять вѣкѣ!... Она въ то же время воображала и холоднаго Жеркура... мудрено ли? онъ досадилъ ей. „Нечувствительной Жеркуръ (мыслила Линдана) не повѣритъ никогда, чтобы любовникъ могъ жертвовать всѣмъ предмету страсти своей. Съ какимъ равнодушіемъ онъ слушалъ Вальмира! даже ни мало не удивился! и конечно не думаетъ, чтобы Вальмиръ въ самомъ дѣлѣ уѣхалъ!... Холодное сердце не понимаетъ такой любви.... Жаль! потому что Жеркуръ уменъ, пріятенъ и даже любезенъ.... Но я должна думать о Вальмирѣ, должна имъ однимъ заниматься“.... Эта послѣдняя мысль заставила вздохнуть Линдану.

Въ девять часовъ она послала человѣка къ Вальмиру. Ей сказали въ отвѣтъ, что онъ въ семъ уѣхалъ въ Англію. Бѣдной Вальмиръ! думала Линдана: что скажетъ теперь Жеркуръ?.. Мнѣ хочется увидѣться съ нимъ, чтобы радоваться его удивленію.

Въ 12 часовъ она сѣла въ карету, поѣхала къ Морфизѣ и нашла ее въ восторгѣ отъ Вальмирова письма — слѣдующаго содержанія:

„Черезъ нѣсколько минутъ я поѣду, „исполнивъ пріятную для меня должность — должность увѣрить васъ, милостивая государыня, въ моей благодарной, „почтительной и нѣжной привязанности. „Я начну свое путешествіе съ Англіи, „и пробуду тамъ 6 или 7 мѣсяцевъ; оттуда поѣду въ Италію, въ Сицилію, „въ Грецію, а наконецъ въ Гишпанію. Еще „повторю вамъ: не жалѣйте обо мнѣ! Она „сказала: *я черезъ три года ваша*!.. Боже „мой! Линдана будетъ моя!.. Ахъ! вы „знаете, что я за нѣсколько часовъ передъ „тѣмъ не хотѣлъ вѣрить утѣшеніямъ „великодушной дружбы вашей! не имѣлъ „надежды! Судите, что долженъ теперь „чувствовать! Чего стоитъ такое щастіе?.. Она запретила мнѣ писать къ „ней и говорить о моей любви во все „время разлуки; исполню ея повелѣніе, „и впредь не буду въ письмахъ своихъ „упоминать о Линданѣ. Но мнѣ конечно „дозволено приписать ей *журналъ моего „путешествія*, который черезъ три года „повергну къ ногамъ ея. Она увидитъ,

„что мое сердце ею одною занималось во „время ссылки моей! Всякой день буду „говорить съ Линданою: сколько томовъ „могу написать! Ей нѣкогда вручу ихъ... „Долговременная разлука безъ сомнѣнія „горестна; но въ эту минуту чувствую „одно блаженство, думаю единственно о „томъ, что она дала мнѣ слово *быть „моею.* Эта восхитительная мысль не есть „ли награда за всѣ жертвы и горести?... „Простите, милостивая государыня! „Коляска моя готова. Спѣшу ѣхать, то „есть повиноваться ей. Мнѣ кажется, что, „удаляясь отъ Парижа, я буду приближаться къ цѣли моего благополучія. Вы „увидите 28 Генваря 1785 году щастливѣйшаго изъ смертныхъ и самаго искреннѣйшаго изъ друзей вашихъ."

Бѣдной Вальмиръ! сказала Линдана: любезной молодой человѣкъ! Это письмо очень мило. Сдѣлайте одолженіе, любезной другъ, покажите его Жеркуру. — Онъ не достоинъ того, отвѣчала Морфиза съ важнымъ видомъ: однакожь прочту ему, чтобы устыдить его. Ахъ, милой другъ! какъ должны трогать васъ нѣжныя Вальмировы чувства! — „Они трогаютъ меня несказанно." — Какъ украсится ими журналъ его! Это будетъ истинное *чувстви-*

тельное путешествіе. — „ И безъ сомнѣнія не хуже Йорикова.“ — Онъ болѣе другихъ имѣетъ право говорить о любви; страсть его не мнимая, любовница не вымышленная, какъ у модныхъ путешественниковъ. — „Я заставлю его напечатать свой журналъ.“ — Онъ будетъ милою, единственною книгою. Однакожъ знаете ли, любезная Линдана, что онъ уѣхалъ не бывъ въ Версаліи, не видавъ Министровъ и не взявъ отпуска? — „Это прекрасно.“ — Онъ думалъ только о васъ. Фортуна, честолюбіе, самая пристойность имъ забыты. — „Вотъ вѣрное доказательство истинной страсти! Что скажетъ объ этомъ Жеркуръ?“ — И всѣ нынѣшніе молодые люди, вѣтреные и холодные? — „Такъ надобно быть любимою. Женщина, довольная слабымъ чувствомъ, теряетъ свое достоинство.“ — Ахъ! какъ выдаютъ насъ за-мужъ! На примѣръ, мнѣ выбрали супруга любезнаго и благоразумнаго, которой ни въ чемъ не отнимаетъ у меня воли и ведетъ себя прекрасно; для всѣхъ *обыкновенныхъ* людей я щастлива; но... съ моею чувствительностію, съ моимъ сердцемъ такого щастія мало; мнѣ хотѣлось бы любить съ *изступленіемъ*; хотѣлось бы *эѳирнаго сліянія сердецъ, возможнаго только за предѣ-*

лами обыкновенной свѣтской любви (*)... Спанемъ говоритъ о Вальмирѣ. Надобно, чтобы вы, милая Линдана, теперь же поѣхали въ Версалїю и выпросили ему у Министра отпускъ, черезъ Герцогиню Д**. — „Поѣду сїю минуту, и возвращусь къ вамъ ужинать.“

Морфиза остановила Линдану, уговаривая ее написать нѣсколько строкъ къ Вальмиру — „въ первый и въ послѣднїй разъ,“ сказала она: „онъ стоитъ того, чтобы вы письменно подтвердили ваше обязательство.“ Линдана согласилась; написала, и торжественно повторила свое обѣщанїе, но запретила ему отвѣчать. Она поѣхала въ Версалїю, увидѣлась съ друзьями своими и за тайну разсказала имъ, что сдѣлалъ для нее Вальмиръ. Друзья удивлялись, хвалили его съ жаромъ, растрогались, и выпросили для Вальмира дозволенїе путешествовать. Съ сего дня онъ сдѣлался Героемъ *чувствительныхъ женщинъ*, которыя тогда составляли уже нѣкотораго роду секту; говорили много о дружбѣ, о любви и *достоинствѣ* женскаго полу; имѣли особен-

(*) Это выраженїе взято изъ одного новаго романа, говоритъ Авторъ.

ной, *страстной языкъ*; оставляли другимъ, обыкновеннымъ женщинамъ кроткія, умѣренныя склонности, пріятность невинности и робости, превосходя самыхъ мущинъ въ *твердости*, *силѣ характера и Философіи*. Линдана не могла еще равняться съ ними, однакожь имѣла щастливое къ тому расположеніе, которое подавало надежду, что она съ помощію нѣкоторыхъ книгъ и примѣровъ не отстанетъ отъ другихъ Героинь въ семъ родѣ. Въ девять часовъ вечера Линдана съ торжествомъ возвратилась изъ Версаліи. Морфиза любила всегда театральныя явленія, и, какъ скоро отворились двери, бросилась на встрѣчу къ Линданѣ, пробѣжала мимо всѣхъ гостей своихъ, схватила ее за руку, отвела къ окну, и запыхавшись спрашивала: *что? что?*.. Линдана тихонько отвѣчала на всѣ ея вопросы, и разговоръ ихъ продолжался до самаго того времени, какъ поставили кушанье. Не смотря на всю занимательность сего таинственнаго разговора, Линдана примѣтила, что Жеркуръ въ комнатѣ, и что онъ смотритъ на нее. Женщины умѣютъ глядѣть въ сторону, не поворачивая головы. Природа справедливо наградила симъ особеннымъ дарованіемъ тѣхъ, которыя не должны никогда смо-

трѣть пристально, и которыя часто обязаны потуплять глаза въ землю.

Пошли въ столовую. Жеркуръ предложилъ руку Линданѣ, которая удивилась, какъ будто бы не видавъ его прежде. Сія маленькая хитрость есть не притворство, а неумышленное движеніе въ женщинахъ, хотящихъ закрыть тѣмъ невольную склонность, иногда отъ самихъ себя, по скромности или гордости. Онѣ показываютъ, будто не примѣтили человѣка, котораго искали глазами входя въ комнату, и котораго безъ сомнѣнія прежде всѣхъ увидѣли.

Сѣли за столъ — Жеркуръ подлѣ Линданы. Было много людей, и когда разговоръ сдѣлался общимъ, Линдана начала тихонько говорить съ Жеркуромъ о письмѣ Вальмировомъ. Онъ уже читалъ его. Чтожь вы скажете? спросила она: видите ли, что сильныя страсти бываютъ, и даже въ *наше время*? — И вижу и нѣтъ, отвѣчалъ Жеркуръ. — „Можно ли?“ — Естьли, на примѣръ, Вальмиръ любитъ путешествіе, а вы, наскучивъ его исканіемъ, обрадовались этому случаю освободиться отъ него: то все геройство исчезаетъ. — „Вы чуднымъ образомъ изъясняете вещи.“ — Всего чуднѣе было бы для меня то, чтобы вы въ самомъ дѣлѣ

любили Вальмира. — „Чуднѣе? какая странная мысль! Я была бы очень неблагодарна, естьли бы не любила его.“ — Любовь не раждается никогда отъ должности. Не достоинство, а взоръ вселяетъ ее: вотъ тайна и прелесть любви! — „Вы сами сочинили это правило; однакожь могу вамъ сказать искренно, что сердце мое привязано къ Вальмиру.“ — А я съ своей стороны увѣренъ, что вы не имѣете къ нему любви. — „Это прекрасно! какъ, я не люблю Вальмира?“ — Ни мало. — „Не по тому ли, что разсталась съ нимъ на три года?“ — Признаюсь, что это обстоятельство совсѣмъ не кажется мнѣ трогательнымъ доказательствомъ любви. — „Оно и не есть доказательство; но любя я хочу быть любимою.“ — Онъ увѣрялъ васъ въ страсти своей? — „Что же?“ — Можно ли послѣ того сомнѣваться, когда любишь? — „Вы хотите, чтобы мы вѣрили одному слову?“ — Не я, а любовь того хочетъ, когда она подлинно дѣйствуетъ въ сердцѣ. — „Я не сомнѣвалась въ его искренности, а хотѣла только увѣриться опытомъ въ его постоянствѣ.“ — Опытомъ! самая дружба не смѣетъ его требовать; а любовь еще нѣжнѣе. — „Я буду радоваться его жертвою и гордиться мыслію.

что онъ заслужилъ предпочтенїе.“ — Вы не будете имѣть удовольствїя *отдать себя;* Вальмиръ купитъ руку вашу трехлѣтнею скукою. — „Онъ не будетъ такъ думать.“ — А вы сами можете ли не упрекать себя? развѣ любовь есть торгъ? — „Не торгъ; но всякое чувство требуетъ увѣренїя.“ — Кто любитъ, тотъ вѣритъ. — „И такъ я кажусь вамъ виноватою?“ — Естьли вы любите, то не понимаю васъ. — — Тутъ Жеркуръ долженъ былъ отвѣчать другимъ, и разговоръ пресѣкся, оставивъ глубокое впечатлѣнїе въ сердцѣ Линданы. Жеркуръ не только не хвалилъ, но еще осуждалъ ее! не находилъ въ ней *чувствительности*, и думаетъ о любви совсѣмъ иначе! Не смотря на Жеркурову холодность, она внутренно отдавала справедливость его здравому сужденїю. Какъ! мыслила Линдана: не уже ли романическое воображенїе еще далѣе отъ любви, нежели и самое равнодушїе? Онъ удивляетъ меня своимъ хладнокровїемъ, похожимъ на истину. Надобно непремѣнно возобновить этотъ разговоръ. — — Въ самомъ дѣлѣ Линдана опять прїѣхала къ Морфизѣ, чтобы видѣть Жеркура; но онъ уѣхалъ въ Версалїю на восемь дней. Во все это время она скучала и на все досадовала. Обык-

новенныя разсужденія о чувствительности въ домѣ у Морфизы уже совсѣмъ не занимали ее; она брала въ нихъ участіе единственно изъ благопристойности.

Наконецъ Жеркуръ возвратился, и снова оживилъ ее; однакожь Линдана перемѣнила тонъ свой; говорила уже просто, безъ всякихъ мудростей, и даже съ нѣкоторымъ видомъ робости, которой въ ней прежде никогда не бывало; она колебалась въ своихъ мнѣніяхъ; не вѣрила самой себѣ; досадовала, безпокоилась . . . мучительное состояніе для человѣка, которой привыкъ властвовать и все рѣшить! Нѣсколько дней Линдана не могла говорить съ Жеркуромъ; и когда нашелся случай, не смѣла имъ пользоваться. Жеркуръ не упоминалъ о Вальмирѣ; говорилъ о постороннихъ вещахъ, но веселѣе и пріятнѣе обыкновеннаго. Линдана въ грусти и задумчивости не умѣла быть любезною; чувствовала свою неловкость и досадовала. На другой день занемогла *нервною слабостію*, и послала за Докторомъ Бордо, которой прославился трактатомъ своимъ *о пульсѣ*, и зналъ женщинъ гораздо лучше, нежели Медицину. Другой, обыкновенной Медикъ сказалъ бы Линданѣ просто и грубо, что она здорова; но ученой Бордо вынулъ часы

съ секундами, устремилъ глаза на стрѣлку, взялъ руку, которую больная протянула ему съ томностію, нагнулъ голову, съ видомъ величайшаго вниманія стоялъ неподвижно долѣе десяти минутъ, и считалъ біенія пульса. Наконецъ, вышедши изъ своего глубокомыслія, сказалъ: „такъ, причина болѣзни есть *моральная*!“ . . . Надлежало согласиться, когда пульсъ открылъ истину; и Линдана призналась, что ея сердце въ волненіи. Она не назвала человѣка — и кого могла назвать? Вальмиръ ли безпокоилъ ее своимъ отсутствіемъ, или Жеркуръ своимъ хладнокровіемъ, оскорбительнымъ для ея самолюбія? Линдана сама не знала. Женщины никогда не хотятъ знать того, въ чемъ онѣ еще не признались себѣ откровенно. Это избавляетъ отъ труда бороться съ собою; а когда сердце заговоритъ уже такъ громко, что не льзя будетъ не слыхать его, тогда мы скажемъ: *теперь уже не время ему противиться!*

Однажды Линдана пріѣхала къ Морфизѣ ввечеру и нашла у нее Жеркура вмѣстѣ съ тремя или четырмя мущинами. Говорили съ живостію и спорили. Морфиза, по своему обыкновенію, утверждала съ великимъ жаромъ противное здравому смыслу. Въ такихъ случаяхъ другіе не опро-

вергали ее, для того, что не слушали. Она повторяла, кричала, выходила изъ силъ, и въ заключенїе говорила, что ея мнѣнїе справедливо, ибо никто въ самомъ дѣлѣ не могъ опровергнуть его. — „Ахъ, милая Линдана! какъ я вамъ рада!“ сказала она, увидѣвъ ее: „здѣсь споръ и шумъ; никто не хочетъ слушать. Вы должны привести насъ въ разсудокъ. Жеркуръ въ нынѣшнїй вечеръ совершенно снялъ съ себя маску; онъ утверждаетъ величайшїя странности, и “.... Не знаю, что вамъ кажется страннымъ, отвѣчалъ Жеркуръ: говорили о древнихъ рыцаряхъ; я хвалю ихъ геройство, великодушїе, любовь и дружбу; думаю только, что нынѣ мы не можемъ подражать имъ, естьли снова не впадемъ въ варварство .... „Я увѣрена, что можемъ!“ перервала Морфиза.... Надобно согласиться (продолжалъ Жеркуръ), что вѣрные рыцари безъ великаго труда хранили вѣрность свою. Они молчали или говорили только о войнѣ; не знали прелести ума, Искусствъ, талантовъ. Воскресите Амадиса въ Парижѣ; велите ему три мѣсяца заниматься спектаклями, балами; велите ему здѣсь ужинать . . . желайте ему нравиться . . . (это слово было сказано Линданѣ) . . . и наконецъ спросите у него, думаетъ ли

онъ безпрестанно *о богинѣ души своей*?... Тутъ опять всѣ начали говорить, кромѣ Линданы и Жеркура, который всегда молчалъ во время споровъ, и думалъ о другомъ, естьли споръ не занималъ его. Удивленный безмолвіемъ Линданы, онъ взглянулъ на нее: она закраснѣлась, и потупила глаза въ землю. Жеркуръ всталъ, подошелъ къ ней, облокотился на каминъ, и сказалъ тихонько: „Не правда ли, что предки наши не имѣли идеи о той любезности и прелести разума, которая всего болѣе трогаетъ сердце?... Вы не хотите говорить; не хотите согласиться со мною?“.... Развѣ не довольно того, чтобы слушать васъ? съ живостію отвѣчала Линдана.... Для свѣтскихъ людей, которые умѣютъ замѣчать всѣ нѣжныя оттѣнки страстей и чувствъ, скрываемыхъ въ сердцѣ, одно слово открываетъ иногда душу. Краска, замѣшательство, выразительный взоръ, въ *особенности* не бываютъ вѣрными знаками; но *вмѣстѣ*, и съ такими словами, которыя легко можно растолковать въ пользу тайнаго желанія, составляютъ уже доказательство. И такъ Жеркуръ узналъ, что Линдана имѣетъ къ нему склонность; онъ былъ тронутъ, но скрылъ свою чувствительность. Мущины въ обхожденіи съ вѣтреными кокет-

ками славятся такою проницательностїю и не таятъ догадки своей, зная, что надобно пользоваться щастливою минутою; напротивъ того *не хотятъ* разумѣть первой нескромности добродѣтельныхъ женщинъ: онѣ могли бы испугаться и преодолѣть склонность; надобно имъ дать время запутаться въ сѣтяхъ. Эта хитрость есть похвала для женщины; тайный любовникъ боится ея гордости, размышленїй, и надѣется на постоянство. Что въ разсужденїи одной есть оплошность, то въ разсужденїи другой есть тонкая хитрость.

Линдана, видя равнодушное спокойствїе Жеркура, сама вышла изъ замѣшательства. Тутъ Морфиза начала говорить съ нимъ. Вижу, что вы дѣлаете, сказала она засмѣявшись: вамъ хочется обольстить Линдану. — „Ни мало," отвѣчала Линдана: „онъ и не думаетъ объ этомъ!" Тутъ вошли другїе гости, и разговоръ сдѣлался общимъ.

За ужиномъ Жеркуръ не сѣлъ рядомъ съ Линданою, которая была не весела и задумчива. Послѣ ужина хозяйка вздумала ѣхать въ маскарадъ съ Жеркуромъ и Линданою. Морфизѣ было уже 34 года; но она все еще безъ памяти любила сего роду забавы, для того, что славилась

такъ - называемымъ *маскарадным остроумїемъ*; забывала свое природное добродушїе; всѣхъ критиковала, насмѣхалась, осыпала знакомыхъ и незнакомыхъ эпиграммами, чтобы поддерживать *славу* свою.

Когда всѣ гости уѣхали, хозяйка надѣла большую маску, Линдана капотъ, Жеркуръ черную домину, и во второмъ часу прїѣхали въ маскарадъ. Морфиза съ обыкновенною своею живостїю говорила со всѣми масками; но скоро одна голубая домина обратила на себя все ея вниманїе — Морфиза подала ей руку, оставила товарищей, и скрылась въ толпѣ. Линдана устала, сѣла и спросила у Жеркура, любитъ ли онъ то, что называютъ *маскарадным умомъ*? „Я люблю *умъ ежедневной*, отвѣчалъ онъ, и не могу терпѣть того, которой противенъ скромности и тихости, столь любезнымъ въ женщинѣ. Не говорю уже объ этомъ странномъ пискѣ, несносномъ для меня въ маскарадныхъ разговорахъ; такой голосъ сдѣлалъ бы и самыя любезныя слова непрїятными.“ — И такъ вы никогда не влюблялись въ маскарадѣ? — „Напротивъ, я разлюбилъ въ немъ многихъ женщинъ, которыхъ находилъ въ свѣтѣ милыми.“ — Я никогда уже съ вами не поѣду въ маскарадъ. — — Это

слово, сказанное съ величайшимъ простосердечїемъ (naïveté) тронуло Жеркура, хотя онъ притворно засмѣялся и сказалъ: „Вотъ дѣйствїе маски! вы, обыкновенно не любя ни надъ кѣмъ смѣяться, вздумали шутить надо мною!“ — Это шутка? — „Не знаю; мнѣ извѣстно единственно то, что живо чувствовать дѣйствїе любезности есть иногда нещастїе.“ — Ахъ! я увѣрена, что излишняя чувствительность не потревожитъ никогда вашего спокойствїя! — „Естьли вы такъ думаете, то не перемѣните никогда вашихъ мыслей.“ — По чему же? — „По тому что я никогда не вздумаю увѣрять васъ въ противномъ.“ — Конечно; что вамъ нужды! — „Что мнѣ нужды? требуете ли отъ меня совершенной искренности? Я могу молчать; но никогда не скажу вамъ неправды; никогда не дозволю себѣ притворства.“ — Это правда; надобно согласиться, что вы не любите притворяться. — „Слѣдственно вы мнѣ повѣрите?“ — Всегда. — „Какая польза?“ — Развѣ совершенная довѣренность для васъ ничто? — „Ваша довѣренность? нѣтъ, я не требую ее. Что вы мнѣ скажете новаго? развѣ чувства ваши мнѣ неизвѣстны?“ — И такъ я напрасно буду желать дружбы вашей? — „Совершенно напрасно!“ — Я не ожидала такого отвѣта. — „Естьли

будете меня спрашивать, то услышите еще много неожидаемаго." — Вы не хотите быть другомъ моимъ? — „По крайней мѣрѣ не могу сдѣлаться имъ скоро; мнѣ надобно много, много времени; и можетъ быть никогда бы не успѣлъ въ этомъ намѣренїи. Дозволите ли спросить, отъ чего вы краснѣетесь?" — Какъ! по чему вы это знаете? — „Не уже ли думаете, что эта несносная маска можетъ скрыть отъ меня лицо ваше? Нѣтъ, я вижу его." ...

Въ сїю минуту явилась Морфиза съ незнакомою своею маскою, осипнувъ отъ крику и хромая отъ усталости; она сѣла подлѣ Линданы, а незнакомецъ стоялъ передъ нею. „Я привела къ вамъ самую любезнѣйшую маску," сказала Морфиза: „незнакомецъ наговорилъ мнѣ чудеса; я никакъ не могу узнать его." — Не мудрено, сказалъ тихонько Жеркуръ Линданѣ: онъ рѣдко бываетъ въ хорошихъ домахъ, и Морфиза вѣрно никогда не встрѣчалась съ нимъ. Это Дюваль, глупецъ и нахалъ. — Онъ еще не успѣлъ договорить, когда Морфиза начала упрашивать Линдану, чтобы она вступила въ разговоръ съ голубою доминою. „Это рѣдкой умъ," примолвила Морфиза: „что слово, то эпиграмма." Второй портретъ не могъ истре-

бить въ мысляхъ Линданы впечатлѣнїй перваго. Сверхъ того, досадуя, что ей помѣшали говорить съ Жеркуромъ, она совсѣмъ не расположена была слушать маскарадныхъ шутокъ. Дюваль, видавъ ее въ спектакляхъ, узналъ Линдану, не смотря на маску, и началъ осыпать ея красоту глупыми похвалами, которыя она принялa сухо. Онъ разсердился, вздумалъ говорить о Вальмировомъ путешествїи и шутить очень грубо. Линдана не удостоила его отвѣта. Дюваль продолжалъ. Тутъ Жеркуръ снялъ съ себя маску и взглянулъ на него сурово, не говоря ни слова. Это испугало Линдану. Пойдемъ-те, сказала она, и встала, взявъ Жеркура за руку, какъ будто бы для того, чтобы удержать его. Увидимся ли мы? спросилъ Дюваль у Жеркура, который, вмѣсто отвѣта, пожалъ его руку и отворотился. Линдана хотѣла ѣхать: Морфиза согласилась, будучи въ крайнемъ замѣшательствѣ отъ худаго успѣха своей голубой домины. Линдана досадовала и боялась; однакожь, не видя подлѣ себя Дюваля, успокоилась. Жеркуръ проводилъ ихъ до кареты, и сказалъ, что уѣдетъ за ними же. Линдана худо провела ночь, и въ восемь часовъ утра послала человѣка къ Жеркуру, будто бы за книгами, которыя онъ объ

щалъ ей. Слуга возвратился съ отвѣтомъ, что Жеркуръ упалъ съ лошади и вывихнулъ себѣ ногу... „Боже мой!“ воскликнула Линдана, залившись слезами: „онъ вѣрно раненъ на поединкѣ!..Что будетъ со мною?“....

(*Окончанїе впредь.*)

II.

Письмо Христофора Коломба къ Гишпанскому Королю, недавно найденное.

Сїе любопытное письмо не есть вымыселъ: оно взято изъ стариннаго манускрипта, отысканнаго въ Ямайкѣ, и писано во время послѣдняго Коломбова путешествїя, когда онъ, открывъ Мексику и весь берегъ твердой земли, отъ залива Гондуразскаго до устья Ореноки, принужденъ былъ поставить на мѣлъ корабли свои въ Ямайкѣ. Страдая отъ подагры, оставленный большею частїю своихъ матрозовъ, имѣя крайнїй недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ и будучи въ войнѣ съ дикими жителями острова, онъ хотѣлъ по крайней мѣрѣ увѣдомить о себѣ Короля, и отправилъ вѣр-

наго слугу своего въ Сен-Доминго, на маленькой Индѣйской лодкѣ, съ разными бумагами и съ слѣдующимъ письмомъ, которое, по всей вѣроятности, не дошло тогда до Гишпанскаго Двора.

Христофоръ Коломбъ къ Фердинанду, Королю Гишпанскому.

Ямайка, 1503.

Всемилостивѣйшій Государь!

Дїего Мендесъ и посылаемыя съ нимъ бумаги извѣстятъ Ваше Величество о богатствѣ золотыхъ минъ, открытыхъ мною въ провинцїи Верагваской, гдѣ я хотѣлъ оставить брата моего, естьли бы воля Небесная и дѣйствїе рока тому не воспрепятствовали.

Какъ бы то ни было, но злощастный Коломбъ охотно уступитъ другимъ щастливѣйшимъ мореплавателямъ славу довершить его открытїя и завести тамъ колонїи, естьли онѣ послужатъ ко славѣ и пользѣ Короля моего.

Когда Богъ дозволитъ Мендесу прїѣхать въ Гишпанїю, то онъ безъ сомнѣнїя докажетъ Вашему Величеству и августѣйшей Монархинѣ (*), что я прибавилъ къ Гишпанскимъ владѣнїямъ не замокъ

(*) Изабеллѣ.

съ садомъ, но цѣлую половину свѣта, съ безчисленными подданными, землями чудесно-плодоносными и такими богатствами, какихъ не представляло воображенїе и едва можетъ пожелать корыстолюбїе.

Но ахъ! ни Мендесъ, ни сїе письмо, и никакой языкъ не изобразитъ тоски моей, тѣлесныхъ и душевныхъ страданїй, опасности и бѣдствїй, въ которыхъ я нахожусь съ моимъ сыномъ, братомъ и друзьями.

Уже болѣе десяти мѣсяцевъ мы живемъ на открытой палубѣ кораблей нашихъ, стоящихъ на мѣли берега. Здоровые матрозы мои взбунтовались по внушенїю братьевъ Перрассовъ; а тѣ, которые остались вѣрными, умираютъ. Мы извели всѣ съѣстные припасы Индѣйцевъ, и, будучи ими оставлены, ожидаемъ голодной смерти.

Къ сему бѣдствїю надобно еще прибавить столько горестныхъ обстоятельствъ, что трудно сыскать на землѣ другова, подобнаго мнѣ нещастливца. Кажется, будто самое Провидѣнїе служитъ моимъ завистникамъ, и всѣ услуги, всѣ открытїя вмѣняетъ мнѣ въ преступленїя. О небо! и вы, святые жители его! сотворите, чтобы Король Фердинандъ и Госу-

дарыня всемилостивѣйшая, Донна Изабелла, узнали, что я всѣхъ на свѣтѣ злощастнѣе, и единственно отъ моего усердія къ ихъ пользѣ!

Нѣтъ, ничто не можетъ сравняться съ моимъ бѣдствіемъ! Я вижу, какъ лютая смерть приближается ко мнѣ и (что еще ужаснѣе!) къ вѣрнымъ друзьямъ моимъ и товарищамъ. Увы! человѣколюбіе и справедливость удалились въ небесныя жилища свои! тотъ нынѣ преступникъ, кто сдѣлалъ или обѣщалъ великое!

Видя передъ собою гибель, могу ли пользоваться титуломъ Намѣстника и великаго Адмирала? онъ сдѣлаетъ меня еще ненавистнѣе народу Гишпанскому! Нѣтъ сомнѣнія, что судьба хочетъ прервать слабую нить бытія моего. Кромѣ моей старости и жестокой подагры, я страдаю еще отъ другихъ болѣзней, въ ужасной пустынѣ, гдѣ нѣтъ ни лекарствъ, ни пищи для тѣла, ни духовника для души, среди бунтовщиковъ и мятежниковъ, съ моимъ сыномъ, братомъ и друзьями больными; и сверхъ того оставленъ Индѣйцами!

Епископъ Сен-Доминґскій Овандо присылалъ сюда, не для того, чтобы оказать мнѣ помощь, а единственно желая узнать, умеръ ли я; ибо послан-

ные не имѣли ко мнѣ писемъ, не хотѣли взять ихъ отъ меня, не хотѣли даже говорить съ нами. Враги мои увѣрены, что я здѣсь погибну.

Пресвятая Богородица, милосердая къ угнетеннымъ и злощастнымъ! для чего ты не допустила жестокаго Бовадиллу (*) прекратить мою жизнь, когда онъ похитилъ у меня золото, столь дорого купленное, и безъ всякаго суда, безъ малѣйшей вины, послалъ меня въ Гишпанію, оковавъ цѣпями? Сіи цѣпи остаются единственнымъ моимъ сокровищемъ; я велю зарыть ихъ съ собою въ землю, естьли Богъ дастъ мнѣ могилу! ибо желаю, чтобы вмѣстѣ со мною исчезла и память сего варварскаго дѣла. Естьли бы я тогда умеръ, то Овандо не имѣлъ бы удовольствія черезъ 10 или 12 мѣсяцевъ видѣть меня жертвою нещастныхъ обстоятельствъ и злобы людей.

Мать Іисусова! не дай ему новымъ злодѣйствомъ посрамить Кастилланскаго имени! Да не знаютъ будущіе вѣки, что въ настоящемъ были такіе гнусные люди, которые думали услужить Королю

(*) Сен-Домингскаго Губернатора, который гналъ Коломба.

Фердинанду погибелїю бѣднаго Коломба, не за вины его, а за то, что онъ имѣлъ славу открыть новой свѣтъ и подарить его Гишпанїи!

Великїй Боже! то было дѣломъ Твоимъ: ибо Ты наставилъ и велъ меня къ сей великой цѣли. Умилосердися надо мною и преклони ко мнѣ сердца людей, которые еще любятъ справедливость и человѣчество!.. А вы, души праведныхъ, видящїя мою невинность и страданїя! сжальтесь надъ симъ бѣднымъ вѣкомъ, столь завистливымъ и нечувствительнымъ къ судьбѣ моей!

Теперь могу надѣяться только на сожалѣнїе и правосудїе потомства; оно конечно будетъ тронуто моимъ жребіемъ, когда узнаетъ, что я на свое иждивенїе, съ опасностїю жизни моей и брата любезнаго, и почти безъ всякихъ издержекъ со стороны Короля, въ 12 лѣтъ и въ четыре путешествїя оказалъ ему такїя услуги, какихъ донынѣ смертные еще не оказывали своему Государю и отечеству, и въ награду за то лишенъ всего, кромѣ цѣпей моихъ! Человѣкъ, который покорилъ новый мїръ для Гишпанїи, не имѣетъ ни въ новомъ, ни въ старомъ, самой бѣднѣйшей хижины,

въ которой онъ могъ бы укрыться съ жалкимъ семействомъ своимъ!

Естьли Небо, предвидя въ открытіи новаго свѣта какія нибудь ужасныя бѣдствія для стараго, осуждаетъ меня, въ наказаніе за то, погибнуть въ сей лютой ссылкѣ: то молю васъ, Ангелы, защитники невинныхъ! молю донести сіе письмо до рукъ моей Королевы. Она знаетъ, что я претерпѣлъ для славы ея, и не захочетъ по своей справедливости оставить въ бѣдности дѣтей и братьевъ того человѣка, которой открылъ для Гишпаніи источникъ несмѣтныхъ богатствъ и прибавилъ къ ея владѣніямъ обширныя имперіи, доколѣ неизвѣстныя! Естьли Она жива, то побоится, чтобы жестокость и неблагодарность людей въ разсужденіи меня не воспалили гнѣва Небеснаго, и чтобы Всевышній не наказалъ потомства Гишпанской націи за вину предковъ, и не отдалъ другимъ народамъ богатствъ открытаго мною міра!

(*Изъ European-Magazine.*)

III.

Историческія воспоминанія, вмѣстѣ съ другими замѣчаніями, на пути къ Троицѣ и въ семъ монастырѣ.

(Продолженіе.)

Лавра со всѣхъ сторонъ окружена горами, покрытыми нѣкогда дремучимъ лѣсомъ. Святый Сергій, рожденный въ нещастныя времена нашего отечества, когда внѣшніе непріятели и внутренніе раздоры обращали Россію въ истинную *юдоль плача*, въ самой цвѣтущей юности удалился отъ свѣта, который представлялъ ему горестное зрѣлище злодѣйствъ и бѣдствій. Здѣсь мракъ лѣсовъ и дикое уединеніе, оградивъ его своею тишиною, не мѣшали святому юношѣ мирно бесѣдовать съ Творцемъ Натуры; здѣсь, отвращаясь сердцемъ и взоромъ отъ мятежной земли, въ безмолвіи пустынь гласилъ онъ съ Пророкомъ древности: *Небеса повѣдаютъ славу Божію! . . . Но Святый Угодникъ*, какъ говоритъ почтенный Историкъ Лавры, *сокрывъ себя въ пустынѣ, не могъ сокрыть имени своего.* Мірскія добродѣтели ищутъ славы: она сама находитъ небесную святость, и не щадитъ ея скромности. Скоро уединеніе благочестиваго Сергія сдѣлалось

извѣстнымъ, и многіе старцы захотѣли молиться вмѣстѣ съ юношею. Вотъ происхожденіе сей обители, смиренной въ своемъ началѣ, славной и великолѣпной въ послѣдствіи! то есть, судьбу ея можно нѣкоторымъ образомъ уподобить жребію самой Христіянской Религіи.

Я обошелъ сперва вокругъ стѣны монастырской и готическихъ башенъ ея. Глубокой ровъ, высокія стѣны и самое положеніе монастыря дѣлали его нѣкогда лучшею крѣпостію нашего государства. Въ пятомъ - и шестомъ - надесять вѣкѣ монахи ограждали себя каменными стѣнами не столько отъ мірскихъ соблазновъ, сколько отъ грозныхъ непріятелей, которые искали у нихъ сокровищъ. Всѣ старинные монастыри вокругъ Москвы построены на высокихъ мѣстахъ, безъ сомнѣнія не для хорошихъ видовъ, о которыхъ не думали святые отшельники, но для удобнѣйшей защиты. — Я видѣлъ слѣды батарей, которыми Поляки громили Троицкія стѣны; но и развалины бываютъ *тамъ* могилою непріятеля, *гдѣ* два сильныя чувства: любовь къ отечеству и Вѣра, вооружаютъ защитниковъ.

Входя во внутренность ограды, вы видите передъ собою монументы чепы-

рехъ вѣковъ, которые, по словамъ Стихотворца, привѣтствуютъ васъ

Одинъ съ угрюмостью своей,
Другой съ улыбкою веселой!

Соборъ Троицкій основанъ еще при Князѣ Васильѣ Дмитріевичѣ, слѣдственно въ началѣ 15 вѣка; онъ въ свое время казался безъ сомнѣнія великолѣпнымъ, а теперь малѣйшая изъ приходскихъ церквей въ Москвѣ болѣе его. Италіянскій Архитекторъ, именемъ Аристотель, родомъ изъ Болоньи, привезъ къ намъ вкусъ щастливаго вѣка Медицисовъ въ Княженіе Іоанна Васильевича и построилъ въ Москвѣ Соборъ Успенскій, служившій образцомъ и для Успенскаго Собора Лавры, храма величественнаго; прежде того въ Россіи не имѣли идеи о хорошей архитектурѣ. — Изъявивъ Христіянское усердіе къ святынѣ Троицкаго монастыря, я съ любопытствомъ осматривалъ достопамятности церквей и ризницы. Два образа, даръ Царей Іоанна и Годунова Троицкому Собору, осыпаны рѣдкой величины драгоцѣнными камнями. Тутъ же Рускіе Патріоты съ особенною вѣрою прикладываются къ образу Сергія, написанному на отломкѣ гробовой доски его и бывшему во всѣхъ походахъ съ Государемъ ПЕТРОМЪ Вели-

кимъ, и еще съ Царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ: вотъ славное знамя Россіи! — Между многими любопытными вещами я замѣтилъ Евангеліе Царевны Софіи и многія церковныя утвари, вышитыя самою Императрицею Анною, которая отмѣнно любила женскія рукодѣлья. Елисавета Петровна подарила монастырю богатую служебную шапку и панагію, а Великая ЕКАТЕРИНА большіе золотые сосуды. Однимъ словомъ, здѣсь всякой Руской Государь ознаменовалъ Свое царствованіе какимъ нибудь даромъ, кромѣ, естьли не ошибаюсь, ПЕТРА Великаго. Иностранцы, которые видали богатство Италіянскихъ и Гишпанскихъ монастырей, могутъ еще подивиться богатству Троицкой ризницы, большимъ серебрянымъ паникадиламъ, подсвѣчникамъ и другимъ украшеніямъ здѣшнихъ церквей. Серебряная рака Чудотворца Серія есть конечно самая драгоцѣннѣйшая гробница въ свѣтѣ. Кромѣ щедроспи Государей, кромѣ 100.000 душъ, бывшихъ во владѣніи у сего монастыря, вклады частныхъ людей также не мало способствовали его велелѣпію. Сіе отмѣнное усердіе къ Лаврѣ не прохлаждается въ сердцахъ Россіянъ. Не только жители Москвы и въ радостяхъ и въ горестяхъ своихъ посѣщаютъ ее, но и другіе, изъ

самыхъ отдаленныхъ мѣстъ отъ столицы, ѣздятъ сюда на богомолье. Святость Лавры торжествовала и въ наши времена: когда Москва и окрестности ея представляли ужасъ язвы — когда всѣ деревни на Троицкой дорогѣ, и даже здѣшнія слободы были опустошены ею — ни одинъ человѣкъ не заразился въ монастырѣ, отворенномъ для всѣхъ молельщиковъ, которые толпами приходили въ него.

Между колокольнею и Троицкимъ Соборомъ стоитъ каменный обелискъ, сооруженный Митрополитомъ Платономъ. Тамъ, на бѣлыхъ мраморныхъ доскахъ, изображены *четыре* эпохи славы его и незабвенныя услуги, оказанныя имъ Россіи.

1. Когда Димитрій, вдохновенный любовію къ отечеству, осмѣлился наконецъ, черезъ 200 лѣтъ удивительной робости Славянскаго потомства, сразиться съ Татарами, онъ спѣшилъ принять совѣтъ и благословеніе Сергія, который не только утвердилъ его въ семъ великомъ предпріятіи, но далъ ему и двухъ иноковъ, Пересвѣта и Ослябя, явившихъ себя Героями на полѣ сраженія. Хотя радость народа и торжество Димитрія были кратковременны: хотя злобный Тахтамышъ скоро послѣ опустошилъ Рос-

сїю, взялъ и выжегъ Москву: однакожъ на полѣ Куликовскомъ исчезло гибельное суевѣрїе Рускихъ, главная вина ихъ постыднаго рабства: *они считали грозныхъ Титаръ бичемъ Небеснымъ, которому ничто не могло противиться.* Такимъ образомъ великодушный Князь Александръ, Герой на берегахъ Невы, ужасъ Шведовъ и храбрыхъ Нѣмецкихъ Рыцарей, унижался передъ Батыемъ и Сартакомъ — не стыдился смиренно молить ихъ о помилованїи Россїи! Богатыри его: Полоченинъ Храбрый, Миша Новогородецъ, Сава Сильный, Ратмиръ Смѣлый, не дерзали поднять руки на Татарина! Но Димитрїй далъ примѣръ, и великїй Князь Іоаннъ имъ воспользовался; свергнулъ иго — и Москва въ стѣнахъ своихъ увидѣла плѣнныхъ Князей Татарскихъ.

2. Въ мятежное царствованїе Шуйскаго Троицкїй монастырь былъ осажденъ Поляками, которые требовали, чтобы онъ сдался Лжедимитрїю, извѣстному подъ именемъ Тушинскаго. Архимандритъ Іосафъ съ Воеводами Долгорукимъ и Голохвастовымъ изъявили непрїятелю одно презрѣнїе. Начались приступы, кровопролитныя сраженїя, и монахи вмѣстѣ съ малочисленными стрѣльцами умирали на стѣнахъ; святые гимны Христїянскїе, которые день и ночь

не умолкали въ храмахъ Троицы, были для Рускихъ гимнами битвы. Дѣло невѣроятное! цѣлая армїя болѣе года осаждала монастырь, истощила всѣ усилїя, и наконецъ отступила. – Троицкая обитель увѣнчала подвигъ свой тѣмъ, что отправила къ Царю всѣ церковныя сокровища: ибо ему нужны были деньги для содержанїя войска.

5. Когда недостойные бояре и гнусные измѣнники свели съ престола нещастнаго Шуйскаго и впустили Поляковъ въ Москву злодѣйствовать, тогда Троицкїе Патрїоты, Архимандритъ Дїонисїй и Келарь Авраамъ Палицынъ писали грамоты во всѣ города и молили гражданъ вспомнить отечество. Трубецкїй, ими убѣжденный, собралъ войско и приступилъ къ Москвѣ; но не могъ или не хотѣлъ усмирить мятежниковъ въ своей армїи. Пожарскїй остановился въ Ярославлѣ: Келарь Палицынъ спѣшилъ къ нему, заклиналъ его не медлить, самъ отправился съ войскомъ къ столицѣ, былъ въ сраженїяхъ и способствовалъ побѣдамъ. Козаки, требуя жалованья, взбунтовались: начальники Троицкаго монастыря, не имѣя денегъ, прислали имъ ризы, стихари, жемчужныя эпитрахили; мятежники были тронуты, ничего не взяли,

и клялись быть вѣрными. — — Столица освободилась отъ ига; юный Михаилъ царствовалъ, но Польскій Королевичь Владиславъ называлъ себя Царемъ Рускимъ, и скоро осадилъ Москву; не могъ взять ее, и приступилъ къ Троицкому монастырю — но тамъ были еще живы побѣдители Сапѣги и Пана Лисовскаго: храбрые иноки снова явились на стѣнахъ съ Келаремъ Авраамомъ, и такъ славно отразили Владислава, что онъ потерялъ надежду завоевать престолъ Россійскій — заключилъ перемиріе съ монастыремъ и требовалъ мира съ Россіею.

4. Наконецъ юный ПЕТРЪ два раза находилъ въ стѣнахъ Троицкихъ убѣжище отъ злобы Стрѣльцовъ. Здѣсь вооружился онъ мечемъ правосудія для наказанія заговорщиковъ и твердостію прекратилъ умыслы Софіина властолюбія.

Однимъ словомъ, Троицкая Лавра съ самаго основанія своего была истиннымъ Рускимъ Палладіумомъ, и благочестивые старцы ея не только молитвами, но и дѣломъ ревностно служили отечеству. Вообще должно отдать справедливость Россійскому Духовенству: оно во всѣхъ народныхъ бѣдствіяхъ изъявляло героическій патріотизмъ — и для того свирѣпаго Поляковъ, желавшихъ спокойно тиран-

ствовать въ Россіи, болѣе всего устремлено было противъ нашего Духовенства. Такъ добродѣтельный Патріархъ Эрмогенъ сдѣлался жертвою ихъ лютости и своей любви къ отечеству. Гетманъ Желковскій требовалъ отъ него, чтобы онъ запретилъ Пожарскому собирать войско; но сей великій мужъ отвѣчалъ ему: *а кто же спасетъ Россію?* и плавая въ крови своей, еще грозилъ Гетману правосудіемъ Неба и храбростію вѣрныхъ сыновъ отечества. Патріоты! вамъ надобно знать, что прахъ Эрмогена покоится въ Чудовѣ монастырѣ. Отъ того, что мы не имѣемъ порядочной Исторіи, славныя и великія дѣла предковъ намъ мало извѣстны; но ихъ довольно для пера краснорѣчиваго. Съ нѣкотораго времени намъ натвердили о Мининѣ и Пожарскомъ: ихъ любовь къ отечеству безъ сомнѣнія трогательна; но еще трогательнѣе для меня тогдашнее братское согласіе Рускихъ воиновъ, изображенное сею милою, простою чертою въ нашихъ лѣтописяхъ: *никакой ссоры между людьми Пожарскаго не бывало, но всѣ совѣтно и единомышленно другъ съ другомъ поступали.* Вотъ что должно быть въ памяти всѣхъ Рускихъ! Мы со слезами читаемъ въ Греческой Исторіи, съ какимъ усердіемъ маленькія Республики высылали

гражданъ своихъ противъ Царя Персидскаго: у насъ была такая же эпоха. Рускіе съ радостію отдавали имѣніе и жизнь отечеству. На примѣръ: Смоленскъ осажденъ Сигизмундомъ; жители окрестныхъ мѣстъ оставляютъ и домы и семейства свои въ жертву Полякамъ, чтобы спѣшить къ Пожарскому подъ знамя отечества!

Я съ любопытствомъ взглянулъ на Троицкія пушки, бросавшія громъ на Поляковъ, и разсматривалъ остатки оружія, которымъ ихъ разили храбрые иноки. Здѣсь была особенная палата, наполненная бердышами, мечами и пищалями; но Генералъ-Фельдцейгмейстеръ Шуваловъ по указу Императрицы Елисаветы Петровны взялъ сіе древнее оружіе въ Петербургъ; осталась только нѣкоторая часть его на память монастырю.

Въ Лаврѣ двѣ библіотеки: одна принадлежитъ Семинаріи, а другая монастырю; первая состоитъ изъ 6000 книгъ, иностранныхъ и Рускихъ, историческихъ, нравоучительныхъ, богословскихъ, и проч; а во второй однѣ церковныя книги и рукописи. Въ Россіи, подобно какъ и во всѣхъ другихъ земляхъ, монахи во время общаго невѣжества были почти единственными хранителями любопытныхъ манускриптовъ. Всѣ историческія рукописи были изъ

Троицкой библїотеки посыланы къ ЕКАТЕРИНѢ Великой, Которая столь ревностно занималась нашею Исторїею; но мнѣ сказывали, что въ нихъ нѣтъ никакихъ важныхъ отмѣнъ противъ напечатанныхъ лѣтописей.

Къ любопытнымъ вещамъ въ Лаврѣ принадлежитъ и большой колоколъ, въ 4000 пудъ вѣсомъ, первой въ Россїи и въ цѣломъ свѣтѣ, такъ, что и славный Китайскїй не можетъ съ нимъ равняться. Вѣроятно, что онъ и навсегда останется первымъ: вкусъ къ огромнымъ колоколамъ проходитъ. Троицкїе всѣ называются особенными именами: Годуновъ, Лебедь, Переспоръ, и проч. — Видъ съ колокольни (превышающей двумя или тремя саженями Ивана Великаго) отмѣнно хорошъ; монастырскїя окрестности живописны.

Еще недавно сломанъ Троицкїй каменный дворецъ Царя Іоанна Васильевича. Архитектура нынѣшняго дворца не показываетъ древности. Странно, что въ архивѣ монастырской не нашлось никакихъ записокъ о его построенїи. Знаютъ только, что онъ назывался Писаревскимъ, и что Тихонъ Писаревъ былъ Троицкимъ Архимандритомъ около 1720 году; слѣдственно можно заключить, что онъ и постро-

енъ въ это время; внутри же украшенъ лѣпною работою при Елисаветѣ Петровнѣ. Зала, расписанная бирюзовою краскою, представляетъ въ барельефахъ всѣ побѣды ПЕТРА Великаго, съ девизами не дурно вымышленными. Я съ большимъ удовольствїемъ смотрѣлъ на барельефы и читалъ надписи. Въ двухъ комнатахъ стоятъ алебастровыя изображенїя всѣхъ нашихъ Князей и Государей съ самаго Рюрика, сдѣланныя съ медалей, которыя не весьма удачно изобрѣтены художникомъ. На примѣръ, Святославъ, чудесный Герой своего времени, столь прекрасно и живо описанный Несторомъ, изображенъ какимъ-то смиреннымъ Игумномъ: ни одной черты геройской! Лицо Годунова характернѣе другихъ; оно безъ сомнѣнїя есть также вымыселъ; въ его время у насъ не писали портретовъ, воображая, что это грѣхъ, и что одни лица Святыхъ достойны живописи. Любопытно знать, когда и съ кого былъ написанъ первый портретъ въ Россїи? — ПЕТРЪ Великїй могъ еще жить въ этомъ дворцѣ. Онъ часто бывалъ въ Троицкомъ монастырѣ и часто бралъ деньги изъ монастырской казны, давая собственноручныя росписки, которыя и теперь хранятся въ Лаврѣ. Онъ посылалъ Архимандрита

въ церковь, оставался съ Келаремъ, и дружески спрашивалъ: есть ли у нихъ деньги? Келарь отвѣчалъ: „какъ не быть для Вашего Величества?“ и приносилъ мѣшки. Надобно знать, что Троицкіе Архимандриты не вмѣшивались въ экономію монастыря: ею занимались всегда Келари. Я слышалъ сіи подробности отъ таковаго человѣка, которому онѣ извѣстны по вѣрному преданію. — Садъ подлѣ дворца, состоящій изъ алей сѣнистыхъ, вокругъ немалаго пруда, и большое зданіе, гдѣ живутъ семинаристы, называются также Писаревскими.

Троицкая Семинарія, заведенная при Государынѣ Елисаветѣ Петровнѣ, есть одно изъ главныхъ духовныхъ училищъ въ Россіи. Въ ней всѣхъ учениковъ около 400, изъ которыхъ 150 на полномъ казенномъ содержаніи. Кромѣ древнихъ языковъ, здѣсь учатъ Французскому и Нѣмецкому. Это похвально: кому надобно проповѣдывать, тотъ долженъ знать Боссюэта и Массильйона. Нѣкоторые изъ здѣшнихъ монаховъ говорили со мною по-Французски, а важные учители вмѣшивали въ свой разговоръ Латинскія фразы. Они доказывали мнѣ, что ученость привѣтлива: ходили со мною и все показывали съ видомъ искренней услужливости.

Наука даетъ человѣку какое-то благородство во всякомъ состоянiи.

Въ Лаврѣ погребены многiе знаменитые люди; и читая списокъ ихъ, я нашелъ множество именъ, которыхъ уже нѣтъ въ нашихъ дворянскихъ книгахъ: на примѣръ, Князей Пожарскихъ, Горбатыхъ, Гагиныхъ, Ряполоскихъ, Воротынскихъ. Князья Долгорукiе имѣли бы право возобновить фамилiю Пожарскихъ, которой послѣдняя отрасль, внука (есть-ли не ошибаюсь) Князя Дмитрiя Михайловича, вышла за Долгорукаго; съ нею исчезло сiе имя, столь любезное для Рускихъ! — Мнѣ показывали гробъ славнаго Архимандрита Дiонисiя. Я спросилъ, гдѣ лежатъ кости добродѣтельнаго Келаря Авраама? и къ сожалѣнiю услышалъ, что Преосвященный Платонъ, любя великихъ мужей Россiи, напрасно искалъ его могилы; время сокрыло ее завѣсою тайны. Извѣстно только по запискамъ монастырскимъ, *что* Авраамъ оставилъ по кончинѣ своей: мало богатства, но много славы! — Въ Успенскомъ Соборѣ погребена единственная *Лифляндская* Королева въ свѣтѣ, Марѳа Владимiровна, двоюродная племянница Царя Iоанна Васильевича и супруга Магнуса, столь извѣстнаго въ нашей Исторiи. Iоаннъ игралъ судьбою сего Датскаго

Принца; давалъ ему города, чтобы снова отнимать ихъ; велѣлъ Лифляндцамъ быть ему вѣрными, и жестоко наказывалъ ихъ за сїю вѣрность; пожаловалъ его въ Короли, и взялъ въ плѣнъ. Нѣжная супруга раздѣляла съ Магнусомъ непостоянную судьбу его; она по любви къ нему отказалась отъ Россїи, когда онъ прибѣгнулъ наконецъ къ защитѣ Польши, и горести сократили жизнь ея. — Въ часовнѣ, при церкви Сошествїя Св. Духа, стоитъ гробъ ученаго Грека Максима, еще болѣе добродѣтельнаго, нежели ученаго. Онъ противился браку Великаго Князя Василїя Іоанновича съ Княжною Глинскою, находя его незаконнымъ — былъ сосланъ въ заточенїе, возвращенъ при Іоаннѣ и жилъ въ Троицкомъ монастырѣ, когда Царь, послѣ своей тяжкой болѣзни, съ Царицею и съ сыномъ прїѣхалъ въ сїю обитель. Узнавъ о намѣренїи его отправиться въ Кириловскїй монастырь, Философъ Максимъ всячески уговаривалъ Государя остаться въ Москвѣ, доказывая, что Богъ во всѣхъ мѣстахъ равно присутствуетъ, и что гораздо лучше царствовать добродѣтельно, нежели скитаться по отдаленнымъ монастырямъ. Видя же, что Іоаннъ не принимаетъ его совѣта, онъ предсказалъ

ему кончину Царевича. Такъ повѣствуетъ Курбскій, говоря, что благочестивый Максимъ призывалъ къ себѣ Князя Мстиславскаго, Адашева и его самого, заклиная ихъ удержать Царя. Но Іоаннъ не послушался, и предсказаніе сбылось. Сей анекдотъ дѣлается еще любопытнѣе своимъ послѣдствіемъ. Въ монастырѣ Св. Николая, на берегу рѣки Яхромы, путешествующій Царь желалъ увидѣться съ однимъ старымъ монахомъ, который прежде былъ Епископомъ, и котораго любилъ отецъ его. Князь Щербатовъ говоритъ, что лѣтописцы наши не сказываютъ имени сего монаха, а сохранили только его прозванье *Топорковъ*. Почтенный Историкъ ошибся: Князь Курбскій именуетъ его Севастіаномъ, прибавляя, что онъ былъ родомъ изъ Лифляндіи, и за его злыя дѣла лишенъ Епископскаго сана по смерти Василія Іоанновича. Сей чернецъ совѣтовалъ Царю быть истинно самодержавнымъ, отнять всю власть у Бояръ и царствовать ужасомъ. Іоаннъ, по словамъ Курбскаго, такъ плѣнился коварнымъ совѣтомъ монаха, что поцѣловалъ руку его съ восторгомъ, сказавъ: *самъ отецъ мой не могъ бы присовѣтовать мнѣ лучше!..* Царевичь Димитрій скончался дорогою; скоро умерла добродѣтель-

ная Царица Анастасія; Іоаннъ началъ свирѣпствовать, и къ семейственнымъ утратамъ своимъ прибавилъ еще важнѣйшую: потерю любви народной. — Умный Историкъ долженъ разсказывать такіе анекдоты: ибо они любопытны и показываютъ образъ мыслей времени; но онъ имѣетъ еще и другую обязанность: разсуждать, и сказки отличать отъ истины.

Подлѣ Успенскаго Собора вростаетъ въ землю маленькая, желѣзомъ крытая палатка, гдѣ погребена фамилія Годуновыхъ: Царь Борисъ, супруга его, сынъ Ѳеодоръ и нещастная Ксенія. Кто не остановится тутъ подумать о чудныхъ дѣйствіяхъ властолюбія, которое дѣлаетъ людей великими благодѣтелями и великими преступниками? Естьли бы Годуновъ не убійствомъ очистилъ себѣ путь къ престолу, то Исторія назвала бы его славнымъ Государемъ; и царскія его заслуги столь важны, что Рускому Патріоту хотѣлось бы сомнѣваться въ семъ злодѣяніи: такъ больно ему гнушаться памятію человѣка, который имѣлъ рѣдкій умъ, мужественно противоборствовалъ государственнымъ бѣдствіямъ и страстно хотѣлъ заслужить любовь народа! Но что принято, утверждено общимъ мнѣніемъ, то дѣлается нѣкотораго роду святынею;

и робкій Историкъ, боясь заслужить имя дерзкаго, безъ критики повторяетъ лѣтописи. Такимъ образомъ Исторія дѣлается иногда эхомъ злословія... Мысль горестная! Холодный пепелъ мертвыхъ не имѣетъ заступника, кромѣ нашей совѣсти: все безмолвствуетъ вокругъ древняго гроба! глубокая тишина его прерывается только благословеніями или проклятіемъ идущихъ мимо и читающихъ гробовую надпись. Что, естьли мы клевещемъ на сей пепелъ; естьли несправедливо терзаемъ память человѣка, вѣря ложнымъ мнѣніямъ, принятымъ въ лѣтопись безсмысліемъ или враждою?.. Но я пишу теперь не Исторію; слѣдственно не имѣю нужды рѣшить дѣла, и признавая Годунова убійцею Святаго Димитрія, удивляюсь Небесному правосудію, Которое наказало сіе злодѣйство столь ужаснымъ и даже чудеснымъ образомъ.

(Окончаніе въ слѣдующемъ нумерѣ.)

IV.

О долголѣтной жизни.

Г. Синклеръ, Членъ Англійскаго Парламента, издалъ подъ симъ титуломъ

книгу, весьма полезную и любопытную. Изъ наблюденій его слѣдуетъ, что обстоятельства благопріятныя для долгой жизни суть: 1) *Климатъ* умѣренный и даже холодный; въ жаркихъ земляхъ люди не могутъ быть долговѣчны. Въ умѣренныхъ климатахъ частые дожди не вредны для здоровья. Г. Синклеръ ставитъ въ примѣръ дождливую Ирландію, гдѣ очень много стариковъ. — 2) *Образованіе человѣка:* плотные и не высокаго росту люди живутъ долѣе. Малорослые держатъ себя *прямѣе*; дыханіе ихъ свободнѣе; они дѣятельнѣе; жизненныя силы въ нихъ менѣе разсѣяны. Возрастаніе медленное и постепенное до зрѣлыхъ лѣтъ считается также благопріятнымъ для долголѣтія. — 3) *Родители:* надобно, чтобы они были здоровы и не имѣли наслѣдственныхъ болѣзней. — 4) *Характеръ* спокойный и веселый. Страсти и трудная головная работа вредны здоровью. Фонтенель безъ своего забавнаго нрава не могъ бы дожить до 90 лѣтъ; объ немъ говорили справедливо, что онъ *сохранилъ молодость до послѣдней минуты старости* своей. Думаютъ, что во время Регента при Дворѣ Французскомъ было много стариковъ отъ тогдашней общей веселости. Смѣхъ всего здоровѣе, говоритъ

Рабле; изъ чего можно заключить, что смѣшныя книги и театральныя піесы способствуютъ долгой жизни. — 5) *Состояніе въ гражданскомъ обществѣ.* Замѣчаютъ, что въ среднемъ состояніи, въ которомъ неизвѣстны безпокойства честолюбія, люди живутъ долѣе; частый обманъ надежды, терзая сердце, изнуряетъ жизненныя силы. Мораль, Философія и кроткія чувства Религіи сохраняютъ здоровье. — 6) *Ремесло:* на примѣръ, рудокопы и стекольщики должны умирать скорѣе садовника, рыбака, столяра. Хотя Тайлеръ, Шотландскій рудокопъ, жилъ 132 года, а стекольщикъ Примъ 102; однакожь такіе примѣры рѣдки. — 7) *Движеніе* или *работа:* и то и другое въ умѣренности своей бываетъ главнымъ источникомъ здоровья. — 8) *Бракъ:* всѣ люди за сто лѣтъ были женаты. Американскій Докторъ Рошъ увѣряетъ, что безбрачное состояніе для мущинъ вреднѣе, нежели для женщинъ. — 9) *Полъ:* женщины, которымъ исполнилось 48 лѣтъ, живутъ послѣ долѣе мущинъ. Женевцы, отдавая капиталы въ проценты на жизнь, всегда выбирали женщину въ 24 года, имѣющую дѣтей; она болѣе всѣхъ можетъ надѣяться на долговременную жизнь. — 10) *Возобновленіе молодости:* бываетъ иногда, что

за сорокъ лѣтъ выростаютъ у человѣка волосы, зубы, и силы умножаются: вотъ знакъ долговременной жизни! — — Г. Синклеръ прибавляетъ, что пища, одежда, домъ, Медицина, упражненіе и привычки имѣютъ также великое вліяніе на здоровье человѣка.

Таблица обыкновенной жизни, взятая имъ изъ Гуфландовой книги, весьма печальна: изо 100 человѣкъ не болѣе шести доживаютъ до 60 лѣтъ. Они умираютъ въ слѣдующемъ порядкѣ:

Прежде десяти лѣтъ				50.
Между	10	и 20	—	20.
—	20	и 30	—	10.
—	30	и 40	—	6.
—	40	и 50	—	5.
—	50	и 60	—	3.
				94.

Вотъ богатая матерія для проповѣдниковъ и Моралистовъ! Такая краткая и невѣрная жизнь стоитъ ли того, чтобы терзать себя и другихъ? Самое пламенное честолюбіе можетъ охладѣть, когда мы рѣшимся часто взглядывать на сію таблицу. — Но не грустите излишно, нѣжные и страстные друзья жизни! Надежда осталась въ Пандориной коробкѣ; слѣдующія строки могутъ утѣшить васъ:

Галлеръ исчислилъ 1115 человѣкъ, жившихъ за сто лѣтъ; изъ нихъ 1000 жили отъ 100 до 110 лѣтъ, 62 отъ 110 до 120, 29 отъ 120 до 130, 15 отъ 130 до 140, 5 отъ 140 до 150. Англичанинъ Парръ жилъ 152 года, а Дженкинсъ 169 лѣтъ.

Синклеръ между многими вопросами предлагаетъ слѣдующій: „Какое вліяніе имѣетъ нынѣшній образъ жизни Французовъ на ихъ здоровье?“ Одинъ Парижскій Медикъ отвѣтствуетъ ему въ *Монитерѣ*, что нынѣ вообще живутъ во Франціи долѣе, 1) отъ большаго употребленія кофе, уменьшившаго въ городахъ употребленіе дурнаго вина и водки; сверхъ того кофе самъ по себѣ имѣетъ жизненную силу — 2) отъ большаго числа раннихъ браковъ, не допускающихъ людей до распутства — 3) отъ меньшаго принужденія въ общественной жизни — 4) отъ лучшей одежды, удобности и порядка въ домахъ — и наконецъ 5) отъ успѣховъ Медицины.

V.

О Вашингтонѣ.

Въ исходѣ прошедшаго Мая скончалась въ Америкѣ вдова Генерала Вашингтона въ своемъ Мон-Вернонскомъ помѣстьѣ. Она имѣла дѣтей отъ перваго супруга; но утвердитель Американской свободы не оставилъ наслѣдниковъ добродѣтелей своихъ: тѣмъ болѣе сожалѣютъ о его кончинѣ добрые сограждане, которые, можно сказать, боготворили сего великаго человѣка.

Вашингтонъ служилъ въ наши времена едва ли не единственнымъ примѣромъ древней простоты во нравахъ, которую мы славимъ всего болѣе отъ того, что не видимъ ее. Правда, что онъ родился въ землѣ незнакомой съ искусствами роскоши; отдаленные берега Атлантическаго моря еще сохранили печать Натуры, и Республиканцы Американскіе удержали характеръ ея въ самыхъ своихъ политическихъ законахъ.

Послѣдніе дни Вашингтоновой жизни въ мирномъ уединеніи Мон-Вернона казались яснымъ вечеромъ прекраснаго дня. Отдавъ мѣсто Президента Джону Адамсу, онъ долженъ былъ въ угожденіе согражданамъ еще называться Генералиссимусомъ Американской арміи; но сіе

достоинство не мѣшало ему наслаждаться покоемъ, любезнымъ его старости. Мон-Вернонъ, гдѣ всѣ иностранцы и многочисленные друзья Американскаго Героя были съ ласкою принимаемы, сохранилъ скромную наружность и сельскую тишину свою. Хозяинъ его занимался единственно добродѣтелями золотаго вѣка; садилъ, пахалъ и сѣялъ, окруженный множествомъ невольниковъ, которые любили его какъ отца. Оттуда ѣзжалъ онъ въ Филадельфїю и въ другїе города иногда въ простой коляскѣ, иногда въ обыкновенной почтовой каретѣ или *дилижансѣ*. Не рѣдко случалось, что путешественники, сидя съ нимъ въ трактирѣ за общимъ столомъ, предлагали ему пить здоровье Генерала Вашингтона, не зная, что онъ съ ними обѣдаетъ. — Казалось, что Революцїя отвратила его отъ Французовъ; по крайней мѣрѣ онъ удалялся отъ нихъ, и безъ крайней необходимости не говорилъ уже по-Французски, любивъ прежде языкъ сей болѣе всѣхъ другихъ.

Съ Французскаго.

VI.

СМѢСЬ.

Г. Горнманъ, въ описанїи своего Африканскаго путешествїя, говоритъ, что одинъ старой Арабъ, встрѣтившись съ нимъ на пути его изъ Каира въ Мурзукъ, столицу Фецана, или древней страны Гарамантовъ, и видя, что переводчикъ готовитъ ему кушанье, сказалъ: „Ты молодъ, а заставляешь другихъ служить себѣ! Это можетъ быть обычай „невѣрныхъ (Христїянъ); но у насъ его „нѣтъ. Слава Богу! мы въ пустыняхъ „своихъ ни отъ кого не зависимъ; подобно бѣднымъ пилигримамъ, ѣдимъ и „пьемъ, что находимъ, и что сами приготовляемъ. Тебѣ надобно выучиться „всему, что дѣлаютъ Арабы; и тогда, „въ случаѣ нужды, поможешь другимъ. „Иначе скажутъ, что ты хуже женщины; презрятъ тебя и ограбятъ, какъ „человѣка недостойнаго имѣть избытокъ. „Ты безъ сомнѣнїя богатъ (примолвилъ „старикъ съ насмѣшкою), и платишь „дорого слугамъ своимъ.“ — Это наставленїе (пишетъ Г. Горнманъ) сильно на меня подѣйствовало: я началъ все дѣлать самъ, и товарищи мои, Арабы, стали уважать меня гораздо болѣе прежняго,

говоря: *теперь мы видимъ, что и ты человѣкъ!*

Любовь сильнѣе всего дѣйствуетъ на развитіе Генія: какой Поэтъ не чувствовалъ ея вліянія на таланть свой? Мильтонъ, Гомеръ и Демосѳенъ Англіи, сдѣлался Поэтомъ отъ слѣдующаго романическаго приключенія. Онъ учился въ Кембрическомъ Университетѣ и былъ тогда красавецъ. Однажды, гуляя съ товарищами по берегу рѣки, играя и рѣзвясь съ ними, онъ такъ усталъ, что бросился на траву подъ деревомъ и заснулъ крѣпкимъ сномъ. Двѣ иностранныя дамы, проѣзжая мимо, увидѣли красавца, остановились, вышли изъ кареты и нѣсколько минутъ смотрѣли на него съ удивленіемъ; послѣ чего одна изъ нихъ, молодая и прекрасная, вынула карандашь, написала нѣсколько строкъ и положила бумагу подлѣ спящаго Мильтона. Онѣ сказали ему: *прости, Адонисъ!* сѣли въ карету, и скрылись. Товарищи Мильтоновы видѣли ихъ; разбудили его и разсказали ему сіе приключеніе. Онъ взялъ бумагу и съ восторгомъ прочиталъ Италіянскіе стихи изъ Гварини такого содержанія:

Глаза закрытые! вы должны быть прекрасны!
Уже я чувствую волненіе въ крови,
Воображая васъ. Сколь былибъ вы опасны,
Когдабъ открылися съ улыбкою любви?

Съ сего времени Мильтонъ безпрестанно занимался прелестною незнакомкою, искалъ ее въ Англіи, въ Италіи; пылалъ воображеніемъ, и началъ писать стихи. Такимъ образомъ сей молодой женщинѣ вѣкъ Мильтоновъ, нашъ и потомство обязаны однимъ изъ лучшихъ произведеній ума человѣческаго: *Потеряннымъ Раемъ*.

Въ одномъ Нѣмецкомъ Журналѣ, послѣ описанія Энгелева (*) погребенія, сказано: „Нѣмцы любятъ изъявлять трога„тельнымъ образомъ уваженіе къ мерт„вымъ; и сверхъ того въ насъ есть ка„кая-то меланхолическая склонность за„ниматься всѣмъ, что относится къ „могилѣ и смерти. Весьма многіе Нѣмцы „всякаго роду и состоянія заготовляютъ „одежду, въ которой они хотятъ быть „погребенными, хранятъ ее въ какомъ „нибудь уединенномъ мѣстѣ, показыва„ютъ за тайну друзьямъ своимъ и со„вѣтуются съ ними о гробовомъ нарядѣ,

(*) Энгель сочинилъ Свѣтскаго Философа, Мимику и похвальное слово Фридриху Великому.

„какъ бы о свадебномъ и праздничномъ. „Нѣкоторые заказываютъ себѣ даже и „гробы въ самыхъ цвѣтущихъ лѣтахъ.“

Изъ Копенгагена пишутъ о чудесномъ дѣйствіи музыки на человѣческія нервы. Одинъ музыкантъ игралъ на скрыпкѣ при больной женщинѣ, которая 8 лѣтъ была въ жестокомъ параличѣ отъ сильнаго испуга и не имѣла никакого движенія. Онъ увидѣлъ, что игра его производитъ въ ней какое-то дѣйствіе; продолжалъ, и впечатлѣніе звуковъ обнаруживалось минута отъ минуты сильнѣе. Наконецъ, черезъ часъ, она могла поднять голову и руки. Теперь сія женщина въ Швендбургѣ, гдѣ искусный Докторъ взялся довершить ея исцѣленіе.

VII.

Утро (*).

Огнистый Сиріусъ сверкающія стрѣлы
Металъ еще съ небесъ въ подлунные предѣлы;

(*) Оно напечатано въ Петербургѣ вмѣстѣ съ Гимномъ Клеанта. Для удовольствія читателей Вѣстника, живущихъ въ Москвѣ и въ провинціяхъ, помѣщаю здѣсь эту въ самомъ дѣлѣ *живописную картину* утра.

Лежала на холмахъ вкругъ нощь и тишина;
Вселенная была безмолвія полна,
А только вѣтровъ свистъ, лѣсовъ листы шептали,
Шумъ бьющихъ въ камни волнъ, со скалъ потоковъ ревъ,
И изрѣдка вдали рычащій левъ,
Молчанье прерывали.
Клеантъ, проснувшійся въ пещерѣ, всталъ
И свѣта дожидался;
Но говоръ птицъ едва по малу слышенъ сталъ,
Вкругъ по брегамъ раздался,
И воскликнулъ соловей;
Туманна свѣта сѣть по небу распростерлась:
Сокрылся Сиріусъ за ней,
И нощь бѣгущая чуть зрѣлась.
Мудрецъ восшелъ на вышній холмъ,
И тамъ сѣдымъ склонясь челомъ,
Возсѣлъ на мшистый пень подъ дубомъ многолѣтнымъ,
И внизъ изъ-подъ вѣтвей пустилъ свой взоръ
На море, на лѣса, на сини цѣпи горъ,
И зрѣлъ съ восторгомъ благолѣпнымъ
Отъ сна на возстающій міръ.
Какое зрѣлище! какой прекрасный пиръ
Открылся всей ему Природы!
Онъ видѣлъ землю вдругъ, и небеса, и воды
И блескъ Планетъ
Тонущій тихо въ юный, рдяный свѣтъ.

Онъ зрѣлъ, какъ солнцу путь заря уготовляла,
Лиловые ковры съ улыбкой разстилала,
Врата восшока отперла,
Крылатыхъ коней запрягла,
И звѣздъ царя, сего вѣнчаннаго возницу,
Румяною рукой взвела на колесницу;
Какъ хоромъ утреннихъ часовъ окружена,
Подвигнулась въ свой путь она,
И восшумѣла въ слѣдъ съ колесъ ея волна;
Багряны возжи напряглися
По конскимъ блещущимъ спинамъ:
Летятъ вверьхъ, пышутъ огнь, свѣтъ мещутъ по странамъ,
И мглы подъ ними улеглися,
Тумановъ рѣки разлилися,
Изъ коихъ зыблющихъ сѣдинъ,
Челомъ сверкая золотымъ,
Возстали горы изъ долинъ,
И воскурился сверьхъ ихъ тонкій дымъ.
Онъ зрѣлъ, какъ свѣта богъ съ морями соравнялся,
И алый лучь по нихъ восколебался,
Посыпались со скалъ
Рубины, яхонты, кристалъ,
И бисеры перловы
Зажглися на вѣтвяхъ;
Багряны тѣни, бирюзовы,
Слилися съ златомъ въ облакахъ —
И все сіяніе покрыло!
Онъ видѣлъ, какъ сіе божественно свѣтило

На высоту небесъ взнесло свое чело,
И пропастей лице лучами расцвѣло!
Открылося морей огнисто протяженье.
Тамъ съ холма въ нихъ глядитъ навѣсясь
темный кедръ;
Тамъ съ шумомъ вержетъ китъ на воздухъ
рѣкъ стремленье;
Тамъ челнъ на парусахъ бѣжитъ средь во-
ныхъ нѣдръ;
Тамъ, выплывъ изъ пучины,
Играютъ, рѣзвятся дельфины,
И рыбъ стада сверкаютъ чешуёй,
И блещутъ чуды чрева бѣлизной.
А тамъ среди лѣсовъ гора переступаетъ:
Подъемлетъ хоботъ слонъ и съ древъ плоды
снимаетъ.
Здѣсь вмѣстѣ два холма срослись
И на велблюдѣ поднялись;
Тамъ конь, пустя по вѣтру гриву,
Бѣжитъ и мнетъ волнисту ниву.
Здѣсь кроликъ подъ кустомъ лежитъ,
Глазами красными блеститъ;
Тамъ серны, прядая съ холма на холмъ стрѣлами,
Стоятъ на крутизнахъ, висятъ подъ облаками;
Тутъ, взоры пламенны вверьхъ устремляя
къ нимъ,
На лапахъ нервистыхъ сидитъ зубастый
скимнъ;

Здѣсь пестрый алчный тигръ въ лѣсъ крадется дебристый
И ищетъ, гдѣ залегъ олень роговѣтвистый;
Тамъ къ плещущимъ ключамъ въ зеленый мягкій логъ
Стремится въ жаждѣ пить единорогъ;
А здѣсь по воздуху витаетъ
Пернатыхъ, насѣкомыхъ рой;
Лѣса, поля, моря и холмы населяетъ
Чудесной пестротой:
Тѣ въ златѣ, тѣ въ сребрѣ, тѣ въ розахъ, тѣ въ багрянцахъ,
Тѣ въ свѣтлыхъ заревахъ, тѣ въ желтыхъ, сизыхъ глянцахъ,
Гуляютъ по цвѣтамъ вдоль рѣкъ и вкругъ озеръ;
Надъ ними въ высотѣ ширяется орелъ!
А тамъ, съ пологихъ горъ, селъ кровы, башенъ спицы,
Лучами отразясь, мелькаютъ на водахъ.
Тутъ слышенъ рога зовъ, тамъ эхо отъ цѣвницы,
Блеянье, ржанье, ревъ и топотъ на лугахъ.
А здѣсь, сквозь птичій хоръ и шумъ отъ водопада,
Несутся громы въ слухъ съ великолѣпна града,
И изъявляютъ зодчихъ трудъ.
Тамъ поселяне плугъ влекутъ;
Здѣсь сѣти рыболовъ кидаетъ,
На удѣ блещетъ серебро;
Тамъ огнь съ оружьемъ войскъ сверкаетъ.——
И все то благо, все добро!

Клеантъ, на все сіе взирая,
Былъ внѣ себя Природы отъ чудесъ;
Верьховный умъ Творца воображая,
Излилъ потоки сладкихъ слезъ. —
Все дѣло рукъ Твоихъ! вскричалъ во умиленьѣ,
И арфу въ восхищеньѣ
Пріявъ, благоговѣнья полнъ,
Въ дорическій настроя тонъ,
Умолкъ; — но лишь съ небесъ, сквозь дубъ
сводъ листвяный
Проникнувъ, на него палъ свѣтъ багряный,
Брада сребристая, чело,
Зардѣвшися, какъ солнце расцвѣло:
Ударилъ по струнамъ, и отъ холма съ вершинъ
Какъ искръ струи въ долъ быстро по-
катились,
Далеко звуки разгласились. . . .
Воспѣлъ онъ Богу гимнъ. . . .

Державинъ.

VIII.

Подражаніе.

Кипридѣ вздумалось оставить здѣшній свѣтъ,
Сокрыться въ монастырь, и все свое имѣнье
Отдать мнѣ съ Хлоей въ награжденье;
Не знаю, кто ей далъ совѣтъ
Въ душеприкащики пожаловать Амура,
Не бога — бѣдокура.
Онъ Хлоею прельстясь, ее обогатилъ;
Ей отдалъ радости, забавы, утѣшенье;
А я въ наслѣдство получилъ
Однѣ лишь слёзы и мученье!

В. Пушкинъ.

ПОЛИТИКА.

I.

Письмо изъ Берна.

Гельвецїя, испытавъ разныя Конституцїи, послѣ долговременнаго волненїя утвердила наконецъ правленїе, которое кажется ей лучшимъ и сообразнѣйшимъ съ пользою разныхъ частей ея.

Трудно было достигнуть до сей цѣли въ такой землѣ, гдѣ всякой Кантонъ долго имѣлъ свои особенные законы, нравы, правленїе и налоги. Надлежало согласить людей, которые исповѣдуютъ разныя вѣры и говорятъ разными языками; одни живутъ на землѣ плодоносной, а другїе среди льдовъ и пропастей. Подчиняя всѣ Кантоны одной системѣ, законодатель не могъ соблюсти ихъ частныхъ и мѣстныхъ выгодъ; а взявъ ихъ за главное основанїе Конституцїи, онъ боялся слишкомъ раздробить правленїе. Чтобы избѣжать сихъ двухъ опасностей, собрались въ Бернѣ Нотабли, выбранные изъ гражданъ, не имѣющихъ никакого участїя въ правленїи временномъ. Патрїоты надѣялись, что мнѣнїе ихъ будетъ

тѣмъ безпристрастнѣе. Сіи Нотабли въ тишинѣ сочинили Конституцію, и народъ по большинству голосовъ принялъ ее.

Новое правленіе состоитъ изъ общаго Сейма, имѣющаго власть законодательную — изъ Сената, предлагающаго законы, и Совѣта, который исполняетъ ихъ, и въ которомъ засѣдаютъ три Члена Сената. Такимъ образомъ всѣ Кантоны, посредствомъ своихъ Депутатовъ въ Сенатѣ и Сеймѣ, имѣютъ участіе въ законодательной власти.

Предметы общей пользы, безопасность Республики и ея связи съ другими Государствами относятся къ главному или общему правленію. Но всякой Кантонъ имѣетъ свое особенное образованіе, свою экономію и полицію; печется о школахъ, благодѣтельныхъ заведеніяхъ, содержаніи дорогъ, и даетъ жалованье духовенству. Такимъ образомъ Кантоны имѣютъ способъ угождать своимъ мѣстнымъ выгодамъ, но не могутъ отдѣлиться отъ Республики, будучи соединены съ нею общественнымъ Правленіемъ (располагающимъ воинскою силою), единообразіемъ законовъ уголовныхъ и коммерческихъ, и наконецъ учрежденіемъ вышняго судилища, которое рѣшитъ всѣ важныя дѣла. — Патріоты надѣятся, что такое соединеніе частныхъ

выгодъ съ общею пользою обезоружитъ наконецъ малое число недовольныхъ, жалѣющихъ о прежнихъ системахъ.

Упомянная Гельвецїя должна чувствовать нужду въ спокойствїи и согласїи Кантоновъ, безъ чего она не могла имѣть никакой политической связи съ другими землями. — Всѣ части новой Конституцїи приводятся въ дѣйствїе. Сенатъ наименовалъ уже членовъ Исполнительнаго Совѣта: Гражданъ Дольдера, Ритмана и Фисли; первый называется Ландманомъ, а второй и третїй Штатгальтерами. Городъ Бернъ съ радостїю торжествовалъ день новаго политическаго образованїя Гельвецїи.

(*Изъ Монитёра.*)

II.

Письмо изъ Бальтимора.

II въ Англїи и во Францїи по разнымъ причинамъ описываютъ Луизїану земнымъ раемъ, въ который надобно только войти, чтобъ быть щастливымъ; но она въ самомъ дѣлѣ есть ничто иное, какъ дикая земля, и Французское Правленїе должно издержать много денегъ,

чтобы сдѣлать ее важною для торговли. Въ 45 миляхъ отъ устья рѣки Сгїо, на западномъ берегу Миссисипи, одинъ изъ нашихъ соотечественниковъ, Полковникъ Морганъ, вздумалъ заводить колонїю съ дозволенїя Короля Гишпанскаго, и мѣсто, назначенное для города, названо Новымъ Мадритомъ; но гораздо легче назвать, нежели населить городъ. Впрочемъ планъ сего Новаго Мадрита очень хорошъ; недостаетъ бездѣлицы: домовъ и жителей. Улицы должны быть въ 25 саженъ шириною, съ прекрасными алеями и съ *намостомъ* (trottoirs) съ обѣихъ сторонъ, такъ какъ въ Филадельфїи. Назначено множество народныхъ гульбищъ, множество алей вокругъ всего города. Не забыли и Короля Гишпанскаго: ему отвели нѣсколько тысячь саженъ для дворца; а въ случаѣ нужды могли бы прибавить втрое — и тогда бы онъ все еще не могъ жаловаться на близкое сосѣдство. Естьли бы во Францїи или въ Англїи было такое прекрасное, живописное и волшебное мѣсто, какое назначено для Новаго Мадрита, то скоро выстроился бы великолѣпный городъ, единственный въ свѣтѣ. Можетъ быть новые властители Луизїаны произведутъ въ дѣйство планъ гражданина Моргана.

Рѣка Миссиссипи, орошающая плодоносную землю Луизїаны, открыта въ 1541 году Фердинандомъ Сото. Г. Ласаль первый въ концѣ 17 вѣка доплылъ до самаго устья ея, и по возвращенїи своемъ во Францїю описалъ сїю страну такими прелестными красками, что Лудовикъ XIV вздумалъ завести тамъ Колонїю, и отправилъ туда эскадру подъ начальствомъ Ласаля. Слѣдствїя были нещастливы: Французы, непривычные къ климату Луизїаны, сдѣлались его жертвою. Самъ Ласаль погибъ отъ руки своихъ раздраженныхъ товарищей. Король отдалъ Луизїану Господину Грозату; но по смерти Лудовика XIV она снова возвратилась подъ власть Французской Державы, которая въ 1763 году уступила ее Гишпанїи.

III.

Таблица Англійской торговли въ теченіе 12 лѣтъ.

I. Ввозимые товары.

Годы.	Цѣна товаровъ, кромѣ Индѣйскихъ и Китайскихъ.	Цѣна Индѣйскихъ и Китайскихъ товаровъ.
1787	14,373,156-15- 7	3,430,868- 0- 6
1788	14,573,290-17- 9	3,453,897- 3- 5
1789	14,461,954- 9- 2	3,359,148- 1- 5
1790	15,981,015-11- -	3,149,870-14- 8
1791	15,971,069- - 7	3,698,713-13- -
1792	16,957,810-17- 3	2,701,547- 9- 4
1793	15,757,693-16-10	3,499,023-12-10
1794	17,830,418-19- -	4,458,475- 1- 5
1795	16,976,199- 1- 8	5,760,710- 8- 3
1796	19,800,957- - 5	3,386,362-18- -
1797	17,063,794- 8- 5	3,950,162- 9- -
1798	20,236,285-19-11	3,712,707- 4- 8

Что въ сложности двенадцати лѣтъ составляетъ 244 милліона, 545 тысячь, 113 фунтовъ стерлинговъ, 13 шиллинговъ и 8 пенсовъ, то есть около 2450 милліоновъ рублей.

II. Вывозимые товары.

Годы.	Цѣна собственныхъ Англїйскихъ товаровъ.	Цѣна иностранныхъ товаровъ.
1787	12,054,224- 3- 2	4,815,890- 2- 5
1788	12,724,612- 7- 1	4,747,796- - 6
1789	13,779,506- 2- 6	5,561,042-14- 5
1790	14,921,084- 9- 7	5,199,037- 7-11
1791	16,810,018-16- 4	5,921,976-10-11
1792	18,356,851- 6-11	6,568,348-16- 6
1793	13,892,268-17- 7	6,497,911- 9- 3
1794	16,725,402-16- 2	10,003,564-19- 3
1795	16,527,213- 2- 2	10,785,125-15- 2
1796	19,106,444-17- 5	11,317,740 - 8
1797	16,903,103- 6- 1	12,013,907- 2- -
1798	19,771,510-11- 4	13,883,885-15-11

Что въ сложности двенадцати лѣтъ составляетъ 288 миллїоновъ, 888 тысячь, 467 фунтовъ стерлинговъ, 15 шиллинговъ, 1 пенни, то есть около 2890 миллїоновъ рублей.

IV.

Смѣсь.

По случаю собиранїя голосовъ для выбора Бонапарте на всю жизнь въ Консулы,

извѣстный Генералъ Лафаетъ написалъ къ нему письмо, въ которомъ давалъ ему разныя *наставленія*, и между прочимъ совѣтовалъ возстановить свободное книгопечатаніе безъ цензуры. Бонапарте велѣлъ одному изъ Адъютантовъ своихъ отвѣчать ему словесно: „естьли бы я „послушался Генерала Лафаета, то мы „оба съ нимъ не могли бы прожить ни „трехъ мѣсяцевъ во Франціи."

Извѣстно, что славный Сіесъ есть Авторъ нынѣшней Французской Конституціи; но въ планѣ его столько перемѣнили, что едва осталось самое основаніе. Не давно Сіесъ изъявлялъ одному изъ пріятелей своихъ разныя неудовольствія въ разсужденіи нынѣшней системы Французскаго правленія. „Вы сами сочинили эту Конституцію," сказалъ ему сей пріятель. *Правда*, отвѣчалъ Сіесъ: *но злой духъ насѣялъ множество плевелъ въ моей пшеницѣ* Вообще Сіесъ любитъ говорить текстами изъ Библіи.

Бонапарте, отправляя Адмирала Villaрета въ Мартинику, сказалъ ему: „Вы будете тамъ полнымъ властелиномъ, какимъ мнѣ не возможно быть во „Франціи." Однакожь онъ не примолвилъ: *къ сожалѣнію!*

V.

Извѣстія и Замѣчанія.

Англія и Франція составляютъ великую сцену Европейской Политики; когда тамъ не дѣлается ничего важнаго, мы говоримъ: „нѣтъ политическихъ новостей!“ Розница между сими двумя Государствами есть та, что въ одной мы любопытствуемъ знать дѣла народныя, а въ другой дѣла Консула Бонапарте. Въ Англіи шумные выборы почти всѣ кончились, и всѣ именитые Члены бывшаго Парламента снова выбраны. Нѣкоторымъ стоила эта честь дорого: на примѣръ, Франсисъ Бордетъ издержалъ около 300,000 рублей на пиры и подарки, чтобы имѣть удовольствіе отъ времени до времени употреблять пышныя фразы и бранить Министровъ въ Парламентѣ, гдѣ всякой Членъ, по законамъ Англіи, можетъ смѣло говорить все, что ему угодно, не давая отчета въ словахъ своихъ. Французы съ великимъ жаромъ осуждаютъ необузданность Британскаго народа при выборахъ и находятъ страшное Якобинство въ Англіи: какъ времена или, лучше сказать, Французы перемѣняются! *Тѣмъ лучше!* скажетъ истинный другъ людей и спокойствія, особливо читая въ Мониторѣ,

что *величіе Французскаго имени должно быть отнынѣ слѣдствіемъ цвѣтущихъ мануфактуръ и благоразумной системы Правленія въ разсужденіи Колоній* (la grandeur du nom Français sera le résultat d'un bon système colonial & de la prospérité de nos manufactures); это обѣщаетъ намъ много товаровъ, и можетъ быть опасно только для кошелька небережливыхъ людей. Бонапарте хотѣлъ безъ сомнѣнія ободрить Французскихъ фабрикантовъ, назвавъ ихъ главнымъ орудіемъ народной славы. Великіе люди не говорятъ ничего безъ великаго намѣренія; иначе такая мысль могла бы показаться странною. Мы еще не находили въ Исторіи, чтобы какой нибудь народъ былъ возвеличенъ фабрикантами! — Къ похвальнымъ учрежденіямъ Консула принадлежитъ новая строгая цензура театральныхъ піесъ и запрещеніе играть всѣ неблагопристойныя, вредныя для нравственности. Истинные таланты не будутъ жаловаться на сію строгость, имѣя способъ нравиться безъ ничтожной игры словъ и тѣхъ безчинныхъ сценъ, которыя можно назвать школою разврата, и которыя забавляютъ одинъ грубой партеръ. Чтобы возвысить достоинство Театра, драматическихъ Авторовъ и Актеровъ, надобно сдѣлать его училищемъ

нравовъ, свѣтскихъ добродѣтелей и благороднаго тона. — Въ Парижскомъ Журналѣ, Bulletin de Paris, издаваемомъ Государственнымъ Совѣтникомъ С. Жанъ д'Анжели, напечатанъ совѣтъ назвать Францію *Республикою - Имперіею*, а Бонапарте *Великимъ Президентомъ*. — — Въ *Монитёрѣ* описываются всѣ напасти и злодѣйства Алжирскихъ разбойниковъ: изъ чего заключаютъ, что Консулъ намѣренъ унять сихъ варваровъ.

Слухи о намѣреніи нѣкоторыхъ Дворовъ въ разсужденіи Турецкаго потревожили Лондонскихъ купцовъ, имѣющихъ дѣла съ Константинополемъ. Министръ Гакесбури отвѣчалъ имъ, что ему неизвѣстны никакія намѣренія, опасныя для цѣлости Оттоманскихъ владѣній.

Французскія войска выступаютъ изъ Швейцаріи: чѣмъ утверждается ея независимость и новая Конституція.

Изъ Текселя пишутъ, что тамъ всѣ трактиры наполнены людьми, ѣдущими въ Голландскія Колоніи искать фортуны.

Бернардень Сен - Пьеръ, Авторъ прекраснаго романа Paul & Virginie, напечаталъ въ Журналахъ извѣстіе, важное для мореплавателей. Онъ увѣдомляетъ, что

письма, вложенныя въ бутылку хорошо закупоренную и брошенную въ море, доходятъ до своей цѣли: волны рано или поздно выкидываютъ ихъ на какой нибудь берегъ. Бернардень разсказываетъ щастливые опыты. Первая бутылка, брошенная въ Бискайскомъ заливѣ 17 Авг. 1786, найдена 9 Мая 1787 на берегахъ Нормандіи; вторая съ письмомъ къ нему самому приплыла въ три недѣли отъ 42 градуса широты къ Мысу Пріорскому; третья, кинутая въ море въ 200 миляхъ на сѣверъ отъ Иль-де-Франса, проплыла 900 миль и найдена на берегу Мыса Доброй Надежды; а четвертая въ Гваделупѣ, проплывъ въ 2 мѣсяца болѣе двухъ сотъ миль. „Успѣхъ сихъ опытовъ (говоритъ Бернар„день) можетъ быть спасеніемъ мореплава„телей, которые, претерпѣвъ кораблекрушеніе, живутъ на берегахъ необитаемыхъ и неизвѣстныхъ. Такимъ образомъ „злощастный Лаперузъ, можетъ быть, до„нынѣ скитается въ какихъ нибудь пу„стыняхъ!“.. Сія надежда, что Лаперузъ еще живъ, опровергается выпискою изъ Иль-де-Франскихъ Вѣдомостей, напечатанною въ послѣднемъ *Монитёрѣ*. Тамъ сказано: „Американскій Капитанъ Ин„дженоль, пріѣхавшій изъ Китая, слышалъ „на Сандвичскихъ островахъ, что еще пре-

„жде Французской Революціи (неизвѣ-
„стно точно, въ которомъ году), одинъ
„корабль, вышедшій изъ Брестской гавани,
„присталъ къ острову, называемому *Коро-*
„*левою Шарлотою*, въ Комшерварскомъ за-
„ливѣ; что на семъ кораблѣ было мно-
„жество больныхъ; что дикіе жители
„взошли на него, убили Капитана и всѣхъ
„матрозовъ, исключая одного молодаго
„человѣка, котораго судьба неизвѣстна.
„Вѣроятно, что сей корабль, послѣ сож-
„женный дикими, былъ Лаперузовъ."

Конецъ четвертой Части.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ЧЕТВЕРТОЙ ЧАСТИ.

ІЮЛЬ No 13.

Стран.

I. Топографическое описаніе царства Поэзіи. - - - 3
II. Исторія Лафлёра, Стернова слуги. 12
III. Феноменъ Англійской Литтературы. - - - 21
IV. Письмо молодаго Француза изъ Неаполя. - - - 26
V. Рыцарь нашего времени. - 35
VI. Къ Л*, на смерть подруги его. 51
VII. Элегія. - - - - 52
VIII. Жизнь Туссена Лувертюра. - 57
IX. О нынѣшнихъ Министрахъ Англіи. 68
X. Извѣстія и замѣчанія. - 73

ІЮЛЬ No 14.

I. Предубѣжденія женщины. - 85
II. Отъ чего въ Россіи мало авторскихъ талантовъ? - - 120
III. Гробъ Нарциссы. - - 129
IV. Благоразумный человѣкъ. - 132
V. Письмо изъ Парижа. - 138
VI. Республики Семи-Островов. 145
VII. Число жителей въ Англіи. - 154
VIII. Умноженіе жителей и великіе успѣхи торговли въ сѣверной Америкѣ. - - 155
IX. Извѣстія и замѣчанія. - 157

АВГУСТЪ № 15.

Стран.

I. О напрасныхъ ожиданіяхъ. - 165

II. Игра судьбы. - - 177

III. Бѣдный Жакъ. - - 193

IV. О Крокодилѣ. - - 199

V. Воздушное путешествіе. - 202

VI. Письмо изъ Неаполя. - - 206

VII. Историческія воспоминанія и замѣчанія на пути къ Троицѣ. - 207

VIII. Смѣсь. - - - 226

IX. Выборъ Парламентскихъ Членовъ въ Лондонѣ. - - 229

X. Жизнь Туссена Лувертюра (окончаніе). - - - 232

XI. Извѣстія и Замѣчанія. - 241

АВГУСТЪ No 16.

Стран.

I. Лидана и Вальмиръ. - 253

II. Письмо Христофора Коломба къ Гишпанскому Королю, недавно найденное. - - 280

III. Историческія воспоминанія, вмѣстѣ съ другими замѣчаніями, на пути къ Троицѣ и въ семъ монастырѣ (продолженіе). - 287

IV. О долголѣтной жизни. - 304

V. О Вашингтонѣ. - - 309

VI. Смѣсь. - - - 311

VII. Утро. - - - 314

VIII. Подражаніе. - - 320

IX. Письмо изъ Берна. - 321

X. Письмо изъ Бальтиморы. - 323

XI. Таблица Англійской торговли въ теченіе 12 лѣтъ. - - 326

XII. Смѣсь. - - - 327

XIII. Извѣстія и Замѣчанія. - 329